

Н. И. УЛЬЯНОВ

**ПРОИСХОЖДЕНІЕ
УКРАИНСКАГО СЕПАРАТИЗМА**

НЬЮ ЙОРК
1966

© by Nicholas Oulianoff
New Haven, Conn. U. S. A.

Printed in Spain

Depósito Legal: M. 13.898 - 1966

Imprenta R. T., sucesor de Gajo Sáez.—Mesón de Paños, 6, Madrid.

Особенность украинского самостійничества в том, что оно ни под какія из существующих ученій о національных движеніях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже національного угнетенія, как перваго и самаго необходимаго оправданія для своего возникновенія, у него нѣтъ. Единственный образец «угнетенія» — указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшіе свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языкѣ, не воспринимались населеніем, как національное преслѣдованіе. Не только простой народ, не имѣвшій касательства к созданію этого языка, но и девяносто девять процентов прѣсвѣщеннаго малороссійскаго общества, состояло из противников его легализаціи. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяній большинства народа, сдѣлала его своим политическим знаменем. За всѣ 300 лѣтъ пребыванія в составѣ Россійскаго Государства, Малороссія-Украина не была ни колоніей, ни «порабощенной народностью».

Когда-то считалось само собой разумѣющимся, что національная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главѣ националистическаго движенія. Нынѣ украинское самостійничество дает образец величайшей ненависти ко всѣм наиболѣе чтимым и наиболѣе

древним традиціям и культурным цѣнностям малороссійскаго народа: оно подвергло гоненію церковно-славянскій язык, утвердившійся на Руси со времен принятія христіанства и еще болѣе жестокое гоненіе воздвигнуто на общерусскій литературный язык, лежавшій, в теченіе тысячи лѣтъ в основѣ письменности всѣх частей Кіевскаго Государства, во время и послѣ его существованія. Самостійники мѣняют культурно-историческую терминологию, мѣняют традиціонныя оцѣнки героев и событій прошлаго. Все это означает не пониманіе и не утвержденіе, а искорененіе національной души. Истинно-національное чувство приносится в жертву сочиненному партійному націонализму.

Схема развитія всякаго сепаратизма такова: сначала, якобы, пробуждается «національное чувство», потом оно растет и крѣпнет, пока не приводит к мысли об отдѣленіи от прежняго государства и созданіи новаго. На Украинѣ этот цикл совершался в обратном направленіи. Там сначала обнаружилось стремленіе к отдѣленію и лишь потом стала создаваться идейная основа, как оправданіе такого стремленія.

В заглавіи настоящей работы, не случайно употреблено слово «сепаратизм» вмѣсто «націонализма». Именно національной базы нехватало украинскому самостійничеству во всѣ времена. Оно всегда выглядѣло движеніем ненародным, ненаціональным, вслѣдствіе чего страдало комплексом неполноцѣнности и до сих пор не может выйти из стадіи самоутвержденія. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причинѣ ярко выраженнаго их національнаго облика, то для украинских самостійников главной заботой все еще остается доказать отличіе украинца от русскаго. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданіем антропологических, этнографических и лингвистических теорій, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теоріи, по которым славянское происхожденіе оставлено только за украинцами, русскіе же отнесены к монголам, к туркам, к

азіатам. Ю. Щербакивському и Ф. Вовку доподлинно стало извѣстно, что русскіе представляют собою потомков людей ледниковаго періода, родственных лопарям, самоѣдам и вогулам, тогда, как украинцы — представители переднеазійской круглоголовой расы, пришедшей из-за Чернаго моря и осѣвшей на мѣстах освобожденных русскими, ушедшими на сѣвер вслѣд за отступающим ледником и мамонтом¹. Высказано предположеніе, усматривающее в украинцах остаток населенія утонувшей Атлантиды.

И это обиліе теорій, и лихорадочное культурное обособленіе от Россіи, и выработка новаго литературнаго языка не могут не бросаться в глаза и не зарождают подозрѣнія в искусственности національной доктрины.

В русской, оособенно эмигрантской, литературѣ существует давнишняя тенденція объяснять украинскій націонализм исключительно воздѣйствіем внѣшних сил. Особенное распространеніе получила она послѣ первой міровой войны, когда вскрылась картина широкой дѣятельности австро-германцев по финансированію организацій, вроде «Союза Вызволенія Украины», по организаціи боевых дружин («Сичевые Стрѣльцы»), воевавших на сторонѣ нѣмцев, по устройству лагерей-школ для плѣнных украинцев. Д. А. Одинец, погрузившійся в эту тему и собравшій обильный матеріал был подавлен грандіозностью нѣмецких планов, настойчивостью и размахом пропаганды в цѣлях насажденія самостійничества². Вторая міровая война явила еще болѣе широкое полотно в этом смыслѣ.

Но с давних пор историки, и среди них такой авторитет, как проф. И. И. Лаппо, обратили вниманіе на поляков, приписывая им главную роль в созданіи автономистскаго движенія.

Поляки, в самом дѣлѣ, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими еще в эпоху гетманщины. Но и в новыя времена их творчество очень велико. Так, самое употребленіе слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературѣ стало насаждаться ими. Оно

встрѣчается уже в сочиненіях графа Яна Потоцкаго ^{2*}. Другой поляк, гр. Фаддей Чацкій, тогда же вступает на путь расоваго толкованія термина «украинец». Если старинные польскіе анналисты, вродѣ Самуила Грондскаго, еще в XVII вѣкѣ выводили этот термин из географическаго положенія Малой Руси, расположенной на краю польских владѣній (“*Margo enim polonice kraj; inde Ukraina quasi provincia ad fines Regni posita*”) ³, то Чацкій производил его от какой-то никому кромѣ него не извѣстной орды «укров», вышедшей якобы из-за Волги в VII вѣкѣ ⁴.

Поляков не устраивала ни «Малороссія», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случаѣ, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей». Въѣдреніе «Украины» началось еще при Александрѣ I, когда, ополчивъ Кіев, покрывши весь правобѣрежный юго-запад Россіи густой сѣтью своих повѣтовых школ, основывъ польскій университет в Вильно и прибрав в руки открывшійся в 1804 году харьковскій университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссійскаго края.

Хорошо извѣстна роль польскаго кружка в харьковском университетѣ, в смыслѣ пропаганды малороссійскаго нарѣчія, как литературнаго языка. Украинскому юношеству внушалась мысль о чуждости общерусскаго литературнаго языка, общерусской культуры и, конечно, не забыта была идея нерусскаго происхожденія украинцев ⁵.

Гулак и Костомаров, бывшіе в 30-х годах студентами Харьковскаго университета, подверглись в полной мѣрѣ дѣйствию этой пропаганды. Ею же подсказана и идея всеславянскаго федеративнаго государства, провозглашенная ими в концѣ 40-х годов. Знаменитый «панславизм», вызывавшій во всей Европѣ яростную брань по адресу Россіи, был на самом дѣлѣ не русскаго, а польскаго происхожденія. Кн. Адам Чарторыйскій на посту руководителя русской иностранной политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрожденія Польши.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизмѣ лучше всего изложена историком Валеріаном Калинкой, понявшим безсмысленность мечтаній о возвращеніи

юга Россіи под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сдѣлать так, чтобы он был потерян и для Россіи^{6а}. Для этого нѣтъ лучшаго средства, чѣм поселеніе розни между южной и сѣверной Русью и пропаганда идеи их національной обособленности. В этом же духѣ составлена и программа Людвиг Мерославскаго, наканунѣ польскаго возстанія 1863 года.

«Вся агитація малороссіанизма — пусть перенесется за Днѣпр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом Хмельничины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа!... Вот весь польскій герценизм!»⁶.

Не менѣе интересный документ опубликован В. Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г., в газетѣ «Общее Дѣло» в Петроградѣ. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретнаго архива примаса униатской Церкви А. Шептицкаго, послѣ занятія Львова русскими войсками.

Записка составлена в началѣ первой міровой войны, в предвидѣніи побѣдоноснаго вступленія австро-венгерской арміи на территорию русской Украины. Она содержала нѣсколько предложеній австрійскому правительству на предмет освоенія и отторженія от Россіи этого края. Намѣчалась широкая программа мѣропріятій военнаго, правового, церковнаго порядка, давались совѣты по части учрежденія гетманства, формированія сепаратистски настроенных элементов среди украинцев, приданія мѣстному націонализму казацкой формы и «возможно полнаго отдѣленія украинской Церкви от русской».

Пикантность записки заключается в ея авторствѣ. Андрей Шептицкій, чьим именем она подписана, был польскій граф, младшій брат будущаго военнаго министра в правительствѣ Пильсудскаго. Начав свою карьеру австрійским кавалерійским офицером, он, впоследствии, принял монашество, сдѣлался іезуитом и с 1901 по 1944 г. занимал кафедру львовскаго митрополита. Все время своего пребыванія на этом посту он неустанно служил дѣлу отторженія Украины от Россіи под видом ея національной автономіи. Дѣятельность его, в этом смыслѣ, один из образцов воплощенія польской программы на востокѣ.

Программа эта начала складываться сразу же послѣ раздѣлов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинскаго націонализма и няньки при его воспитаніи. Они достигли того, что малороссійскіе націоналисты, несмотря на застарѣлыя антипатіи к Польшѣ, сдѣлались усердными их учениками. Польскій націонализм стал образцом для самага мелочнаго подражанія, вплоть до того, что сочиненный П. П. Чубинским гимн «Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражаніем польскому: «Еще Польша не сгинѣла».

Картина этих болѣе чѣм столѣтних усилій полна такою упорства в энергіи, что не приходится удивляться соблазну нѣкоторых историков и публицистов объяснить украинскій сепаратизм одним только вліяніем поляков⁷.

Но вряд ли это будет правильно. Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в нѣдрах украинскаго общества. Обнаружить и прослѣдить его превращеніе в видное политическое явленіе — задача настоящей работы.

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Когда говорят о «національном угнетеніи», как о причинѣ возникновенія украинскаго сепаратизма то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнета, но самих москалей на Украинѣ не было. Он существовал уже в момент присоединенія Малороссіи к Московскому Государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкій, с именем котораго связано воссоединеніе двух половин древняго русскаго государства. Не прошло и двух лѣтъ со дня присяги на подданство царю Алексѣю Михайловичу, как в Москву стали поступать свѣдѣнія о нелояльном поведеніи Хмельницкаго, о нарушеніи им присяги. Провѣрив слухи и убѣдившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольного Федора Бутурлина и думнаго дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблаговидность его поведенія. «Обѣщал ты гетман Богдан Хмельницкій со всѣм войском запорожским в святой Божіей церкви по непорочной Христовой заповѣди перед святым Евангеліем, служить и быть в подданствѣ и послушаніи под высокою рукою его царскаго величества и во всем ему великому государю добра хотѣть, а нынѣ слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочію и, еще хуже, соединились вы с непріателем великаго государя Карлом Густавом. королем шведским, который с по-

мощью войска запорожскаго его царскаго величества, отторгнул многіе города польскіе. И ты гетман оказал посobie шведскому королю без соизволенія великаго государя, забыл страх Божій и свою присягу перед святым Евангеліем»⁸.

Хмельницкаго упрекали в своеволіи, в недисциплинированности, но не допускали еще мысли об отложеніи его от Московскаго Государства. А между тѣм, ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексѣй Михайлович не знали, что имѣли дѣло с двоеданником, признававшим над собою власть двух государей, факт этот стал извѣстен в XIX вѣкѣ, когда историком Н. И. Костомаровым найдены были двѣ турецкія грамоты Мехмет-Султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московскаго, состоял в то же время подданным султана турецкаго. Турецкое подданство он принялъ еще в 1650 году, когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с увѣренностью возложили на себя этот кафтан, в том смыслѣ, что вы теперь стали нашим вѣрным данником»⁹.

Знали об этом событіи, видимо, лишь немногіе приближенные Богдана, в то время, как от казаков и от всего народа малороссійскаго оно скрывалось. Отправляясь в 1654 году в Переяславль на раду, Хмельницкій не отказался от прежняго подданства и не снялъ турецкаго кафтана, надѣвъ поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года послѣ присяги Москвѣ, султан шлет новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в невѣрном свѣтѣ свое соединеніе с Москвой. Факт новаго подданства он скрылъ от Константинополя, объяснив все дѣло, как временный союз, вызванный трудными обстоятельствами. Он попрежнему просил султана считать его своим вѣрным вассалом, за что удостоился милостиваго слова и завѣреніе в высоком покровительствѣ.

Двоедушіе Хмельницкаго не представляло чего нибудь исключительнаго; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успѣла она принести присягу Моск-

ѣтъ, как многіе дали понять, что не желают оставаться ей вѣрными. Во главѣ нарушивших клятву оказались такіе видные люди как Богун и Серко. Серко ушел в Запорожье, гдѣ стал кошевым атаманом, Богун, уманскій полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить все Побужье.

Были случаи прямого уклоненія от присяги. Это касается, прежде всего, высшаго духовенства, враждебно относившагося к идеѣ соединенія с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшіе такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно рѣшился отдаться царю, он запросил мнѣніе Сѣчи, этой метрополии казачества. Сѣчевики отвѣтили письмом, выражавшим их полное согласіе не переход «всего малороссійскаго народа, по обѣим сторонам Днѣпра живущаго, под протекцію великодержавнѣйшаго и пресвѣтлѣйшаго монарха Россійскаго». И послѣ того, как присоединеніе состоялось и Богдан прислал им в Сѣчь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрѣпленія и подтвержденія превысоким монархом стародавних прав и вольностей войска малороссійскаго народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троицѣ и поклоняемому Богу и нижайшее челобитствіе пресвѣтлѣйшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали. Покрывая их, гетман всячески успокаивал московское правительство, увѣряя, что «запорожскіе казаки люди малые, и то из войска перемѣнные, и тѣх в дѣло почитать нечего». Только с теченіем времени Москвѣ удалось настоять на их присягѣ¹⁰.

Когда началась война с Польшей и соединенное русско-малороссійское войско осаждало Львов, генеральный писарь Выговскій уговаривал львовских мѣщан не сдавать города на царское имя. Представителю этих мѣщан Кушевичу, отказавшемуся от сдачи, переяславскій полковник Тетеря шепнул по латыни «вы постоянны и благородны».

Сам Хмельницкій к концу войны сдѣлался крайнѣ непривѣтлив со своими коллегами — царскими воеводами;

дуловниа ёго, во время молитвы, когда садилсь за стол, перестал поминать царское имя, тогда как полякам, с которыми воевали, старшина и гетман оказывал знаки пріязни. Послѣ войны, они рѣшились на открытое государственное преступленіе, нарушив заключенный царем виленскій договор с Польшей и вступивши в тайное соглашеніе с шведским королем и седмиградским князем Ракочи о раздѣлѣ Польши. Двѣнадцать тысяч казаков было послано, на помощь Ракочи ¹¹. Всѣ три года, что Хмельницкій находился под московской властью, он вел себя, как человек готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от Россіи.

Приведенные факты имѣли мѣсто в такое время, когда царской администраціи на Украинѣ не существовало и никакими насиліями она не могла возстановить против себя малороссов. Объясненіе может быть одно: в 1654 году существовали отдѣльныя лица и группы, шедшія в московское подданство неохотно, и думавшія о том, как бы скорѣй из него выйти.

Объясненіе столь любопытнаго явленія надлежит искать не в малороссійской исторіи, а в исторіи днѣпровскаго казачества, игравшаго руководящую роль в событіях 1654 года. Вообще, истоки украинскаго самостійничества невозможно понять без обстоятельнаго экскурса в казачье прошлое. Даже новое имя страны «Украина» пошло от казачества. На старинных картах, территоріи с надписью «Украина» появляются впервые в XVII вѣкѣ, и если не считать карты Боплана, надпись эта всегда относится к области поселенія запорожских казаков. На картѣ Корнетти 1657 г., между "Bassa Volinia" и "Podolia" значится по теченію Днѣпра "Ukraine passa de Cosacchi". На голландской картѣ конца XVII вѣка то же самое мѣсто обозначено: "Ukraine of t. Land der Cosacken".

Отсюда оно стало распространяться на всю Малороссію. Отсюда же распространились и настроенія положившія начало современному самостійничеству. Далекое не всѣ

понимают роль казачества в создании украинской националистической идеологии. Происходит это, в значительной степени, из-за неверного представления о его природе. Большинство почерпает свои суждения о нем из исторических романов, пьес, преданий и всевозможных произведений искусства. Между тем, облик казака в поэзии мало сходен с его реальным историческим обликом.

Он выступает там в ореоле беззаветной отваги, воинского искусства, рыцарской чести, высоких моральных качеств, а главное — крупной исторической миссии: он — борец за православие и за национальные южно-русские интересы. Обычно, как только речь заходит о запорожском казаке, встает неотразимый образ Тараса Бульбы и надобно глубокое погружение в документальный материал, в исторические источники, чтобы освободиться от волшебства гоголевской романтики.

На запорожское казачество, с давних пор, установилось два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое — «рыцарское». Покойный Дм. Дорошенко, в своей популярной «Истории Украины с малюнками», сравнивает запорожскую Сечь со средневековыми рыцарскими орденами. «Тут постепенно выработалась, — говорит он, — особая воинская организация на подобие рыцарских братств, что существовали в Западной Европе». Но существует другой, едва ли не более распространенный взгляд, по которому казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы.

Эти два взгляда, непримиренные, несогласованные между собой, продолжают жить по сей день в самостоятельной литературе. Оба они не казачьи и, даже, не украинские. Польское происхождение первого из них не подлежит сомнению. Он восходит к ХУ вѣку и встречается впервые у польского поэта Папроцкого. Наблюдая панские

междоусобія, грызню магнатов, забвѣніе государственныхъ интересовъ и весь политическій развратъ тогдашней Польши, Папроцкій противопоставляетъ имъ свѣжую, здоровую, какъ ему казалось, среду, возникшую на окраинахъ Рѣчи Посполитой. Это — среда русская, казацкая. Погрязшіе во внутреннихъ распряхъ поляки, по его словамъ, и не подозревали, что много разъ были спасены отъ гибели этимъ окраиннымъ русскимъ рыцарствомъ, отражавшимъ, подобно крѣпостному валу, напоръ турецко-татарской силы. Папроцкій восхищается его доблестью, его простыми крѣпкими нравами, готовностью постоять за вѣру, за весь христіанскій міръ¹². Произведенія Папроцкаго были не реалистическимъ описаніемъ, а поэмами, вѣрнѣе памфлетами. Въ нихъ заложена та же тенденція, что и в «Германіи» Тацита, гдѣ деморализованному, вырождающемуся Риму противопоставляется молодой, здоровый организмъ варварскаго народа.

Въ той же Польшѣ, начинаютъ появляться сочиненія описывающія блестящіе воинскіе подвиги казаковъ, сравнить съ которыми можно только подвиги Гектора, Діомеда или самого Ахилла. В 1572 году вышло сочиненіе пановъ Фредро, Ласицкаго и Горецкаго, описывающее походъ казаковъ въ Молдавію подъ начальствомъ гетмана Ивана Свирговскаго. Какихъ только чудесъ храбрости тамъ не показано! Сами турки говорили взятымъ в плѣнъ казакамъ: «В цѣломъ королевствѣ польскомъ нѣтъ подобныхъ вамъ воинственныхъ мужей!». Тѣ скромно возражали: «Напротивъ, мы самыя послѣдніе, нѣтъ намъ мѣста между своими и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славою, или воротиться съ военною добычею». Всѣ попавшіе къ туркамъ казаки носятъ польскія фамиліи: Свирговскій, Козловскій, Сидорскій, Яничикъ, Копытскій, Рѣшковскій. Изъ текста повѣствованія видно, что всѣ они шляхтичи, но съ какимъ-то темнымъ прошлымъ; для однихъ разореніе, для другихъ провинности и преступленія были причиной ухода въ казаки. Казацкіе подвиги разсматриваются ими, какъ средство возстановленія чести: «или пасть со славою, или воротиться съ военною добычею». Потому они и расписаны такъ авторами, которые сами могли быть соратниками Свирговскаго¹³. Еще П. Ку-

лиш замѣтил, что сочиненіе их продиктовано менѣ высокими мотивами, чѣм поэмы Папроцкаго. Они преслѣдовали цѣль реабилитаціи провинившихся шляхтичей и их амнистіи. Подобныя сочиненія, наполненныя превознесеніем храбрости дворян ушедших в казаки, надѣляли рыцарскими чертами и все казачество. Литература эта, без сомнѣнія, рано стала извѣстна запорожцам, способствуя распространенію среди них высокаго взгляда на свое общество. Когда же «реестровые» начали, в ХУІ вѣкѣ, захватывать земли, превращаться в помѣщиков и добиваться дворянских прав, популяризація версіи об их рыцарском происхожденіи приобрѣла ообенную настойчивость. «Лѣтопись Грабянки», «Краткое описаніе о казацком малороссійском народѣ». П. Симоновскаго, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменскаго, а также знаменитая «Исторія Русов» — наиболѣе яркія выраженія взгляда на шляхетскую природу казачества.

Несостоятельность этой точки зрѣнія вряд ли нуждается в доказательствѣ. Она попросту выдумана и никакими источниками, кромѣ фальшивых, не подтверждается. Мы не знаем ни одного провѣреннаго документа, свидѣтельствующаго о раннем запорожском казачествѣ, как о самобытной военной организаціи малороссійской шляхты. Простая логика отрицает эту версію. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачѣм бы им было в ХУІ и ХУІІІ вѣках добиваться шляхетскаго званія? К тому же, Литовская Метрика, русскія лѣтописи, польскія хроники и прочіе источники дают в достаточной мѣрѣ ясную картину происхожденія подлиннаго литовско-русскаго дворянства, чтобы у изслѣдователей мог возникнуть соблазн вести его генезис от запорожцев.

Еще труднѣе сравнивать запорожскую Сѣчь с рыцарским орденом. Ордена хоть и возникли, первоначально, за предѣлами Европы, но всѣм своим существом связаны с нею. Они были порожденіем ея общественно-политической и религіозной жизни, тогда как казачество рекрутирова-

лось из элементов вытѣсненных организованным обществом государств европейскаго востока. Возникло оно не в гармоніи, а в борьбѣ с ними. Ни свѣтская, ни церковная власть, ни общественный почин не причастны к образованію таких колоній, как Запорожье. Всякая попытка приписать им миссію защитников православія против Ислама и католичества разбивается об историческіе источники. Наличіе в Сѣчи большого количества поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и прочих выходцев из неправославных стран не свидѣтельствует о запорожцах, как ревнителях православія.

Данныя, приведенныя П. Кулишем, исключают всякія сомнѣнія на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а послѣ них Петр Дорошенко, признавали себя подданными султана турецкаго — главы Ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вкупѣ ходили на польскія и на московскія украины.

Современники отзывались о религиозной жизни днѣпровскаго казачества с отвращеніем, усматривая в ней больше безбожія, чѣм вѣры. Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нѣтъ никакой вѣры» и то же повторял униатскій митрополит Рутскій. Православный митрополит и основатель кіевской духовной академіи — Петр Могила — относился к казакам с нескрываемой враждой и презрѣніем, называя их в печати «ребелизантами». Сравнить сѣчевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена — величайшая пародія на европейское средневѣковье. Да и по внѣшнему виду, казак походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имѣются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкіе шаровары, сколько всякое отсутствіе шаровар. П. Кулиш собрал на этот счет яркій букет показаній современников, вродѣ оршанскаго старосты Филиппа Кмиты, изображавшаго в 1514 году черкасских казаков жалкими оборванцами, а французскій военный эксперт Дальрак, сопровождавшій Яна Собѣсскаго в знаменитом походѣ под Вѣну, упоминает о

«дикой милиціи» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом.

Уже от начала XIII вѣка сохранилось любопытное описаніе одного из казацких гнѣзд, своего рода филиала Сѣчи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посѣтить Хвастов — стоянку знаменитаго Семена Палѣя и его вольницы: «Вал земляной, по виду не крѣпок добре, да сидѣльцами крѣпок, а люди в нем что звѣри. По земляному валу ворота частыя, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палѣвщина лежит человѣк по двадцати, по тридцати; голы что бубны без рубах нагіе страшны зѣло. А когда мы пріѣхали и стали на площади а того дня у них случилось много свадеб, так нас обступили, как есть около медвѣдя; всѣ казаки палѣвщина, и свадьбы покинули; а всѣ голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москвѣ и в Петровском кружалѣ не скоро сыщешь такого хочь одного»¹⁴. Сохранился отзыв о палѣвцах и самого гетмана Мазепы. По его словам, Палѣй «не только сам повседневым пьянством помрачаясь, без страха Божія и без разума живет, но и гультайство также единоправное себѣ держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительствѣ и о крови невинной».

Запорожская Сѣчь, по всѣм дошедшим до нас свѣдѣніям, не далеко ушла от палѣвскаго табора — этого подобія «лицарских орденив, що иснували в захидной Европи».

Что касается легенды демократической, то она — плод усилій русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX вѣка, таких как Рылѣев, Герцен, Чернышевскій, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев. Воспитанные на западно-европейских демократических идеалах, они хотѣли видѣть в казачествѣ простой народ

ушедши на «низ» от панской неволи и унесши туда свои вѣковѣчныя начала и традиціи. Не случайно, что такой взгляд опредѣлился в эпоху народничества и наиболее яркое выраженіе получил в статьѣ «О казачествѣ» («Современник» 1860 г.) гдѣ автор ея, Костомаров возставал против распространеннаго взгляда на казаков, как на разбойников, и объяснял казачье явленіе «послѣдствіем идей чисто демократических».

Костомаровская точка зрѣнія живет до сих пор в СССР. В книгѣ В. А. Голобуцкаго «Запорожское казачество»¹⁵, казаки представлены пионерами земледѣлія, распахивателями цѣлины в Диком полѣ. Автор видит в них не воинское, а хлѣболапшеское, по преимуществу, явленіе. Но его аргументація, рассчитанная на непосвященную читательскую массу, лишена какой либо цѣнности для изслѣдователей. Он часто прибѣгает к недостойным приѣмам, вродѣ того, что хозяйство реестровых казаков ХУІІ вѣка выдает за дореестровый період казачьяго быта и не стѣсняется зачислять в казаки неказачьи группы населенія, мѣщан, напимѣр. Кромѣ того, он совершенно уклонился от возраженія на труды и публикаціи несогласные с его точкой зрѣнія.

Когда Костомаров, вмѣстѣ с Бѣлозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Кіевѣ, в 1847 году, «Кирилло-Мефодіевское Братство», он написал «Книги бытія украинскаго народу» — что-то вродѣ политической платформы, гдѣ казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпоновала собі козацтво, есть то истее братство, куды кожный пристаючи був братом других, чи вин був преж того паном, чи невольником, аби християнин, и були козаки миж собою вси равни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками». Костомаров приписывал казакам высокую миссію. «Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговскій ходив обороняти Волощину, и не взяли козаки миси з червонцами, як

ны давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу а не идолу золотому»¹⁶. Костомаров в тот період был достаточно невѣжественен в украинской исторіи. Впослѣдствіи он хорошо узнал, кто такой был Сvirговскій и зачѣм ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодіевскаго Братства, авантюрная грабительская экспедиція польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и за служеніе «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украинѣ такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и сосѣднія с нею.

Приблизительно так же смотрѣл на запорожскую Сѣчь М. П. Драгоманов. В казачьем быту он видѣл общинное начало и даже склонен был называть Сѣчь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей рѣчи на банкетѣ посвященном 50-лѣтію польскаго возстанія 1830 г., перечислив наиболѣе яркіе примѣры революціонно-демократическаго движенія (Жакерія, Крестьянская война в Германіи, Богумильство в Болгаріи, Табориты в Чехіи)—не упомянул «Товариства (коммуны) Запорожскаго»^{16а}. Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши волинцы и подоляне ХУ вѣка». Одной из прямых задач участников украинофильскаго движенія Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных мѣстах и классах населенія Украины воспоминанія о прежней свободѣ и равноправности». Он включил это в качествѣ особаго пункта в «Опыт украинской политико-соціальной программы», выпущенной им в 1884 г. в Женевѣ. Там, популяризаціи казачьяго самоуправления в эпоху Гетманщины и, особенно, «Сѣчи и вольностей товариства запорожскаго» — придается исключительное значеніе. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемѣрно их пропагандировать и подводить их к теперешним понятіям о свободѣ и равенствѣ у образованных народов».¹⁷

Это вполнѣ объясняет широкое распространеніе подобнаго взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенціи. Она его усвоила в

результатъ энергичной пропаганды дѣятелей типа Драгоманова. Без всякой провѣрки и критики, онъ былъ принятъ всѣмъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. В наши дни онъ нашелъ выраженіе в тезисахъ ЦК КПСС по случаю 300-лѣтія воссоединенія Украины с Россіей. «В ходѣ борьбы украинскіхъ народныхъ массъ противъ феодально-крѣпостническаго и національнаго гнета, — говорится там, — а также противъ турецко-татарскіхъ набѣговъ, была создана военная сила в лицѣ казачества, центромъ котораго в XVII вѣкѣ стала Запорожская Сѣчь, сыгравшая прогрессивную роль в исторіи украинскаго народа».

Составители тезисовъ проявили значительную осторожность, ни о коммунизмѣ казачьемъ, ни о свободѣ и равенствѣ не упоминаютъ — оцѣниваютъ казачество исключительно, какъ военную силу, но «прогрессивную роль» его отмѣчаютъ в соотвѣтствіи с традиціонной украинофильской точкой зрѣнія.

Между тѣмъ, историческая наука давно признала неумѣстность поисковъ «прогресса» и «демократіи» в такихъ явленіяхъ прошлаго, какъ Новгородская и Псковская республики, или Земскіе Соборы Московскаго Государства. Ихъ своеобразная средневѣковая природа мало имѣетъ общаго с учрежденіями новаго времени. Тоже старое казачество. Объективное его изученіе разрушило какъ аристократическую, такъ и демократическую легенды. Самъ Костомаровъ, по мѣрѣ углубленія в источники, значительно измѣнилъ свой взглядъ, а П. Кулишъ, развернувъ широкое историческое полотно, представилъ казачество в такомъ свѣтѣ, что оно ни подъ какиа сравненія с европейскими институтами и общественными явленіями не подходитъ. На Кулиша сердились за такое развѣнчаніе, но опорочить его аргументацію и собранный имъ документальный матеріалъ не могли. Обращеніе къ нему и по сей день обязательно для всякаго, кто хочетъ понять истинную сущность казачества.

Демократія, в нашъ вѣкъ, расцѣпывается не по формальнымъ признакамъ, а по ея общественно-культурной и моральной цѣнности. Равенство и выборность должностей в общинѣ живущей грабежомъ и разбоемъ никого не восхищаютъ. Не считаемъ мы, также, достаточнымъ для демократи-

ческаго строя одного только участія народа в рѣшеніи общих дѣл и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новѣйшая демократія не мыслили этих начал внѣ строгой государственной организаци и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятіем народовластія не сблизает. А запорожским казакам именно государственнаго начала и недоставало. Они воспитаны были в духѣ отрицанія государства. К своему собственному войсковому устройству, которое могло бы разсматриваться, как прообраз государства, у них существовало мало почтительное отношеніе, вызывавшее всеобщее удивленіе иностранцев. Популярнѣйшій и сильнѣйшій из казачьих гетманов — Богдан Хмельницкій — не мало терпѣлъ от своевольства и необузданности казаков. Всѣ, кто бывал при дворѣ Хмельницкаго, поражались грубому и панибратскому обхожденію полковников со своим гетманом. По словам одного польскаго дворянина, московскій посол, человек почтенный и обходительный, часто принужден был опускать в землю глаза. Еще большее возмущеніе вызвало это у венгерскаго посла. Тот, несмотря на радушный пріем оказанный ему, не мог не вымолвить по-латыни: «Занесло меня к этим диким звѣрям!»¹⁸. Казаки не только гетманскій престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем. В 1668 г. под Диканькой они убили лѣвобережнаго гетмана Брюховецкаго. Правда, это убійство было совершено по приказу его соперника Дорошенка, но когда тот выкатил нѣсколько бочек горѣлки, казаки подвылив надумали убить к вечеру и самого Дорошенка. Преемник Брюховецкаго, Демьян Многогрѣшный, признавался: «Желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мнѣ смерть приключится, то у казаков такой обычай — гетманскіе пожитки всѣ разнесут, жену, дѣтей и родственников моих нищими сдѣлают; да и то у казаков бывает, что гетманы своею смертью не умирают; когда я лежал болен, то казаки собирались всѣ пожитки мои рознести по себѣ»¹⁹. К «розносу» гетманских пожитков казаки готовы были в любую минуту. Сохранилось описаніе банкета даннаго Мазепой в шведском стану, в честь прибывших к нему запорожцев. Подвыпив, запо-

рожцы начали тянуть со стола золотую и серебряную посуду, а когда кто-то осмѣлился указать на неблаговидность такого поведенія, то был тут же прирѣзан. Если такой стиль царил в эпоху Гетманщины, когда казачество пыталось создать что-то похожее на государственное управленіе, то что было в сравнительно раннія времена, особенно в знаменитой Сѣчи? Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу, либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвиненія. Рада — верховный орган управленія — представляла собой горластое неорганизованное собраніе всѣх членов «братства». Боярин В. В. Шереметев, взятый татарами в плѣн и прожившій в Крыму много лѣтъ, описывал в одном письмѣ к царю Алексѣю Михайловичу свое впечатлѣніе от татарскаго Курултая или, как он его называет, «Думы». «А дума бусурманская похожа была на раду казацкую; на что хан и ближніе люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дѣло никакими мѣрами сдѣлано не будет». На необычайное засилье самовольной толпы жалуются всѣ гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой имѣть не хочет». Казачья «демократія» была, на самом дѣлѣ, охлократіей.

Не здѣсь ли таится разгадка того, почему Украина не сдѣлалась, в свое время, самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традиціях? Захватившіе Малороссію «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системѣ управленія. Отсюда частые перевороты, сверженія гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измѣны, предательства и невѣроятный политическій хаос, царившій всю вторую половину ХУІ вѣка. Не создав своего государства, казаки явились самым неуживчивым элементом и в тѣх государствах, с которыми связывала их историческая судьба.

Объясненія природы казачества надо искать не на Западѣ, а не Востокѣ, не на почвѣ удобренной римской культурой, а в «диком полѣ», среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенѣгами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяженіи чуть не всей русской исторіи. Осѣвшие в Приднѣпровьи и извѣстные, чаще всего, под именем Черных Клобуков, они со временем христіанизировались, руссифицировались и положили начало, по мнѣнію Костомарова, южно-русскому казачеству. Эта точка зрѣнія получила сильное подкрѣпленіе в рядѣ позднѣйших изысканій, среди которых особенным интересом отличается изслѣдование П. Голубовскаго. Согласно ему, между степным кочевым міром и русской стихіей не было в старину той рѣзкой границы, какую мы себѣ обычно представляем. На всем пространствѣ от Дуная до Волги, «лѣс и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенѣги, торки и половцы осѣдали в русских владѣніях, сами русские многочисленными островками жили в глубинѣ тюркских кочевій. Происходило сильное смѣшеніе кровей и культур. И в этой средѣ, по мнѣнію Голубовскаго, уже в кіевскую эпоху стали создаваться особыя воинственныя общины, в составѣ которых наблюдались как русскіе, так и кочевые инородческіе элементы. Основываясь на извѣстном “*Codex Sarmanicus*” конца XIII вѣка, Голубовскій самое слово «казак» считает половецким, в смыслѣ стража передового, дневного и ночного ²⁰.

Толкованій этого слова много и выводилось оно всегда из восточных языков, но прежніе изслѣдователи сопровождали свои утвержденія аргументаціей и соответствующими лингвистическими выкладками. Только В. А. Голобуцкій, автор недавно вышедшей работы о запорожском казачествѣ, отступил от этой хорошей академической традиціи. Отмѣтив тюркское его происхождение и истолковав, как «вольнаго человѣка», он ничѣм не под-

крѣпил своего открытія. Не трудно замѣтить руководившее им желаніе — закрѣпить филологически за словом «казакъ» то значеніе, которое придавалось ему в націоналистической публицистикѣ и поэзіи XIX вѣка.

Нѣкоторые изслѣдователи идутъ дальше Голубовскаго и ищутъ слѣдовъ казачества в скифскихъ и в сарматскихъ временахъ, когда на нашемъ югѣ подвизались многочисленныя ватаги, добывавшія пропитаніе грабежами и набѣгами. Степь искони дышала разбоемъ, хищничествомъ и той особой вольностью, которую такъ трудно отождествить съ современнѣмъ понятіемъ свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая къ нему по времени, татарская эпоха степной исторіи. Давно обращено вниманіе на тюркско-татарское происхожденіе казачьей терминологіи. Слово «чабанъ», напримѣр, означающее пастуха овецъ, заимствовано отъ татар. Отъ нихъ же заимствовано и слово «атаманъ», производное отъ «одаманъ», означающее начальника чабановъ своднаго стада. Сводное же стадо составляли десять соединенныхъ стадъ, по тысячѣ овецъ в каждомъ. Такое стало называлось «кхошъ». Казачье «кошъ» — становище лагерь, сборное мѣсто, и «кошевой атаманъ» вышли изъ этого степнаго лексикона. Оттуда же «курень» и «куренный атаманъ». «Значеніе куреня, — по словамъ Рашид-ед-Дина, — таково: когда в полѣ кибитки во множествѣ стоятъ кругомъ в видѣ кольца, то называютъ это курень».

Объяснить проникновеніе в среду днѣпровскихъ казаковъ тюрко-монгольской кочевой терминологіи не такъ ужъ трудно, в виду близости Крыма. Но наиболѣе вѣроятнымъ ея источникомъ были казаки же, только не свои русскіе, а татарскіе. Представленіе о казачествѣ какъ спеціально русскомъ явленіи до такой степени распространено у насъ и в Европѣ, что о существованіи иноплеменныхъ казачьихъ скопищъ рѣдко кому извѣстно. Между тѣмъ, Дон и Запорожье были, надо думать, младшими братьями и учениками казаковъ татарскихъ.

На существованіе татарскихъ казаковъ имѣется множество указаній. Оставляя в сторонѣ вопросъ о большой Казахской ордѣ за Каспіемъ, которую нѣкоторые историки, какъ Быкадоровъ и Эварницкій, ставятъ в родственную связь со

всѣм казацким міром, мы ограничимся болѣе близкой нам территоріей — Причерноморьем.

В 1492 г. хан Менгли Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из под Кіева с добычею, было ограблено в степи «ордынскими казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках-татарах неоднократно пишут русскіе лѣтописцы со времен Ивана III, характеризуя их, как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайныя препятствія при сношеніях Московскаго Государства с Крымом. «Поле не чисто от азовских казаков», читаем мы постоянно в донесеніях послов и пограничных воевод государю. Татарскіе казаки, так же как русскіе, не признавали над собою власти ни одного из сосѣдних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службѣ у Москвы, не гнушалась ими и Польша. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что король Сигизмунд-Август призывал к себѣ бѣлгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им сукно на жалованье. Но чаще всѣх привлекал их себѣ на помощь крымскій хан, имѣвшій постоянно в составѣ своих войск крупныя казачьи отряды. Разбойничая на пространствах между Крымом и московской украиной, татарскіе казаки были в военном, бытовом и экономическом отношеніи самостоятельной организаціей, так что польскіе лѣтописцы, зная четыре татарскія орды (заволжскую, астраханскую, казанскую, перекопскую), причисляли к ним, иногда, пятую — казацкую²¹.

Надо ли, послѣ этого, ходить далеко на Запад в поисках образца для запорожской Сѣчи? Истинной школой днѣпровской вольницы была татарская степь, давшая ей все от воинских пріемов, лексикона, внѣшняго вида (усы, чуб, шаровары), до обычаев, нравов и всего стиля поведения.

Прославленные морскіе походы в туреччину выглядят совсѣм не патриотическим и не благочестивым дѣлом. Сами, украинофилы прошлаго вѣка знали, что казаки «разбивали по Черному море християнске купецтво заодно с

бесурменским, а дома плиндровали руськи свои города татарским робом»²².

«Были в Швеціи казаки запорожскіе, числом 4.000, — лишет одна польская лѣтопись, — над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеціи ничего добраго не сдѣлали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великій вред сдѣлали и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мѣщан знатных рубили и тажю содомію чинили, что хуже злых неприятелей или татар». Под 1603 годом повѣствуется о походе казаков под начальством нѣкоего Ивана Куцки в Боркулабовской и Шупенской волостях, гдѣ они обложили населеніе данью в деньгах и натурѣ. «В том же году в городѣ Могилевѣ Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войскѣ было великое своевольство: что кто хочет, то дѣлает. Пріѣхал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил казакам, чтоб они никакого насилія в городѣ и по селам не дѣлали. К этому посланцу приносил один мѣщанин на руках дѣвочку шести лѣт, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядѣть: всѣ люди плакали, Богу Создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навѣки. А когда казаки назад на Низ поѣхали, то великіе убытки селам и городам дѣлали, женщин, дѣвиц, дѣтей и лошадей с собою брали; один казак вел лошадей 8, 10, 12, дѣтей 3, 4, женщин или дѣвиц 4 или 3»²³.

Чѣм эта картина отличается от вида крымской орды возвращающейся с ясырем из удачнаго набѣга? Разница может быть, та, что татары своих единовѣрцев и единоплеменников не брали и не продавали в рабство, тогда как для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало.

Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крѣпостных мужиков бѣжало туда и много было поборников идеи освобожденія селянства от крѣпостного права. Но принесенныя извнѣ, эти идеи замирали в Запорожьи и подмѣнялись другими. Не онѣ опредѣляли образ Сѣчи и общій тонус ея жизни. Здѣсь существовали свои вѣковѣчныя традиции, нравы и

свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, мѣнял этнографію, мѣнял душу. В глазах современников, как отдѣльные казаки, так и цѣлыя их объединенія, носили характер «добычников». «Жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звѣриной ловли и рыбнаго промысла, а в старину больше в добычах, от сосѣдственных народов получаемых, упражнялись»²⁴. Казакованіе было особым методом добыванія средств к жизни, и тот же Папроцкій, воспѣвавшій казаков, как рыцарей, признается в одном мѣстѣ, что в низовьях Днѣпра «сабля приносила больше барышей, чѣм хозяйство». Именно поэтому в казачество шли не одни простолюдины, но и шляхта, подчас из очень знатных родов. Насколько возвышенными были их цѣли и устремленія, видно из случая с знаменитым Самуилом Заборовским. Отправляясь в Запорожье, он мечтал о походѣ с казаками на московскіе предѣлы, но явившись в Сѣчь и ознакомившись с обстановкой, мѣняет намѣреніе и предлагает поход в Молдавію. Когда же татары приходят с дружеским предложеніем итти совмѣстно грабить Персію, он охотно соглашается и на это. Запорожскіе мораль и нравы хорошо были извѣстны в Польшѣ: коронный гетман Ян Замойскій, обращаясь к провинившимся шляхтичам, выставявшим в оправданіе прежних проступков свои заслуги в запорожском войскѣ, говорил: «Не на Низу ищут славной смерти, не там возвращаются утраченныя права. Каждому разсудительному человеку понятно, что туда идут не из любви к отчеству, а для добычи»²⁵.

Даже в позднія времена, в началѣ XVIII века, казаки не стѣснялись называть свое ремесло его собственным именем. Когда Булавин поднял на Дону возстаніе против Петра Великаго, он отправился в Запорожье с цѣлью прибрать там себѣ помощников. Сѣчь заволновалась. Одни стояли за немедленное соединеніе с донским атаманом, другіе боялись порывать с Москвою. Дошло до смѣны кошевого и старшины. Умѣренная группа одержала верх и порѣшили всѣ Сѣчью не выступать, а разрѣшить желающим присоединиться к Булавину на свой риск. Булавин

встал в Самарских городках и обратился к запорожцам с призывом: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, вору и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрых конях поѣздить, то приѣзжайте в черны вершины самарскія!»²⁸

До учрежденія осѣдлаго реестроваго казачества в срединѣ XVII вѣка, термином «казак» опредѣлялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться в степь за линію пограничной охраны и жить там на подобіе татарских казаков, т. е., в зависимости от обстоятельств, ловить рыбу, пасти овец или грабить.

Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссіянина, они представляют два разных міра. Один — осѣдлый, земледѣльческій, с культурой, бытом, навыками и традиціями унаслѣдованными от кievских времен. Другой — гулящій, нетрудовой, ведущій разбойную жизнь, выработавшій совершенно иной темперамент и характер под вліяніем образа жизни и смѣшенія со степными выходцами. Казачество порождено не южно-русской культурой, а стихіей враждебной, пребывавшей столѣтіями в состояніи войны с нею.

Высказанная многими русскими историками, мысль эта поддержана нынѣ нѣмецким изслѣдователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими казаками были руссифицировавшіеся крещеные татары. В них он видит отцов восточнo-славянскаго казачества.

Что касается легенды, приписывающей запорожцам миссію защиты славянскаго востока Европы от татар и турок, то она, нынѣ, достаточно развѣнчана накопившимся документальным матеріалом и трудами изслѣдователей. Казацкая служба на краю Дикаго поля создана инициативой и усиліями польскаго государства, а не самого казачества. Вопрос этот давно ясен для исторической науки.

ЗАХВАТ МАЛОРОССІИ КАЗАКАМИ

Кто не понял хищной природы казачества, кто смѣшивает его с бѣглым крестьянством, тот никогда не поймет ни происхожденія украинскаго сепаратизма, ни смысла событія ему предшествовавшаго, в срединѣ ХУІ вѣка. А событіе это означало не что иное, как захват небольшой кучкой степной вольницы огромной по территоріи и по народонаселенію страны. У казаков, с давних пор жила мечта получить в кормленіе какое нибудь небольшое государство. Судя по частым набѣгам на Молдаво-Валахію, эта земля была раньше всѣх ими облюбована. Они ею чуть было не овладѣли в 1563 г., когда ходили туда под начальством Байды-Вишневецкаго. Уже тогда шла рѣчь о возведеніи этого предводителя на господарскій престол. Через 14 лѣтъ, в 1577 г., им удается взять Яссы и посадить на трон своего атамана Подкову, но и на этот раз успѣх оказался непродолжительным, Подкова не удержался на господарствѣ. Не взирая на неудачи, казаки, чуть не цѣлое столѣтіе продолжали попытки завоеванія и захвата власти в дунайских княжествах. Прибрать их к рукам, учредиться там в качествѣ чиновничества, завладѣть урядами — таков был смысл их усилій.

Судьба к ним оказалась благосклоннѣе, чѣм они могли предполагать, она отдала им гораздо болѣе богатую и обширную, чѣм Молдавія, землю — Украину. Выпало такое счастье, в значительной мѣрѣ неожиданно для них самих, — благодаря крестьянской войнѣ, приведшей к паденію крѣпостнаго права и польскаго владычества в краѣ.

Но прежде чѣм говорить об этом, необходимо отмѣтить одну важную перемѣну, совершившуюся в серединѣ XVI вѣка. Рѣчь идет о введеніи так называемаго «реестра», под каковым разумѣлся список тѣх казаков, что польское правительство приняло к себѣ на службу для охраны окраинных земель от татарских набѣгов. Строго ограниченные числом, доведенным с теченіем времени до 6.000, подчиненные польскому коронному гетману и получившіе свой войсковой и административный центр в городѣ Терехтемировѣ над Днѣпром, реестровые казаки надѣлены были извѣстными правами и льготами: избавлялись от налогов, получали жалованье, имѣли свой суд, свое выборное управленіе. Но поставив эту избранную группу в привилегированное положеніе, польское правительство наложило запрет на всякое другое казачество, видя в нем развитіе вреднаго, гулящаго, антиправительственнаго элемента.

В ученой литературѣ, эта реформа разсматривается, обычно, как первое юридическое и экономическое раздѣленіе внутри казачества. В реестровых видят избранную касту, получившую возможность обзаводиться домом, землей, хозяйством и примѣнять, нерѣдко в больших размѣрах, труд работников и всвозможных слуг. Совѣтским историкам это дает матеріал для безконечных разсужденій о «разслоеніи», об «антагонизмѣ».

Но антагонизм существовал не в казачьей средѣ, а между казаками и хлопами. В Запорожьѣ, как и в самой Рѣчи Посполитой, хлопов презрительно называли «чернью». Это тѣ, кто убѣжав от панскаго ярма, не в силах оказались преодолѣть своей хлѣборобной мужицкой природы и усвоить казачьи замашки, казачью мораль и психологію. Им не отказывали в убѣжищѣ, но с ними никогда не сливались; запорожцы знали случайность их появленія на низу и сомнительныя казачьи качества. Лишь небольшая часть, пройдя степную школу, безповоротно мѣняла крестьянскую долю на профессію лихого добычника. В большинствѣ же своем, хлопскій элемент распылялся: кто погибал, кто шел работниками на хутора к реестровым, а когда наплыв такого люда был большим, образовывал скопища, служившія пушечным мясом для ловких

предводителей из старых казаков, вроде Лободы или Наливайки, и натравливался на пристепные имѣнія польских магнатов.

Взаимоотношенія же между реестровыми и нереестровыми, несмотря на нѣкоторыя размолвки, никогда не выражались в формѣ классовых или сословных распрей. Сѣчь для тѣх и других была колыбелью и символом единства. Реестровые навѣшают ее, бѣгут туда в случаѣ невзгод или ссор с польским правительством, часто объединяются с сѣчевиками для совмѣстных грабительских экспедицій.

Реестровая реформа не только не встрѣчена враждебно на низу, но окрылила все степное гультайство; попасть в реестр и быть причисленным к «лыцарству» стало мечтой каждаго запорожскаго молодца. Реестр явился не разлагающим, а скорѣй объединяющим началом и сыграл видную роль в развитіи «самосознанія».

Вчерашняя разбойная вольница, сдѣлавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Рѣчи Посполитой, возгорѣлась мечтой о нѣкоем почетном мѣстѣ в панской республикѣ; зародилась та идеологія, которая сыграла потом столь важную роль в исторіи Малороссіи. Она заключалась в сближеніи понятія «казакъ» с понятіем «шляхтич». Сколь смѣшной ни выглядѣла эта претензія в глазах тогдашняго польскаго общества, казаки упорно держались ея.

Шляхтич владѣет землями и крестьянами по причинѣ своей воинской службы в пользу государства; но казак тоже воин и тоже служит Рѣчи Посполитой, почему же ему не быть помѣщиком, тѣм болѣе, что бок-о-бок с ним, в Запорожьи жили, нерѣдко, природные шляхтичи из знатных родов, шедшіе в казаки? Свои вождедѣнія реестровое войско начало выражать в петиціях и обращеніях к королю и сейму. На конвокаціонном сеймѣ 1632 года, его представители заявили: «Мы убѣждены, что дождемся когда нибудь того счастливаго времени, когда получим исправленіе наших прав рыцарских и ревностно просим, чтобы сейм изволил доложить королю, чтобы нам были дарованы тѣ вольности, которыя принадлежат людям рыцарским»²⁷.

Скупливая богатства, обзаводясь землей и слугами, верхушка казачества, в самом дѣлѣ, стала приближаться, экономически, к образу и подобию шляхты. Извѣстно, что у того же Богдана Хмельницкаго было земельное владѣніе в Субботовѣ, дом и нѣсколько десятков челяди. К срединѣ XVIII вѣка, казачья аристократія, по матеріальному достатку, не уступала мелкому и среднему дворянству. Отлично понимая важность образованія для дворянской карьеры, она обучает своих дѣтей панским премудростям. Меньше, чѣм чрез сто лѣт послѣ введенія реестра, среди казацкой старшины можно было встрѣтить людей употреблявших латынь в разговорѣ. Имѣя возможность, по характеру службы, часто общаться со знатью, старшина заводит с нею знакомства, связи, стремится усвоить ея лоск и замашки. Степной выходец, печенѣг, готов, вот-вот, появиться в свѣтской гостиной. Ему не хватает только шляхетских прав.

Но тут и начинается драма, обращающая ни во что и латынь, и богатства, и земли. Польское панство, замкнувшись в своем кастовом высокомеріи, слышать не хотѣло о казачьих претензіях. Легче завоевать Молдавію, чѣм стать членом благороднаго сословія в Рѣчи Посполитой. Не помогают ни лояльность, ни вѣрная служба. При таком положеніи, многіе издавна начали подумывать о пріобрѣтеніи шляхетства вооруженной рукой.

Украинская націоналистическая и совѣтская марксистская историографіи до того затуманили и замутили картину казачьих бунтов конца XVI и первой половины XVII вѣка, что простому читателю трудно бывает понять их подлинный смысл. Меньше всего подходят они под категорію «національно-освободительных» движеній. Национальной украинской идеи в то время в поминѣ не было. Но и «антифеодальными» их можно назвать лишь в той степени, в какой принимали в них участіе крестьяне, бѣжавшіе на Низ в поисках избавленія от нестерпимой крѣпостной неволи. Эти крестьяне были величайшими муче-

никами Рѣчи Посполитой. Иезуит Скарга — яростный гонитель и ненавистник православія и русской народности. признавал, что нигдѣ в мірѣ помѣщики не обходятся болѣе безчеловѣчно со своими крестьянами, чѣм в Польшѣ. «Владѣлец или королевскій староста не только отнимает у бѣднаго хлопа все, что он зарабатывает, но и убивает его самого когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; никаких трудов нехватало оплачивать непомерное мотовство и роскошь панов. Удивительно ли, что оно готово было на любую форму борьбы со своими угнетателями? Но нашедши такую готовую форму в казачьих бунтах, грома панскіе замки и фольварки, мужики дѣлали не свое дѣло, а служили орудіем достиженія чужих выгод. Хлопская ярость в борьбѣ с поляками всегда нравилась казачеству и входила в его расчеты. Численно, казаки представляли ничтожную группу; в самыя хорошія времена она не превышала 10.000 человекъ, считая реестровых и съчевиков вмѣстѣ. Они никогда, почти, не выдерживали столкновеній с коронными войсками Рѣчи Посполитой. Уже в самых ранних казачьих возстаніях наблюдается стремленіе напустить прибѣжавших за пороги мужиков на замки магнатов. Но механизм и управленіе возстаніями находились, неизмѣнно, в казачьих руках, и казаки добивались не уничтоженія крѣпостного порядка, но старались правдами и неправдами втереться в феодальное сословіе. Не о свободѣ шла тут рѣчь, а о привилегіях. То был союз крестьянства со своими потенциальными поработителями, которым удалось, с теченіем времени, прибрать его к рукам, заступив мѣсто польских панов.

Конечно, запорожцам предстояло, рано или поздно, — либо быть раздавленными польской государственностью, либо примириться с положеніем особаго воинскаго сословія, наподобіе позднѣйших донцов, черноморцев, терцев, если бы не грандіозное всенародное возстаніе 1648 г., открывшее казачеству возможности, о которых оно могло лишь мечтать. «Мнѣ удалось совершить то, о чем я никог-

да и не мыслил» — признавался впоследствии Хмельницкий.

Выступления мужиков поляки боялись гораздо больше, чѣм казаков. «Число его сообщников простирается теперь до 3.000, — писал королю гетман Потоцкій по поводу выступления Хмельницкаго. — Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч». Уже первая битва при Желтых Водах выиграна была благодаря тому, что служившіе у Стефана Потоцкаго русскіе жолнеры перешли на сторону Богдана. В битвѣ под Корсунем содѣйствіе и помощь русскаго населенія выразились в еще большей степени. К Хмельницкому шли со всѣх сторон, так что войско его росло с необыкновенной быстротой. Под Пилявой оно было столь велико, что первоначальное ядро его, вышедшее из Запорожья, потонуло в толпѣ новых ополченцев. Когда в самый разгар возстанія была собрана рада в Бѣлой Церкви, на нее явилось свыше 70.000 человек. Никогда доселѣ казачье войско не достигало подобной цифры. Но она далеко не выражает всего числа возставших. Большая часть шла не с Богданом, а разсыпалась в видѣ так называемых «загонов» по всему краю, внося ужас и опустошеніе в пайскія помѣстья. Загоны представляли собою громадныя орды под начальством какого нибудь Харченко Гайчуры или Лисенко Вовгуры. Поляки так их боялись, что один крик «вовгуровцы идут» повергал их в величайшее смятеніе.

На Подолѣ свирѣпствовали загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна, Морозенко. Каждый из этих отрядов представлял солидное войско, а нѣкоторые могли, по тѣм временам, почитаться громадными арміями. «Вся эта сволочь, — по выраженію польскаго современника, — состояла из презрѣннаго мужичья, стекавшагося на погибель панов и народа польскаго».

«Было время, — говорил гетман Сапѣга, — когда мы словно на медвѣдя ходили укрощать украинскіе мятежи; тогда они были в зародышѣ, под предводительством какого нибудь Павлюка; теперь иное дѣло! Мы ополчаемся за вѣру, отдаем жизнь нашу за семейства и достояніе наше. Против нас не шайка своевольников, а великая сила цѣ-

лой Руси. Весь народ русскій из сел, деревень, мѣстечек, городов, связанный узами вѣры и крови с казаками, грозит икоренить шляхетское племя и снести с лица земли Рѣчь Посполитую.

Чего в течение полустолѣтія не могло добиться ни одно казачье возстаніе, было в нѣсколько недѣль сдѣлано «презрѣнным мужичьем» — панская власть на Украинѣ сметена точно ураганом. Мало того, всему польскому государству нанесен удар, повергшій его в состояніе безпомощности. Казалось, еще одно усиліе и оно рухнет. Не успѣла Рѣчь Посполитая опомниться от оглушительных ударов при Желтых Водах и под Корсунем, как послѣдовала ужасающая катастрофа под Пилявой, гдѣ цвѣт польскаго рыцарства обращен в бѣгство, как стадо овец, и был бы безусловно истреблен, если бы не богатѣйшій лагерь, грабежом котораго увлеклись побѣдители, прекратив преслѣдованіе. Это поражение, вмѣстѣ с повсемѣстной рѣзней панов, ксендзов и евреев, вызвало всеобщій ужас и оцѣпенѣніе. Польша лежала у ног Хмельницкаго. Вздумай он двинуться со своими полчищами вглубь страны, он до самой Варшавы не встрѣтил бы сопротивленія. Если бывают в жизни народов минуты, от которых зависит все их будущее, то такой минутой для украинцев было время послѣ пилявской побѣды. Избавленіе от рабства, уничтоженіе напора воинствующаго католичества, полное національное освобожденіе — все было возможно и достижимо в тот миг. Народ это инстинктивно чувствовал и горѣлъ желаніем довести до конца дѣло свободы. К Хмельницкому со всѣх сторон неслись крики: «Пане Хмельницкій, веди на ляхив, кинчай ляхив!».

Но тут и выяснилась разница между чаяніями народа и устремленіями казачества. Повторилось то, что наблюдалось во всѣх предыдущих возстаніях, руководимых казаками: циничное предательство мужиков во имя спеціально казачьих интересов.

Возглавившій, волею случая, ожесточенную крестьянскую войну, Хмельницкій явно принял сторону иноземцев и иновѣрцев помѣщиков против русских православных крестьян. Он не только не пошел на Варшаву и не разру-

шил Польши, но придумал обманный для своего войска манвер, двинувшись на Львов и потом долго осаждая, без всякой надобности, Замостье, не позволяя его, в то же время, взять. Он вступил в переговоры с поляками насчет избрания короля, послал на сейм своих представителей, дал торжественное обѣщаніе повиноваться приказам новаго главы государства и, а самом дѣлѣ, прекратил войну и отступил к Кіеву по первому требованію Яна Казимира.

Для хлопов это было полной неожиданностью. Но их ждал другой удар: еще не достигнув Кіева, гдѣ он должен был дожидаться посланников короля, гетман сдѣлал важное политическое заявленіе, санкціонировавшее существованіе крѣпостного права в Малой Россіи. В обращенном к дворянству универсалѣ, он выражал пожеланіе «чтобы сообразно волѣ и приказанію его королевскаго величества, вы не замышляли ничего дурного против нашей греческой религіи и против ваших подданных, но жили с ними в мирѣ и содержали их в своей милости»²⁸. Мужиков возвращали опять в то состояніе, из котораго они только что вырвались.

Измѣна продолжалась и при новом столкновеніи с Польшей, в 1649 г. Когда крестьянская армія под Зборовом наголову разбила королевское войско, Хмельницкій не только не допустил плѣненія короля, но преклонил перед ним колѣни и заключил договор, который был вопіющим предательством малороссійскаго народа. По этому договору, Украина оставалась попрежнему под польской владою, а об отмѣнѣ крѣпостного права не было сказано ни слова. Зато казачество возносилось на небывалую высоту. Состав его увеличивался до 40.000 человекъ, которые надѣлялись землей, получали право имѣть двух подпомощников и становились на завѣтный путь постепеннаго превращенія в «лыцарей». Старшина казачья пріобрѣтала право владѣть «ранговыми маестностями» — особым фондом земель, предназначенным для пользованія чинов казачьяго войска на то время, пока человекъ занимал соотвѣтствующую должность. Самое войско казачье могло теперь смотрѣть на себя, как на войско короля и Рѣчи Посполитой в русских землях; недаром Богданов посланный

сказал, однажды, гетману Потоцкому: «Рѣчь Посполитая может положиться на казаков; мы защищаем отечество». Гетман казацкій получал все чигиринское староство с городом Чигирином «на булаву», да к этому прихватил еще богатое мѣстечко Млиев, доставлявшее своему прежнему владѣльцу, Конецпольскому, до 200.000 талеров дохода²⁹.

Но зборовским условіям так и не пришлось стать дѣйствительностью. Крестьянство не мирилось с положеніем, при котором лишь 40.000 счастливых получают землю и права свободных людей, а вся остальная масса должна оставаться в подневольном состояніи. Крестьяне вилами и дубинами встрѣчали панов возвращавшихся в свои имѣнія, чѣм вызвали шумные протесты поляков. Гетману пришлось, во исполненіе договора, карать ослушников смертью, рубить головы, вѣшать, сажать на кол, но огонь от этого не утихал. Казни раскрыли народу глаза на роль Богдана и ему, чтобы не лишиться окончательно престижа, ничего не оставалось, как снова возглавить народное ополченіе, собравшееся в 1652 г. для отраженія очередного польскаго нашествія на Украину.

В исторической литературѣ давно отмѣчено, что страшное пораженіе, постигшее на этот раз русских под Бересетчком, было прямым результатом антагонизма между казаками и крестьянством.

Здѣсь не мѣсто давать подробный рассказ о возстаніи Хмельницкаго, оно описано во многих трудах и монографіях. Наша цѣль — обратить вниманіе на нерв событій, ясный для современников, но необычайно затемненный историками XIX-XX в.в. Это важно, как для того, чтобы понять причину присоединенія Украины к Московскому Государству, так и для того, чтобы понять, почему на другой же день послѣ присоединенія там началось «сепаратистское» движеніе.

Москва, как извѣстно, не горѣла особенным желаніем присоединить к себѣ Украину. Она отказала в этом Кіевскому митрополиту Юву Борецкому, отправившему в 1625

г. посольство в Москву, не спѣшила отвѣчать согласіем и на слезныя челобитья Хмельницкаго, просившаго неоднократно о подданствѣ. Это важно имѣть в виду, когда читаешь жалобы самостійнических историков на «слихих сосѣдей», не позволивших, будто бы, учредиться независимой Украинѣ в 1648-1654 г. г. Ни один из этих сосѣдей — Москва, Крым, Турція — не имѣли на нее видов и никаких препятствій ея независимости не собирались чинить. Что же касается Польши, то послѣ одержанных над нею блестящих побѣд, ей можно было продиктовать любыя условія. Не в сосѣдях было дѣло, а в самой Украинѣ. Там, попросту, не существовало в тѣ дни идеи «незалежности», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое. Но жила она в простом народѣ — темном, неграмотном, непричастном ни к государственной, ни к общественной жизни, не имѣвшем никакого опыта политической организации. Представленный крестьянством, городскими жителями — ремесленниками и мелкими торговцами, он составлял самую многочисленную часть населенія, но вслѣдствіе темноты и неопытности, роль его в событіях тѣх дней заключалась только в ярости, с которой он жег панскіе замки и дрался на полях сраженій. Все руководство сосредотачивалось в руках казачьей аристократіи. А эта не думала ни о независимости, ни об отдѣленіи от Польши. Ея усилія направлялись, как раз, на то, чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян под панами, любой цѣной. Себѣ самой она мечтала получить панство, какового нѣкоторые добились уже в 1649 г., послѣ Зборовскаго мира.

Политика казачества, его постоянныя предательства были причиной того, что побѣдоносная, вначалѣ, борьба стала оборачиваться, под конец, неудачами для Украины. Богдан и его приспѣшники постоянно твердили одно и то же: «Нехай кождый з своего тишится, нехай кождый своего глядит — казак своих вольностей, а тѣ, которые не приняты в реестр, должны возвращаться к своим панам и платить им десятую копу». Между тѣм, по донесеніям московских освѣдомителей, «тѣ де казаки попрежнему у па-

шни быть не хотят, а говорят что они вмѣстѣ всѣ за христіанскую вѣру стояли, кровь проливали»³⁰.

Удивительно ли, что измученный измѣнами, извѣрившійся в своих вождях, народ усматривал единственный выход в московском подданствѣ? Многие, не дожидаясь политическаго разрѣшенія вопроса, снимались цѣлыми селами и повѣтами и двигались в московскіе предѣлы. За какихнибудь полгода выросла Харьковщина — пустынная прежде область, заселенная теперь сплошь переселенцами из польскаго государства.

Такое стихійное тяготѣніе народной толщи к Москвѣ сбило планы и разстроило всю игру казаков. Противостоять ему открыто они не в силах были. Стало ясно, что народ пойдет на что угодно, лишь бы не остаться под Польшей. Надо было либо удерживать его попрежнему в составѣ Рѣчи Посполитой и сдѣлаться его откровенным врагом, либо рѣшиться на рискованный маневр — послѣдовать за ним в другое государство и, пользуясь обстоятельствами, постараться удержать над ним свое господство. Избрали послѣднее.

Произошло это не без внутренней борьбы. Часть матерых казаков во главѣ с Богуном откровенно высказалась на Тарнопольской радѣ 1653 г. против Москвы, но большая часть, видя как «чернь» разразилась восторженными криками при упоминаніи о «царѣ восточном», приняла сторону хитраго Богдана. Насчет истинных симпатій Хмельницкаго и его окруженія двух мѣній быть не может — это были полонофилы; в московское подданство шли с величайшей неохотой и страхом. Пугала неизвѣстность казачьих судеб при новой власти. Захочет ли Москва держать казачество, как особое сословіе, не воспользуется ли стихійной пріязнью к себѣ южно-русскаго народа и не произведет ли всеобщаго уравниенія в правах, не дѣлая разницы между казаком и вчерашним хлопом? Свидѣтельством такого тревожнаго настроенія явилась идея крымскаго и турецкаго подданства, сдѣлавшаяся вдруг популярной среди старшины в самый момент переговоров с Москвой. Казачьей элитѣ она сулила полное безконтрольное хозяйничанье в краѣ под покровительством такой вла-

сти, которая ее совѣм бы не ограничивала, но от которой можно всегда получить защиту.

В серединѣ 1653 года, Иван Выговскій рассказывал царским послам о тайной радѣ, на которой присутствовали одни полковники, да высшіе войсковые чины. Там обсуждался вопрос о турецком подданствѣ. Всѣ полковники на него согласились за исключеніем кіевскаго Антона Ждановича, да самого Выговскаго. Подчеркивая свое московфильство, Выговскій нарисовал довольно бурную сцену: «И я гетману и полковником говорил: хто хочет тот подавайся турку, а мы ѣдем служить великому государю христіанскому и всѣм черкасом вашу раду скажем, как вы забыли Бога так дѣлаете. И гетман де меня за то хотѣл казнить. И я де увидя над собою такое дѣло, почал давать пріятелем своим вѣдомость, чтоб они до всего войска доносили тою вѣдомость. И войско де, свѣдав про то, почали говорить: всѣ помрем за Выговскаго, кромѣ ево никто татарам не смѣет молыть»²¹. Так ли, на самом дѣлѣ, вел себя Выговскій — неизвѣстно; вѣрнѣе всего, рисовался перед московскими послами, но факт описаннаго им сборища вполне вѣроятен.

Турецкій проэкт — свидѣтельство смятенія казацких душ, но вряд ли кто из его авторов серьезно вѣрил в возможность его осуществленія, по причинѣ одіозности для народа турецко-татарскаго имени, а также потому, что народ уже сдѣлал свой выбор. Роман Ракушка-Романовскій, извѣстный под именем Самовидца, описывая в своей лѣтописи переяславское присоединеніе, с особым стараніем подчеркнул его всенародный характер: «По усіей Украинѣ увесь народ с охотой тое учинил».

То был критическій момент в жизни казачьей старшины и можно понять нервозность, с которой она старалась всѣми способами получить от царских послов документы гарантирующіе казачьи вольности. Явившись к присягѣ, старшина и гетман потребовали, вдруг, чтобы царь в лицѣ своих послов присягнулъ им с своей стороны и выдал надеживающія грамоты. «Николи не бывало и впредь не будет, — сказал стольник Бутурлин, — и ему и говорить о том было непристойно, потому что всякій подданный

повинен вѣру дати своему государю»³². Он тут же, в церкви, объяснил Хмельницкому недопустимость такой присяги с точки зрѣнія самодержавнаго принципа. Столь же категорическій отвѣтъ был дан через нѣсколько дней послѣ присяги, когда войсковою писарь И. Выговскій с полковниками явился к Бутурлину с требованіем «дать им письмо за своими руками, чтобы вольностям и маятностям быть по прежнему». При этом, послам было сказано, что если они «такова письма не дадут и стольником де и дворяном в города ѣхать не для чево, для того что всѣм людем в городѣх будет сумленіе»³³. Это означало угрозу срыва кампаніи по приведенію к присягѣ населенія Малороссіи. Послов пугали опасностью передвиженія по странѣ, вслѣдствіе разгула татарских шаек. Послы не испугались и ни какія домогательства не поддались, назвав их «непристойными». «Мы вам и преж сего сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городѣх у вас указал государь до своего государева указу быть попрежнему вашим урядником и судитца по своим правам и маестностей ваших отнять государь не велит». Бутурлин настаивал лишь на том, чтобы казаки, вмѣсто требованія гарантійнаго документа, обратились к царю с челобитьем. Просимыя блага могут быть получены только путем пожалованія со стороны монарха.

Не будем здѣсь вдаваться в разсмотрѣніе самостійнической легенды о так называемой «перееславской конституціи», о «перееславском договорѣ»; она давно разоблачена. Всякаго рода препирательства на этот счет могут сколько угодно тянуться в газетных статьях и в памфлетах — для науки этот вопрос ясен. Источники не сохранили ни малѣйшаго указанія на документ похожій хоть в какой-то степени на «договор»³⁴. В Переяславлѣ в 1654 г. происходило не заключеніе трактата между двумя странами, а безоговорочная присяга малороссійскаго народа и казачества царю московскому, своему новому суверену.

Не общавшій ничего в момент принятія присяги, царь оказался потом необычайно щедрым и милостивым к

своим новым подданным. Ни одна, почти, их просьба не осталась без удовлетворенія. Сущей неправдой должно быть объявлено утверждение М. С. Грушевскаго, будто «далеко не всѣ эти желанія были приняты московским правительством». Москва дала уклончивый отвѣтъ только на просьбу о жалованіи запорожскому войску. Бояре, при этом, ссылались на частный разговор Хмельницкаго с Бутурлиным в Переяславлѣ, в котором гетман сказал, что на жалованьи не настаивает. Москва, однако, вовсе не отказалась платить казакам. она лишь хотѣла, чтобы жалованье шло из тѣх сумм, что будут собираться с Украины в царскую казну, и потому откладывала этот вопрос до упорядоченія общих фискальных дѣл.

Городам, хлопотавшим перед царем об оставленіи за ними магдебургскаго права, оно было предоставлено, духовенство, просившее о земельных пожалованіях и о сохраненіи за собою прежних владѣній и прав, — получило их, остатки уцѣлѣвшей шляхты получили подтвержденіе своих старинных привилегій. Казачеству предоставлено было все, о чем оно «било челом». Реестр казачій сохранен и увеличен до небывалой цифры — 60.000 человек, весь старый уряд сохранен полностью, оставлено право выбирать себѣ старшину и гетмана, кого захотят, только с послѣдующим доведеніем до свѣдѣнія Москвы. Разрѣшно было принимать и иностранныя посольства.

Царское правительство предоставило широкую возможность каждому из сословій ходатайствовать об установленіи наилучших для себя условій и порядков. Такія ходатайства поступили от городов (через гетмана), от духовенства, от казачества. Только голос крестьянства — самаго многочисленнаго, но, в то же время, самаго темнаго и неогранизованнаго класса, не раздался ни разу и не был услышан в Москвѣ.

Произошло это в значительной мѣрѣ оттого, что казачество заслонило от нея крестьянство. Это было тѣм легче сдѣлать, что само крестьянство ничего так не хотѣло, как называться казаками. Как до Хмельницкаго, так и при нем, оно шло в казацкіе бунты с единственной цѣлью избавиться от панской неволи. Попастъ в казацкіе сословіе,

значит стать свободным человеком. Оттого всё сотни тысяч мужиков, поднявшихся в 1648-1649 г. г., так охотно именовали себя казаками, брили головы и надѣвали татарскіе шаровары, и оттого подняли они возмущенный вопль, когда узнали, что зборовскій трактат возвращает их в прежнее мужицкое состояніе, взявши в казачій парадиз всего 40.000 с'астливцев. По донесеніям московских пограничных воевод, разспрашивавших украинских бѣженцев, можно составить себѣ представленіе о необычайной давкѣ, создавшейся вокруг реестрованія. Каждый хотѣл попасть в список и ничего не жалѣл для этого. Гетман сдѣлал из этого источник собственного обогащенія, «симал с тѣх людей, которых писал в реестр, золотых червонных по 30-ти и по 40-ку и больше. Кто ково больше мог дать, того и в рейстр писал, для того, что никто в холопствѣ быть по прежнему не хотѣл»²⁵.

Крестьяне, в момент присоединенія к Москвѣ, не выступили как сословіе и не сформулировали своих пожеланій потому что отождествили себя с казаками, наивно полагая, что этого достаточно, чтобы не числиться мужиками. Московскому же правительству трудно было разобратъся в тогдашней обстановкѣ.

Подводя итог челобитьям и выданным в отвѣтъ на них царским грамотам, изслѣдователи приходят к заключенію, что внутреннее устройство и социальныя отношенія на Украинѣ послѣ переяславскаго присоединенія установились такія, каких хотѣли сами малороссы. Царское правительство формировало это устройство в соотвѣтствіи с их просьбами и пожеланіями. Казаки хотѣли оставить все так, «как при королях польских было». Лично Б. Хмельницкій, в разговорѣ с Бутурлиным, выразил пожеланіе, чтобы, «кто в каком чину был по ся мѣста и нынѣ бы государь пожаловал, велѣл быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мѣщанин мѣщанином; а казаком бы не судитца у полковников и сотников». То же было выражено и письменно в челобитной царю: «права, уставы, привилен и всякія свободы... елико кто имяше от вѣков от князей и панов благочестивых и от королей польских... изволь твое царское величество утвердить и

своими грамотами государскими укрѣпити навѣки»³⁶. В подтвержденіе этих своих пожеланій и челобитій, гетман прислал в Москву копиі жалованных грамот польских королев. И эти грамоты, и собственныя просьбы казаков выражали взгляд на них, как на сословіе, а весь их «устрій» мыслился, как внутренняя сословная организація. Соотвѣтствующим образом и гетманская власть понималась, как власть военная, распространявшаяся только на войско запорожское, но не имѣвшая никакого касательства к другим сословіям и вовсе не призванная управлять цѣлым краем.

До 1648 года казачество было явленіем посторонним для Украины, жило в «диком полѣ», на степной окраинѣ, вся же остальная Малороссія управлялась польской администраціей. Но в дни возстанія польская власть была изгнана, край оказался во власти анархіи и для казаков появилась возможность насаждать в нем свои запорожскіе обычаи и свое господство. Картина их внѣдренія темна, как по недостатку источников, так и по неуловимости самого явленія. За шесть ужасных лѣтъ, когда непрестанно горѣли села и города, татарскія шайки охотились за людьми и тысячами уводили в Крым, когда гайдамаки с одной стороны, польскіе карательные отряды, с другой, превращали в пустыни цѣлыя мѣстности, когда огромныя территоріи переходили из рук в руки — трудно было установиться какой либо администраціи. Историческое изслѣдованіе до сих пор не касалось этого вопроса. Если искать в тогдашней Малороссіи подобія управления, то это было, вѣрнѣе всего, то, что принято называть «законами военного времени», т. е. воля начальника арміи или воинскаго отряда, занимавшаго ту или иную территорію.

В силу своего военного опыта и организованности, казаки завладѣли всѣми важными постами в народном ополченіи, придав ему свое запорожское устройство, подраздѣленія, обозначенія, свою субординацію. Потому казацкіе чины — полковники, сотники — явились властью также для малороссійскаго населенія тѣх мѣст, которыя были за-

няты их отрядами. И над всѣми стоял гетман войска запорожскаго с войсковою канцеляріей, генеральным писарем, обозным, войсковым судьей и прочей запорожской старшиной. Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины, система эта переносилась теперь на огромную страну с трудовым осѣдлым населеніем, с городами знавшими магдебургское право.

Как действовала она на практикѣ, мы не знаем, но можно догадываться, что «практика» меньше всего руководилась правовым сознанием, каковое не было привиго степному «слыцарству», воспитанному в антигосударственных традиціях.

Пока существовала надежда удержать Малую Русь под польским владычеством, гетман и его окруженіе разсматривали свою власть в ней, как временную. Зборовскій и Бѣлоцерковскій трактаты не оставляют мѣста ни для какой гетманской влати на Украинѣ послѣ ея замиренія и возвращенія под королевскую руку. Положеніе казачества и его предводителей, согласно этим трактатам, значительно улучшается, оно увеличивается в числѣ, ему предоставляется больше прав и матеріальных средств, но оно попрежнему не мыслится ничѣм, кромѣ особаго вида войска Рѣчи Посполитой. Гетман — его предводитель, но отнюдь не правитель области, он лицо военное, а не государственно-административное. Такой же взгляд внушала старшина и царским послам в Переяславлѣ в дни присоединенія к Московскому государству. Верховной властью в краѣ считалась отнынѣ власть царская. Это было до такой степени всѣм понятно, что ни Богдану, ни старшинѣ, ни кому бы то ни было из тогдашних малороссіан, в голову не приходило ходатайствовать перед царем о созданиі краѣвого правительства или какой нибудь автономной, мѣстной, по своему происхожденію, административной власти. Такой мысли не высказывалось даже в устных разговорах с Бутурлиным. По словам Д. М. Одица, очень авторитетнаго историка, «кромѣ московскаго государя, акты 1654 г. не предусматривали существованія на территоріи Украины никакого другого общегосударственнаго органа власти»²⁷.

Но в ученой литературѣ поднят, с нѣкоторых пор, вопрос: неужели казаки, пришедшіе в московское подданство в качествѣ фактических хозяев Малороссіи, так таки ни разу и не пожалѣли об утратѣ своего первенствующаго положенія? Почему ни в одной челобитной, ни в одном разговорѣ нѣтъ намека на желаніе продолжать управление страной? Нѣкоторые изслѣдователи (В. А. Мякотин, Д. М. Одинец), объясняют это консерватизмом старшины и гетмана, не сумѣвших за шесть бурных лѣтъ осознать переменны происшедшей в их положеніи и продолжавших держаться за старую форму казачьих выгод. Вряд ли можно согласиться с таким соображеніем. Хмельницкому, сказавшему однажды в подпитіи: «Я теперь единовладный самодержецъ русскій» (это было еще в первый період возстанія, в концѣ 1648 г.) — конечно ясна была его общекраевая роль. Понимала ее и старшина. Если, тѣм не менѣе, в Переяславлѣ о ней не было сказано ни слова, то в этом надо видѣть не близорукость, а как раз наоборот — необычайную дальновидность и тонкое знаніе политической обстановки. Хмельницкій знал, что ни на какое умаленіе своих суверенных прав Москва не пойдет; а выдвигать идею гетманской власти значило, покушаться на ея верховныя права. Всякая заминка в дѣлѣ воссоединенія могла дорого обойтись Богдану и казачьей верхушкѣ, в виду категорическаго требованія народа, не желавшаго ни о чем слышать, кромѣ присоединенія к Москвѣ. Гетман и без того замаран был своей крѣпостнической полонофильской политикой. Он мог разом лишиться всего, что с таким трудом завоевал в теченіе шести лѣтъ. Нам сейчас ясно, что если бы московское правительство лучше разбиралось в социальной обстановкѣ тѣх дней, оно могло бы совершенно игнорировать и гетмана, и старшину, и все вообще, казачество, опираясь на одну народную толщу. Старшина это отлично понимала и этим объясняется ея скромность и сговорчивость в Переяславлѣ. Она не оспаривала царскаго права собирать налоги с Малороссіи. Напротив, Хмельницкій сам

внушал Бутурлину, «чтобы великій государь, его царское величество указал с городов и мѣст, которые поборы наперед сего бираны на короля и на римскіе кляшторы и на панов, собирать на себя». То же говорил генеральный писарь Выговскій, предлагая скорѣй прислать налоговых чиновников для производства переписи. Единственно, о чем просил Хмельницкій, это, чтобы сбор податей в царскую казну предоставить мѣстным людям, дабы избѣжать недоразумѣній между населеніем и московскими чиновниками, непривычными к малороссійским порядкам и малороссійской психологій. Москвѣ эта просьба показалась вполне резонной и была удовлетворена без возраженій.

Боярам, конечно, в голову не приходило, какое употребленіе сдѣлают из нея казаки. Оставаясь вѣрными своей степной природѣ добычников, они никогда не принесли реальных, практических выгод в жертву отвлеченным принципам. «Суверенныя права», «національная независимость» не имѣли никакой цѣны в сравненіи с фактической возможностью управлять страной, распрягаться ея богатствами, расхищать земли, закабалить крестьян. О національной независимости они даже не думали, как потому, что в то время никто не знал, что с нею дѣлать, так и по причинѣ крайней опасности этой матеріи для казачьяго благополучія. В независимой Украинѣ казаки никогда бы не смогли превратиться в правящее сословіе, тѣм болѣе — сдѣлаться помѣщиками. Революціонное крестьянство, только что вырвавшееся из панскаго ярма и не собиравшееся итти ни в какое другое, хлынуло бы цѣликом в казаки и навсегда разрушило привилегированное положеніе этого сословія. Но казачество не для того наполнило половину столѣтія бунтами во имя пріобрѣтенія шляхетских прав, не для того прошло через кровавую эпопею хмельничины, чтобы так просто отказаться от вѣковой мечты. Оно избрало самый вѣрный метод — как можно меньше говорить о ней. Хлопоча о сословных казачьих правах и выговаривая привилегіи, Богдан с товарищами думал о гораздо большем — об удержаніи захваченной ими реальной власти. Хитрость их в предупрежденіи подозрѣній сказалась в безговорочном признаніи устано-

внѣшагося во время возстанія порядка на Украинѣ, как временнаго. На самом дѣлѣ, это был тот порядок о котором они мечтали и который намѣрены были удерживать всѣми средствами. Стремилась только выиграть время, лучше изучить московских политиков, проникнуть в их замыслы и узнать их слабыя мѣста.

Когда это было сдѣлано, когда царское правительство допустило нѣсколько ошибок, способствовавших укрѣпленію положенія Богдана, обстановка для него стала складываться благопріятно. С этих пор он и мысли не допускал о временности гетманскаго режима, но учинился таким неограниченным властителем в Малороссіи, каким никогда не был польскій король. Из предводителя войска он сдѣлался правителем страны. Что же до русскаго царя, то его административный аппарат, попросту, не был допущен в Малороссію до самаго ХУІІ вѣка. Власть на Украинѣ оказалась узурпированной казаками.

БОРЬБА КАЗАЧЕСТВА ПРОТИВ УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ МАЛОРОССИИ

Считалось само собой разумѣющимся, что послѣ присяги и прочих формальностей связанных с присоединеніем Малороссіи, московскіе воеводы должны заступитъ мѣсто польских воевод и урядников. Так думал простой народ, так говорили казаки и старшина, Выговскій и Хмельницкій. Два года спустя, послѣ переяславской рады, Павел Тетеря, посланный Хмельницкаго, увѣрял в Москвѣ думных людей, будто войско запорожское желает, «чтобы всѣми городами и мѣстами, которые в запорожском войскѣ, владѣть одному царскому величеству».

Но московское правительство до самой смерти Хмельницкаго не удосужилось этого сдѣлать. Все его вниманіе и силы устремлялись на войну с Польшей, возгорѣвшуюся из-за Малороссіи. Оно поддалось на уговоры Богдана, просившаго повременить как с описью на предмет обложения, так и с присылкой воевод, ссылаясь на военное время, на постоянное пребываніе казачества в походах, на незаконченность реестрованія. В теченіе трех лѣтъ Москва воздерживалась от реализаціи своих прав. А за это время, гетман и старшина, распоряжаясь, как полные хозяева, приобрѣли необычайный вкус к власти и к обогащенію — собирали налоги со всѣх слоев населенія в свою пользу, судили, издавали общеобязательные приказы. Казацьи учрежденія присвоили себѣ характер вѣдомств верховной власти. Появились московскіе воеводы в Малороссіи сразу

же послѣ переяславской присяги, у казаков не было бы повода для такого эксперимента. Теперь они продѣлали его удачно и окрыленные успѣхом сдѣлались смѣлыми и наглыми. Когда правительство, в 1657 г., рѣшительно подняло вопрос о введеніи воевод и взиманіи налогов, Хмельницкій отказался от собственных слов в Переяславлѣ и от рѣчей своих посланных в Москвѣ. Оказалось, что «и в мысли у него не было, чтоб царское величество в больших городах, в Черниговѣ, в Переяславлѣ, в Нѣжинѣ, велѣл быти своего царскаго величества воеводам, а доходы бы собирая, отдавати царскаго величества воеводам. Будучи он, гетман, на трактатах царскаго величества с ближним боярином В. В. Бутурлиным с товарищи, только домолвили, что быти воеводам в одном г. Кіевѣ...»⁸⁸

Смерть Богдана помѣшала разгорѣться острому конфликту, но он вспыхнул при преемникѣ Хмельницкаго Иванѣ Выговском, начавшем длинную цѣпь гетманских измѣн и клятвopеступлений. В его лицѣ старшина встала на путь открытаго противодѣйствія введенію царской администраціи и, тѣм самым, на путь нарушенія суверенных прав Москвы. «Воеводскій» вопрос приобрѣлъ исключительное политическое значеніе. Строго говоря, он был причиною всѣх смут наполнивших вторую половину ХУП вѣка. Воеводы сдѣлались страшилищем, кошмаром преслѣдовавшим казачью старшину во снѣ и наяву. Малѣйшій намек на их появленіе повергал ее в лихорадочное состояніе. Воеводами старались запугать весь народ, представляя их людьми жестокими, алчными, безсердечными; говорили, будто они запретят малороссам ношеніе сапог и введут лапти, что все населеніе погонят в Сибирь, мѣстные обычаи и церковные обряды замѣнят своими москальскими — крестить младенцев прикажут посредством погруженія в воду, а не обливаніем... Такими розказнями москвичам создали репутацію задолго до их появленія в краѣ.

Характерно для всей второй половины ХУП вѣка обиліе жалоб на всевозможныя москальскія насилія. Но тщетно было бы добираться до реальных основ этих жалоб. Всегда онѣ выражались в общей формѣ, без ссылок на конкретные факты и всегда исходили от старшин. Дѣ-

далось это чаще в устной, а не в письменной формѣ на шумных радах при избраніи гетманов или при объясненіях по поводу каких нибудь казацких измѣн. Ни в московских, ни в малороссійских архивах не найдено дѣлопроизводствъ и разслѣдованій по поводу обид или притѣсненій учиненных над малороссами царскими чиновниками, нѣтъ указаній на самое возникновеніе таких документов Зато много основаній думать, что их и не было.

Вот эпизод, относящійся к 1662 году. Наказной гетман Самко жаловался царю на московских ратных людей, которые, якобы, били, грабили переяславцев и называли их измѣнниками. По его увѣреніям, даже воевода кн. Волконскій принимал в этом участіе и мирволил буянам, вмѣсто того, чтобы карать их. Но когда царь отправил в Переяславль стольника Петра Бунакова для сыска виновных — Самко отказался от разслѣдованія и приложил всѣ усилія, чтобы замять дѣло. Он заявил, что иные обиженные пали на войнѣ, другіе в плѣну, третьим некого привлечь к отвѣтственности, потому, что обидчики исчезли. Бунаков прожил в Переяславлѣ мѣсяц — с 29 мая по 28 іюня — и за все это время привели к нему одного только драгуна пойманнаго в кражѣ. Его били кнутом на козлѣ и провели сквозь строй. Призвавъ казачих начальников Бунаков спросил: будут ли наконец челобитныя от переяславцев на московских ратных людей? Тѣ отвѣчали что многіе переяславцы уже помирились со своими обидчиками, а новых челобитій по их мнѣнію, скоро не будет и потому они полагают, что ему, Бунакову, нѣтъ смысла проживать здѣсь долѣе³⁹. На глуховской радѣ, при избраніи в гетманы Д. Многогрѣшнаго, в 1668 году, царскій посланный кн. Ромодановскій в отвѣтъ на заявленія старшины о том, что служилые люди устраивают пожары с цѣлью грабежа, — говорил: «О том великому государю не бывало ни от кого челобитья ни прежде сего, ни в послѣднее время; если же бы челобитье такое было, против челобитья был бы сыск, а по сыску, смотря по винѣ, тѣм воров за их воровство и казнѣ учинена была бы. Знатно, то дѣло нынѣ затѣяли вы, чтоб воеводам в городах не быть»⁴⁰. Гетман и старшина не нашлись, что на это воз-

разить. Не получив отраженія в актовом, документальном матеріалѣ, злоупотребленія царскихъ властей расписаны, зато, необычайно пышно, во всякаго рода памфлетахъ, воззваніяхъ, анонимныхъ письмахъ, в легендарныхъ исторіяхъ Украины. Этого рода матеріалъ настолько обиленъ, что соблазнилъ нѣкоторыхъ историковъ XIX вѣка, вроде Костомарова, принимавшаго его безъ критики и повторявшаго в своихъ ученыхъ сочиненіяхъ версію о злоупотребленіяхъ московскихъ властей.

Что московская бюрократія ХVIII вѣка не можетъ служить образцомъ добродѣтели, хорошо извѣстно. Но какова бы она ни была у себя дома, она обладала рѣдкимъ политическимъ тактомъ в дѣлѣ присоединенія и колонизаціи чужихъ земель. В противоположность англичанамъ, португальцамъ, испанцамъ, голландцамъ, истреблявшимъ цѣлые народы и цивилизаціи, заливавшимъ кровью острова и материки, Москва владѣла тайной удержанія покоренныхъ народовъ не однимъ только принужденіемъ. Меньше всего у нея было склонности примѣнять жестокіе методы в отношеніи многочисленнаго, единокровнаго, единовѣрнаго народа малороссійскаго, добровольно къ ней присоединившагося. Правительство царя Алексѣя Михайловича и всѣ послѣдующія превосходно знали, что такой народъ, если он захочетъ отойти, никакой силой удержать невозможно. Примѣръ его недавняго отхода отъ Польши у всѣхъ былъ в памяти. В Москвѣ, поэтому, ревниво слѣдили, чтобы чиновники попадавшіе в Малороссію не давали своимъ поведеніемъ повода къ недовольству. Отъ единичныхъ, мелкихъ злоупотребленій уберечься было трудно, но борьба съ ними велась энергичная. Когда стольникъ Кикинъ, в серединѣ 60-хъ годовъ, обнаружилъ, что в спискахъ податнаго населенія попадаютъ казаки, занесенные туда по небрежности или по злой волѣ царскихъ писцовъ — онымъ писцамъ учинено было строгое наказаніе. Такому же сыску и наказанію подверглись всѣ переписчики замѣченные в лихоимствѣ, по каковому поводу гетманъ со всѣми полтавскими казаками приносили царю благодарность. В Москвѣ слѣдили за тѣмъ, чтобы малороссіянъ, даже, худымъ словомъ не обижали. Послѣ измѣнъ гетмановъ — Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Брю-

ховецкаго, послѣ безчисленных переходов казаков от Москвы к Польшѣ, от Польши к Москвѣ, когда самые корректные люди не в силах были сдерживать своего раздраженія на такое непостоянство, нѣкоторые русскіе воеводы, в прилегающих к Украинѣ городах, взяли привычку называть приѣзжавших к ним для торга малороссов измѣнниками. Когда в Москвѣ об этом стало извѣстно, воеводам был послан указ с предупрежденіем, что «если впредь от них такія неподобныя и поносныя рѣчи пронесутся, то будет им жестокое наказанье безо всякой пощады». Даже самых знатных особ рѣзко одергивали за малѣйшее нарушеніе малороссійских «вольностей». До нас дошла отписка из Москвы на имя кн. М. Волконскаго — воеводы Каневскаго. В 1676 году, этому воеводѣ попался в руки лазутчик с праваго берега Днѣпра, признавшійся, что ходил от враждебнаго гетмана Дорошенко с «воровским листом» к полковнику Гурскому. Это же подтвердил и слуга полковника. Волконскій, не предупредив лѣвобережнаго гетмана Самойловича, которому подчинен был Гурскій, начал дѣло о его измѣнѣ. Самойлович обидѣлся и пожаловался в Москву. Оттуда Волконскій получил отставку и выговор: «То ты дурною своею дѣлаешь негораздо, вступаешься в их права и вольности, забыв наш указ; и мы указали тебя за то посадить в тюрьму на день, а как будешь на Москвѣ, и тогда наш указ сверх того учинен тебѣ будет»⁴¹. Запрещал и Петр попрекать украинцев измѣной Мазепы. В нѣкоторых важных случаях он грозил даже смертною казнью за это.

При таких строгостях и при таком уваженіи к дарованным им правам, казаки имѣли возможность мирным, лояльным путем добиваться устраненія воеводских злоупотребленій, если бы таковыя были. Но злоупотребленій было меньше, чѣм разговоров о них. Московская администрація на Украинѣ, не успѣвъ появиться и пустить корни, была форменным образом вытѣснена оттуда. Не она нарушала дарованныя украинцам права и привилегіи, а зачастую постоянно нарушало верховныя права Москвы, принятыя и скрѣпленныя присягой в Переяславлѣ.

Впервые о введении войск в Малороссию заявлено было гетману Выговскому, в концѣ 1657 г. Для этой цѣли отправлен в Малороссию стольник Кикин с извѣстіем, что идут туда войска под начальством кн. Г. Г. Ромодановскаго и В. Б. Шереметева. Кромѣ того, для участія в радѣ, ѣдут царскіе посланные — кн. А. Н. Трубецкой и Б. М. Хитрово. Войска посылались в города в качествѣ обыкновенных гарнизонов и воеводам не было дано административных прав — ни суд, ни сбор податей, ни какія бы то ни было отрасли управленія их не касались. Разсматривались они, как простая воинская сила для удержанія царских владѣній. Кикину приказано было разъяснить городским жителям, что их вольностям опасности не грозит и что войска присылаются для обереганія края от ляхов и от татар. Поляки, в свое время, не допускали возведенія крѣпостей на Украинѣ, вслѣдствіе чего она оставалась беззащитной в случаѣ внѣшняго нападенія. Об укрѣпленіи ея и о защитѣ с помощью царских войск просили Хмельницкій и старшина в 1654 г., включив в свою мартовскую челобитную специальный пункт по этому поводу. И позднѣе, как Хмельницкій, так и Выговскій настаивали на удовлетвореніи этой просьбы. О присылкѣ войск ходатайствовал в 1656 г. Павел Тетеря, — в бытность свою послом в Москвѣ. Со стороны казачества, Москва меньше всего могла ожидать какой нибудь оппозиціи. Но тут и выяснилось, как плохо знала она своих врагов и своих друзей на Украинѣ. Получилось так, что в городах и селах вѣсть о приходѣ московских войск встрѣчена была с одобреніем, даже с восторгом, тогда как враждебная реакція послѣдовала со стороны гетмана и казаков. Мѣщане, мужики и простые казаки выражали царскому стряпчему Рагозину, когда он ѣхал к Выговскому, желаніе полной замѣны казачьей администраціи администраціей царской. Котляр — наказной воит в Лубнах — говорил: «Мы всѣ были рады, когда нам сказали, что будут царскіе воеводы, бояре и ратные люди; мы мѣщане с казаками и чернью заодно. Будет у нас в Николин день ярмарка и мы станем совѣ-

товаться, чтоб послать к великому государю бить челом, чтоб у нас были воеводы». То же говорили бѣдные казаки: «Мы всѣ рады быть под государевою рукою, да лихо наши старшіе не станут на мѣрѣ, мятутся, только вся чернь рада быть за великим государем». Нѣжинскій протопоп Максим Филимонов прямо писал боярину Ртищеву: «Изволь милостивый пан совѣтовать царю, чтоб не откладывая взялъ здѣшніе края и города черкасскіе на себя и своих воевод поставил, потому что всѣ желают, вся чернь рада имѣть одного подлиннаго государя, чтоб было на кого надѣяться; двух вещей только бояться: чтоб их отсюда в Москву не гнали, да чтоб обычаев здѣшних церковных и мірских не перемѣняли... Мы всѣ желаем и просим, чтоб был у нас один Господь на небѣ и один царь на землѣ. Противятся этому нѣкоторые старшіе для своей прибыли: возлюбивши власть не хотят от нея отступиться»⁴². Примѣрно то же говорили запорожцы отправившіе в Москву свое посольство тайно от Выговскаго.

В июнѣ 1658 г., когда воевода В. Б. Шереметев шел в Киев, жители на всем пути привѣтствовали его, выходили навстрѣчу с иконами, просили прислать царских воевод в остальные города⁴³. Зато у гетмана и старшины вѣсть о приходѣ царских войск вызвала панику и злобную настроенность. Она усилилась, когда стало извѣстно, что стольник Кикин, по дорогѣ, дѣлал казакам разъясненія, касательно неплатежа им жалованья. Царское правительство не требовало с Малороссіи, в теченіе четырех лѣтъ, никаких податей. Оно и теперь не настаивало на немедленной их уплатѣ, но его тревожили слухи о недовольствѣ простого казачества, систематически не получавшаго жалованья. Боясь, как бы это недовольство не обратилось на Москву, оно приказало Кикину ставить народ в извѣстность, что всѣ поборы с Украйны идут не в царскую, а в гетманскую казну, собираются и расходуются казацкими властями.

Выговскій почуялъ немалую для себя опасность в таких разъясненіях. Мы уже знаем, что Москва, согласившись на просьбу Богдана платить жалованье казакам, связывала

этот вопрос с податным обложением; она хотѣла, чтобы жалованье шло из сумм малороссійских сборов.

Ни Хмельницкій, ни его посланные Самойло Богданов и Павел Тетеря, никаких возраженій по этому поводу не дѣлали, да и трудно представить себѣ какія либо возраженія, но содержащая пункт о жалованьи челобитная Богдана, которую он посылал в Москву в мартѣ 1654 г., оказалась утаенной от всего казачества, даже от старшины. Лишь нѣсколько лиц, в том числѣ войсковой писарь Выговскій, знали об изложенных там просьбах⁴⁴. Старый гетман, видимо, не хотѣл привлекать чье бы то ни было вниманіе к вопросу о сборѣ податей и к финансовому вопросу в цѣлом. В «бюджет» Малороссіи никто, кромѣ гетманскаго уряда, не должен был посвящаться. Нельзя не видѣть в этом новаго доказательства низменности цѣлей, с которыми захвачена власть над Южной Русью. Впервые статьи Хмельницкаго оглашены в 1659 г. во время избранія в гетманы его сына Юрія, но в 1657 г. Выговскій столь же мало заинтересован был в их огласкѣ, как и Богдан. Разъясненія Кикина ускорили разрыв его с Москвой. Он пріѣхал в Корсунь, созвал там полковников и положил булаву. «Не хочу быть у вас гетманом; царь прежнія вольности у нас отнимает, и я в неволѣ быть не хочу». Полковники вернули ему булаву и обѣщали за вольности стоять вмѣстѣ. Затѣм гетман произнес фразу означавшую форменную измѣну: «Вы полковники должны мнѣ присягать, а я государю не присягал, присягал Хмельницкій» Это, повидимому, даже для казачьей старшины было не вполне пристойное заявленіе, так что полтавскій полковник Мартын Пушкаръ отозвался: «Все войско запорожское присягало великому государю, а ты чему присягал, саблѣ или пищали?»⁴⁵ В Крыму, московскому посланнику Якушкину удалось провѣдать, кто Выговскій щупает почву на случай перехода в подданство к хану Мегмет Гирею. Извѣстна и причина: «царь присылает к ним в черкасскіе города воевод, а он гетман не хочет быть у них под началом, а хочет владѣть городами сам, как владѣл ими Хмельницкій»⁴⁶.

Между тѣм, кн. Г. Г. Ромодановскій с войском семь не-

дѣль дожидался гетмана в Переяславль, и когда Выговскій явился — упрекалъ его за медлительность. Он ставил на вид, что пришел по просьбѣ Хмельницкаго, да и само-го же Выговскаго, тогда как теперь, ему не дают кормов в Переяславль, отчего он поморил лошадей и люди от безкормицы начинают разбѣгаться. Если и впредь кормов не дадут, то он, князь, отступит назад в Бѣлгород. Гетман извинился за неполадки, но рѣшительно просил не отступать, ссылаясь на шаткость в Запорожьѣ и в других мѣстах. Весьма возможно, что он был искренен, в данном случаѣ. Выговскій пользовался чрезвычайной непопулярностью среди «черни»; в нем справедливо усматривали проводника идеи полного главенства старшины в ущерб простому казачеству. Запорожцы тоже его не любили за то, что он запрещал им рыбу ловить и вино держать на продажу. Они готовы были при первом удобном случаѣ возстать на него. Гетман это знал и боялся. Присутствие московских войск на Украинѣ было ему, в этом смыслѣ, на руку. Ромодановскому он прямо говорил: «Послѣ Богдана Хмельницкаго во многих черкасских городах мятежи и шатости и бунты были, а как ты с войском пришел и все утихло. А в Запорожьѣ и теперь мятеж великій...» Но, видимо, опасность пребыванія царских войск в краѣ перевѣшивала в его глазах ту выгоду, которую они ему приносили. Именно в этот момент, т. е. с приходом Ромодановскаго, у него окончательно созрѣло рѣшеніе об измѣнѣ.

Между тѣм, на гетмана возстал Мартын Пушкарь — полтавскій полковник. Среди других начальных людей замѣчена была тоже шатость, так что Выговскій казнил в Гадячѣ нѣкоторых из них, а на Пушкаря отправился походом, призвавъ на помощь себѣ крымских татар. В Москвѣ встревожились. К гетману послали Ивана Апухтина с приказом не расправляться самовольно со своими противниками и не приводить татар, но ждать царскаго войска. Апухтин хотѣлъ ѣхать к Пушкарю, чтобы уговорить его, но Выговскій не пустил. Он в это время уже был груб и безцеремонен с царскими посланниками. Он осадил Полтаву, взялъ Пушкаря вѣроломством и отдал город на ужа-

сающей погром татарам. Москва, тѣм временем, успѣла вполне узнать о его намѣреніях. Со слов митрополита кievскаго, духовных лиц, родни покойнаго Хмельницкаго, кievских мѣщан и всяких чинов людей стало извѣстно о сношеніях Выговскаго с поляками на предмет перехода к ним. 16 августа 1658 года прибѣжали в Кіев работники из лѣсов с извѣстіем, что казаки и татары идут под город, а 23 августа Данило Выговскій — брат гетмана — явился к Кіеву с двадцатитысячным казацко-татарским войском. Воевода Шереметев не дал застигнуть себя врасплох и отбил нападеніе с большим для Выговскаго уроном. Казаки, таким образом, объявили Москвѣ настоящую войну. 6 сентября 1658 г., гетман Выговскій заключил в Гадячѣ договор с польским послом Беневским, согласно которому запорожское войско отказывалось от царскаго подданства и заложилось за короля. По этому договору, Украина соединилась с Рѣчью Посполитою на правах, якобы, самобытнаго государства под названіем «Великаго Княжества Русскаго». Гетман избирался казаками и утверждался королем пожизненно. Ему принадлежала верховная исполнительная власть. Казачій реестр опредѣлялся в 30.000 человекъ. Из них, гетман имѣл право ежегодно представлять королю тѣсколько человекъ для возведенія в шляхетское достоинство с таким расчетом, чтобы число их из каждаго полка не превышало 100. Договор был составлен так, что многіе жизненные для Украины вопросы оставлялись неразрѣшенными и туманными. Такова была проблема Уніи. Малороссы видѣть ее у себя не хотѣли, но фанатизм польских католиков был не меньшій. Они приходили в ярость при одной мысли о возможных уступках схизматикам. Польскому комиссару Беневскому, заключавшему договор с Выговским, пришлось долго уламывать депутатов сейма в Варшавѣ. «Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженіе Уніи, чтобы их приманить этим, — говорил он, — а потом... мы создадим закон, что каждый может вѣрить, как ему угодно, — вот и Учія останется в цѣлости. Отдѣленіе Руси в видѣ особаго княжества будет тоже не долго: казаки, которые теперь думают об этом, — перемрут, а наслѣдники их не так горячо будут дорожить этим и мало по малу все примет прежній вид»⁴⁷. Такой же ковар-

ный замысел у поляков существовал относительно реставрации крепостного права. Ни полномочия земельных владельцев, ни права крестьян, что будут жить на их землях совершенно не оговаривались в трактатъ. Выговский и старшина молчаливо продавали простой народ в рабство, из которого он с такими мучениями вышел во время Хмельничины. Несмотря на то, что рада состояла из избранной части казачества, договор вызвал у нея так много сомнѣній, что едва не был отвергнут. Спас положеніе Тетеря, крикнув: «Эй! згодимоса панове-молодцы, з ляхами — бильшо будемо мати, покирливо телятко дви матери ссет!». На послѣдовавшем послѣ этого пиру, Выговскій увѣрял казаков, будто всѣ они по этому договору будут произведены в шляхетство ⁴⁸.

**

Выяснилось, однако, что далеко не все войско запорожское послѣдовало за Выговским, многіе остались вѣрны Москвѣ и выбрав себѣ новаго гетмана Безпалаго начали войну с Выговским. 15 января 1659 г., кн. А. Н. Трубецкой с большим войском выступил на помощь Безпалому. Но в концѣ іюня это войско постиг жестокий разгром под Ковотопом. Туда пришли татарскій хан и Выговскій со своими приверженцами. Один из русских предводителей, кн. С. Р. Пожарскій, увлекшись преслѣдованіем казаков, попал в ловушку, был смят татарами и очутился со своим войском в плѣну. Самого его за буйное поведеніе (он плонул хану в лицо) казнили; остальных русских плѣнных, в количествѣ 5.000 человек, казаки вывели на поле и перерѣзали, как баранов ⁴⁹. Узнав о гибели отряда Пожарскаго, Трубецкой в страшном безпорядкѣ отступил в Путивль. Если бы татары захотѣли, они могли бы в этот момент безпрепятственно дойти до самой Москвы. Но хан, поссорившись с Выговским, увел свои войска в Крым, а Выговскій должен был вернуться в Чигирин. Он пробовал оттуда дѣйствовать против москвичей, выслав на них своего брата Данилу с войском, но 22 августа Данило был наголову разбит.

30 августа, воевода Шереметев писал из Киева царю, что полковники переяславский, нѣжинский, черниговский, кievский и лубенский — снова присягнули царю. Усышав об этом, западная сторона Днѣпра тоже стала волноваться и почти вся отошла от Выговскаго. Казаки собрались вокруг Юрія Хмельницкаго — сына Богдана, который 5 сентября писал Шереметеву, что он и все войско запорожское хочет служить государю. В тот же день, воевода Трубецкой двинулся из Путивля на Украину и вездѣ был встрѣчаем с триумфом, при громѣ пушек. Особенно торжественную встрѣчу устроил Переяславль. Населеніе повсемѣстно присягало царю.

Получились так, как предсказывал Андрей Потоцкій. прикомандированный поляками к Выговскому и командовавший при нем польским вспомогательным отрядом. Наблюдая событія, он писал королю: «Не изволь ваша королевская милость ожидать для себя ничего добраго от здѣшняго края. Всѣ здѣшніе жители (Потоцкій имѣл ввиду обитателей праваго берега) скоро будут московскими, ибо перетянет их к себѣ заднѣпровье (восточная сторона), а они того и хотят и только ищут случая, чтоб благодиднѣе достигнуть желаемаго»⁵⁰. Измѣна Выговскаго показала, как трудно оторвать Украину от Московскаго Государства. Каких нибудь четыре года прошло со дня присоединенія, а народ уже сжился с новым подданством так, что ни о каком другом слышать не хотѣл. Больше того, он ни о чем так не мечтал, как об усиленіи этого подданства. Ему явно не нравились тѣ широкія права и привилегіи, что казачество выхлопотало себѣ в ущерб простому народу. Нѣкоторыя из писем направленных в Москву содержали угрозу: если царь не пресѣчет казачій производ и не утвердит своих воевод и ратных людей, то мужики и горожане разбѣгутся со своих мѣст и уйдут, либо в великорусскіе предѣлы, либо за Днѣпр. Этот голос крестьянскаго и городскаго люда слышится на протяженіи всѣх казачьих смут второй половины XVII столѣтія. Протопоп Симеон Адамович писал в 1669 г.: «Воля ваша; если прикажете из Нѣжина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своих ратных людей, то не думайте, чтоб было до-

бро. Весь народ кричит, плачет: как израильтяне под египетскою, так они под казацкою работою жить не хотят; воздѣвъ руки молят Бога, чтоб попрежнему под вашу государскую державою и властію жить; говорят всѣ: за свѣтом государем живучи, в десять лѣтъ того бы не видѣли, что теперь в один год за казаками»⁶¹.

10 октября 1659 г., Юрій Хмельницкій со старшиной прибыл в Переяславль к Трубецкому. Старшина извинялась за измѣну и жаловалась, что принудил ее к этому «Ивашко Выговскій».

Измѣна Выговскаго раскрыла московскому правительству глаза на страшный антагонизм между казачеством и крестьянством. Начали в Москвѣ понимать, также, что десятки тысяч казаков только называются казаками, а на самом дѣлѣ — тѣ же крестьяне, которых матерые казаки и притѣсняюот, как мужиков. Послѣ Зборова и Переяславля им удалось правдами и неправдами попасть в реестр и получить формальное наименованіе казака, но не воспользоваться ни одной из казачьих привилегій. Старое казачество их знать не хотѣло. Их устранили от участія в казачьих радах, пускали туда в незначительных количествах, а то и вовсе не пускали. При избраніи Выговскаго, в Чигиринѣ, рада сплошь состояла из старшины, полковников, сотников; когда «чернь» захотѣла проникнуть во двор в котором происходила рада, перед нею захлопнули ворота. Во всѣх петиціях предъявленных старшиною московскому правительству, послѣ измѣны Выговскаго, неизмѣнно значился пункт о недопущеніи «черни» к разрѣшенію войсковых дѣл. Борьба с нею приняла столь острый характер, что, начиная с конца шестидесятых годов ХУІІ вѣка, полковники начинают заводить себѣ «компаніи» — наемные отряды, помимо тѣх казаков, над которыми начальствовали и, как раз, для удержанія в повиновеніи этих самых казаков. Гетманы, точно так же, создают при себѣ гвардію составленную чаще всего из иноземцев. Еще при Хмельницком состояло 3.000 татар, правобережные гетманы нанимали поляков, а Мазепа выпросил у московскаго

правительства стрѣльцов для охраны своей особы, так что один иностранный наблюдатель замѣтил: «Гетман стрѣльцами крѣпок. Без них хохлы давно бы его уходили, да стрѣльцов бояться»⁵². Постепенно, Мазепа замѣнил их польскими сердюцкими полками. В 1696 году, кievскій воевода кн. Бярятинскій получил от стародубскаго жителя Суслова письмо, в котором тот пишет: «Начальные люди теперь в войскѣ малороссійском всѣ поляки. При Обидовском, племянникѣ Мазепы, нѣтъ ни одного слуги казака. У казаков жалоба великая на гетманов, полковников и сотников, что для искорененія старых казаков, прежнія вольности их всѣ отняли, обратили их себѣ в подданство, земли всѣ по себѣ разобрали. Из котораго села прежде на службу выходило казаков по полтораста, теперь выходит только человек по пяти или по шести. Гетман держит у себя в милости и призрѣнїи только полки охотницкіе, компанейскіе и сердюцкіе, надѣясь на их вѣрность и в этих полках нѣтъ ни одного человека природнаго казака, все поляки... Гетман в нынѣшнем походѣ стоял полками порознь опасаясь бунту; а если б всѣ полки были в одном мѣстѣ, то у казаков было совершенное намѣреніе старшину всю побить»⁵³.

Бунт полтавскаго полковника Пушкаря против Выговскаго был бунтом этой демократической части казачества против значных. Когда старшина, бросив Выговскаго и собравшись вокруг Юрія Хмельницкаго, искала путей возвращенія под царскую руку, она прежде всего домогалась устраненія простаго народа от участія в политической жизни и добивалась полной его зависимости от «значных». В предъявленных кн. Трубецкому 14 статьях, значился пункт и о воеводах, которых казачество нигдѣ кромѣ Кіева не хотѣло видѣть.

Но событія 1657-1659 г.г. укрѣпили Москву в сознаниі необходимости внимательнѣе прислушиваться к голосу низоваго населенія и по возможности ограждать его от хищных поползновеній старшины. Это отнюдь не выражалось в потаканіи «черни», в натравливаніи ее на «значных», как утверждает Грушевскій. Будучи государством помѣщичьим, монархическим, пережившим в XVII вѣкѣ

ряд страшных бунтов и народных волнений, Москва боялась играть с таким огнем, от которого сама могла сгорѣть. Не установлено ни одного случая, когда бы царское правительство примѣняло подобные методы в Малороссіи. Но оно прекрасно поняло, что не казаки удерживают страну под царской властью, а простой народ. В отвѣтъ на 14 статей, Трубецкой выдвинул свои пункты: Гетману без совѣта всей черни в полковники и в начальныя люди никого не выбирать и не увольнять. Самого гетмана, без царскаго указа не смѣнять. Начальных людей гетман не может казнить смертью, как это дѣлал Выговскій, без участія царскаго представителя. Запрещается распространять казачьи порядки на Бѣлоруссію. Воеводам царским быть в Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браสลвлѣ, Умани, но в войсковыя казачьи права и вольности не вступаться, у реестровых казаков на дворах не ставиться и подвод у них не брать. Без царскаго указа войн не начинать и на войну не ходить. За самовольное веденіе войны — смертная казнь.

Сопоставленіе этих условій и контр-условія ясно обнаруживает стремленіе старшины измѣнить дух и букву переяславскаго присоединенія, в то время как Москва упорно стоит на их сохраненіи.

Хотя новый гетман и руководившіе им казацкіе вояты приняли требованія Трубецкого и подписали их — не прошло и года, как Юрій Хмельницкій измѣнил.

Необычайный переплет событій на Украинѣ, вызванный измѣной Выговскаго, сорвал фактически и отстрочил еще на нѣсколько лѣтъ намѣченное Москвой введеніе воевод. Только в Кіевѣ им удалось удержаться; в большинствѣ же других городов, вслѣдствіе поднявшейся сумятицы, воеводы не утвердились. Возобновленіе переговоров о введеніи воеводскаго управленія началось лишь в 1665 году по инициативѣ гетмана Брюховецкаго. Но, чтобы понятной стала самая его инициатива, необходимо сказать нѣсколько слов о приходѣ к власти этого человѣка.

Иван Мартынович Брюховецкій начал свою карьеру, как

кошевой атаман в Сѣчи. Отсюда он стал вмѣшиваться в событія лѣваго берега, заявив себя ревностным сторонником Москвы, но в отличіе от Самка и Золотаренка, представлявших значное казачество, Брюховецкій держал сторону «черни». Его соперничество носило, таким образом, социальный характер. Когда, 18 іюня 1663 г., собралась в Нѣжинѣ «черневая» рада, т. е. такая в которой участвовали наряду со значными также простые казаки, ни в каких реестрах не состоявшіе, то царскому посланнику кн. Гагину не дали даже прочитать царскаго указа об избраніи гетмана — толпа начала выкрикивать имена кандидатов, главным образом, Самка и Брюховецкаго. Запорожцы кинулись на сторонников Самка, столкнули кн. Гагина с его мѣста и провозгласили гетманом Брюховецкаго. В свалкѣ убито было нѣсколько человекъ, а Самко едва спасся бѣгством в воеводскій шатер. Он жаловался на незаконность выборов. Гагин созвал новую раду, но она оказалась для Самко еще болѣе печальной по своимъ результатам. Тѣ, что стояли, вначалѣ, за него, — перешли теперь на сторону Брюховецкаго.

«Чернь», не довольствуясь «избирательной» побѣдой, жинулась грабить возы старшины, а потом рѣзать и саму старшину. Три дня продолжались убійства. Самко и Золотаренко выволокли на войсковою суд, обвинили в измѣнѣ и казнили вмѣстѣ с толпой ихъ сторонников.

Пред нами — первый случай прихода к власти «черни», сумѣвшей выдвинуть на гетманство своего ставленника. Этимъ объясняется успѣх Брюховецкаго в первые годы его гетманства. Ему удастся довольно быстро навести порядок на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а потом перекинуться и на правый, гдѣ его вліяніе стало расти такъ быстро, что встревожило П. Тетерю, заставив его искать путей для перехода на сторону Москвы. Сам Иван Выговскій, всѣми оставленный, но носившій титул «гетмана русскаго и сенатора польскаго», стал подумывать об измѣнѣ королю.

В 1664 г. он снесся с полковником Сулимою, дабы поднять возстаніе в пользу царя, перебить польскихъ старост и отнять имѣнія у шляхты. Он был разстрѣлян поляками. «Чернь», по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, тяготѣла, какъ прежде,

к Москвѣ. Почувствовав за собой мощь низового казачества, крестьянства и горожан, Брюховецкій сразу понял, какую позицію должен занять в отношеніи Москвы. В 1665 г. выражает он желаніе «видѣть пресвѣтлыя очи государевы» и 11 сентября является в Москву во главѣ пышной свиты в 535 человекъ. Поведеніе его в Москвѣ столь необычно, что заслуживает особаго вниманія. Он сам просит царя о присылкѣ воевод и ратныхъ людей в украинскіе города и сам выражает пожеланіе, чтобы сборы с мѣщан и с поселян, всѣ поборы с мельниц, кабаков, а также таможенные сборы шли в пользу государя. Просит он и о том, чтобы митрополит кievскій завистѣл от Москвы, а не от Константинополя. Казалось, появился наконецъ гетман захотѣвшій всерьез уважать суверенныя права Москвы и понимающій свое подданство не формально, а по настоящему. Желая дать как можно больше доказательствъ благихъ намѣреній, Брюховецкій выражает пожеланіе жениться на дѣвушкѣ из почтеннаго русскаго семейства. За него сватают княжну Долгорукую и самому ему жалуют боярское званіе.

Враги Брюховецкаго, значные казаки, находившіеся в лагерь П. Тетери и П. Дорошенко, объявили его измѣнником и предателем казачества, но, совершенно очевидно, поведеніе Брюховецкаго объясняется желаніемъ быть популярнымъ в народѣ. От гетмана избраннаго «чернью» народъ ждал политики согласной с его чаяніями. Извѣстно, что когда воеводы стали прибывать в малороссійскіе города, жители говорили казацкимъ старшинамъ в лицо: «Вот наконецъ Богъ избавляетъ нас; впредь грабятъ нас и домов нашихъ разорять не будете»⁶⁴.

Тѣмъ не менѣе, по прошествіи извѣстнаго времени, «боярин-гетманъ», по примѣру Выговскаго и Хмельницкаго, измѣнилъ Москвѣ. Причины были тѣ же самыя. Почувствовав себя прочно, завязавъ крѣпкія связи в Москвѣ, завѣривъ ее в своей преданности и в то же время снискавъ расположеніе простаго украинскаго народа, гетманъ вступилъ на путь своихъ предшественниковъ — на путь беззащитнаго обогащенія и обиранія населенія.

Окружавшая его старшина, вышедшая из «черни», очень

скоро забыла о своем происхождении и начала притѣснять вчерашнюю братію с таким усердіем, что превзошла прежнюю «значную» старшину. Результат не замедлил сказаться. Прелесть добычи породила ревность и боязнь лишиться хотя бы части ея. В московской администраціи, которую сами же пригласили, стали усматривать соперницу. И это несмотря на то, что воеводы лично никаких податей не собирали, собирали попрежнему «полковники с бурмистрами и войтами по их обычаям». Собранныя суммы передавались воеводам. Мѣстная казачья администрація не упразднялась и не подмѣнялась москалями. Тѣм не менѣе, не успѣли воеводы с ратными людьми прибыть в города, а им уже стали говорить: «Вот казаки заведут гиль и вас всѣх отсюда погоняют». Русских стали называть злодѣями и жидами. Особенно заволновалось Запорожье. Запорожцы, в отличіе от реестровой старшины, боялись воевод не по фискальным, а по военным соображеніям. Они заботились, чтобы не было пресѣчено их привольное разбойничье житье в Сѣчи. Малѣйшій намек на покушеніе, в этом смыслѣ, вызывал у них реакцію. Когда Москва, по совѣту Брюховецкаго, рѣшила послать свой гарнизон в крѣпость Кодак, расположенную близко к Сѣчи и служившую как бы ключем к Запорожью, это послужило причиной антимосковских выпадов сѣчевиков. В маѣ 1667 г. ими было звѣрски перебито московское посольство во главѣ со стольником Лодыженским, ѣхавшее по Днѣпру в Крым. Кромѣ того, они стали сноситься с правобережным гетманом Дорошенко, с Крымом, с поляками, со всѣми врагами Москвы. К казачьему недовольству присоединилось открытое раздраженіе высшаго духовенства, перепуганнаго просьбой Брюховецкаго о поставленіи в Кіев митрополита московской юрисдикціи. Сам царь отклонил это ходатайство, заявив, что без согласія константинопольскаго патріарха не может этого сдѣлать, но малороссійское духовенство насторожилось и повело интригу для отпаденія Украйны. Совокупность этих причин, к которым примѣшалось множество личных дѣл и обстоятельств, вродѣ того, что Дорошенко поманил Брюховецкаго перспективой распространенія его власти на оба берега, обѣщав посту-

питься ему своей булавой, при условіи измѣны Москвѣ, — привели к тому, что Брюховецкій в концѣ 1667 г. собрал раду из полковников и старшины, гдѣ выработан был план изгнанія московских войск и воевод из Малоросіи. Сначала запретили платить подати царю. Крестьяне, чуя недоброе, неохотно повиновались, а кое гдѣ и совѣмъ противились приказам старшины, как это имѣло мѣсто в Батуринском и Батманском уѣздах. За это их мучили и грабили до того, что им нечѣм стало платить. Сборщиков податей жестоко преслѣдовали, особенно мѣщан-откупщиков; им рѣзали бороды и грозили: будьте с нами, а не будете, то вам, воеводѣ и русским людей жить всего до маіеницы»⁵⁵.

В Москвѣ, узнав о начавшейся шатости, рѣшили сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы удержать старшину от измѣны — послали 6 февраля 1668 г. увѣщательную грамоту гетману: «А если малодушные волнуются за то, что нашим воеводам хлѣбных и денежных сборов не вѣдать, хотя взять эти сборы на себя, то пусть будет явное челобитье от всѣх малороссійских жителей к нам, мы его примем милостиво и разсудим, как народу легче и Богу угодно»⁵⁶. Но быть может, именно эта грамота и ускорила взрыв. Из нея видно, что царь не прочь был пересмотрѣть вопрос о воеводских функціях, при условіи челобитья от всѣх малороссіян. Ему хотѣлось слышать голос всей земли, а не одной старшины, не одного казачества. Этого старшина больше всего и боялась.

Разрыв с Москвой произошел 8 февраля. Воевода и начальники московскаго войска в Гадячѣ, явившись в этот день к гетману, чтобы ударить челом, — не были приняты. Потом гетман призвал нѣмца — полковника Ягана Гульца, командовавшаго московским отрядом, и потребовал, чтобы тот немедленно уходил из города. Гулец взял с него клятву, что при выходѣ ничего худого ему сдѣлано не будет. Воеводѣ Огареву с криком и бранью сказали: «Если вы из города не пойдете, то казаки вас побьют всѣх». Московских людей в Гадячѣ стояло всего 200 человек, крѣпости в городѣ не было, воеводѣ ничего не оставалось, как отдать приказ о выступленіи. Но когда подош-

ли к воротам, они оказались запертыми. Гульца с начальными людьми выпустили, но стрѣльцов, солдат и воеводу остановили. На них бросились казаки. Только немногим удалось вырваться из города, но и их настигли и убили. Догнали и убили нѣмца Гульца с товарищами. Огарев, раненый в голову, был взят мѣстным протопопом и положен у себя, а жену его с позором водили по городу учинив величайшее звѣрство. Ей отрѣзали грудь. Послѣ этого гетман разослал листы во всѣ концы с призывом очищать остальные города от московских ратных людей.

Через четыре мѣсяца, 7 июня 1668 г., Брюховецкій был убит казаками. Он весьма просчитался в своих сношеніях с Дорошенко; тот не только не был намѣрен отдавать ему булаву, но потребовал, чтобы Брюховецкій сложил свою. Выяснилось, также, что приближенные Брюховецкаго не любят его и ждут случая перейти на сторону Дорошенко. В таком положеніи, гетман рѣшил поддаться турецкому султану и отправил послов в Константинополь. Но дни его были сочтены. Под Диканькой он узнал о приближеніи Дорошенко и когда тот явился, свои же собственные казаки, совмѣстно с дорошенковцами, убили «боярина-гетмана».

В результатѣ его измѣны, турецкій подданный Дорошенко захватил 48 городов и мѣстечек. Москва потеряла, кромѣ фуража и продовольствія, 183 пушки, 254 пищали, 32 тысячи ядер, всякаго имущества на 74 тысячи рублей, да деньгами 141.000 руб.⁵⁷. По тѣм временам, это были крупныя суммы.

Как только Дорошенко ушел на правую сторону Днѣпра, вся лѣвобережная Украина снова стала переходить к Москвѣ.

Здѣсь нельзя не сказать нѣсколько слов о Дорошенкѣ, который по сей день остается одним из кумиров самостійническаго движенія и поминается в качествѣ борца за «незалежность». Этот человекъ причинил украинскому народу едва ли не больше несчастій, чѣм всѣ остальные гетманы вмѣстѣ взятые. Исторія его такова. Послѣ измѣны Выговскаго, только Кіев продолжал оставаться в московских руках, вся остальная правобережная Украина отдана была

полякам. С избранием Юрія Хмельницкаго она на короткое время вернулась к царю с тѣм, чтобы с его измѣной опять попасть в польскія руки. Тетеря, в продолженіи своего короткаго гетманства, удерживал ее в королевском подданствѣ, а когда на смѣну ему, в 1665 году, пришел Петр Дорошенко, тот заложился за турецкаго султана — главу обширной рабовладѣльческой имперіи. У турок существовал взгляд на юго-восток Европы, как на резервуар рабской силы, почерпаемой с помощью крымских, азовских и бѣлгородских (аккерманских) татар. Их набѣги на Русь и Польшу представляли собой экспедици за живым товаром. Десятки и сотни тысяч славян поступали на невольничьи рынки в Константинополь и в Малой Азіи. Но до сих пор этот ясырь добывался путем войн и набѣгов; теперь, с утверженіем на гетманствѣ Дорошенко, татары получили возможность административно хозяйничать в краѣ. Період с 1665 по 1676 г., в продолженіи котораго Дорошенко оставался у власти, был для правобережной Украины временем такого опустошенія, с которым могут сравниться только набѣги Девлет Гирея в серединѣ XVII вѣка. Татары, приходившіе по зову Дорошенка и без онаго, хватали людей направо и налево. Правый берег превратился в сплошной невольничій рынок. Торговля в Чигиринѣ шла чуть не под самыми окнами гетманскаго дома. Жители начали «брести розно», одни бѣжали в Польшу, другіе на лѣвый берег, третьи — куда глаза глядѣли. В 1672 г. Дорошенко привел в Малороссію трехсоттысячное турецкое войско и разрушил Каменец Подольскій, в котором всѣ церкви обращены были в мечети. «Здѣсь всѣ люди видят утѣшеніе от турок, Дорошенко и нас проклинаяют и всякое зло мыслятъ» — писал про правый берег каневскій полковник Лизогуб. Под конец, там начался голод, так как люди годами ничего не сѣяли из-за татарскаго хищничества. По словам гетмана Самойловича, Дорошенко и сам, в концѣ концов, увидѣлъ, что ему «не над кѣм гетманить, потому что от Днѣстра до Днѣпра нигдѣ духа человеческого нѣтъ, развѣ гдѣ стоит крѣпость польская». Лавируя между Польшей, Москвой и Крымом, Дорошенко нажил себѣ множество врагов среди, даже, значнаго

казачества. Против него дѣйствовали не только лѣвобережные гетманы, но поднялись также избранные запорожцами Суховѣй, Ханенко и другіе. Залавировавшись и заинтриговавшись, он кончил тѣм, что сдался на милость гетману Самойловичу, обѣщавшему ему от имени Москвы пріют и безопасность. Переѣхав в Москву, Дорошенко назначен был вятским воеводой, в каковой должности и умер. Сбылось, таким образом, слово, сказанное, как-то раз, Демьяном Многогрѣшным—преемником Брюховецкаго: «А сколько своевольникам ни крутиться, кромѣ великаго государя дѣться им негдѣ». Многогрѣшный, видимо, понимал, что пока вся толща украинскаго народа стихійно тяготѣет к Москвѣ, казачья крамола обречена на неудачу.

**

Знаменитая украинская изслѣдовательница и патриотка А. Я. Ефименко, которую трудно заподозрить в симпатіи к самодержавію, писала: «Как союз Малороссіи с Россіей возник в силу тяготѣнія к нему массы, так и дальнѣйшая политика русскаго правительства, вплоть до второй половины XVIII столѣтія, имѣла демократическій характер, не допускавшій никакой рѣшительной мѣры направленной в интересах привилегированнаго сословія против непривилегированнаго»⁸⁸.

Кончилось, однако, тѣм, что «привилегированным» удалось восторжествовать и над этой политикой, и над непривилегированным населеніем Украины. Соблюдая всѣ дарованныя ею права и вольности, но постоянно терпя нарушеніе своих собственных прав, Москва вынуждена была, в сущности, капитулировать перед половецкой ордой, зубами и когтями вцѣпившейся в исполанную ей судьбой добычу.

В теченіе полустолѣтія, протекшаго со смерти Богдана Хмельницкаго до измѣны Мазепы, Москва была измотана непрерывными гетманскими интригами, «замятнями», переходами на польскую сторону. Не успѣвала вводить воевод, как через нѣкоторое время приходилось выводить их снова. В этом и заключался метод казачьей борьбы

против царской администраціи. Существенной его частью была антимосковская агитація, жалобы на воеводскія притѣсненія и неустанныя требованія полнаго упраздненія воевод. Бывали случаи, когда Москва сурово вычитывала казакам их измѣны; особенно сильную рѣчь произнес в 1668 г. на глуховской радѣ кн. Г. Г. Ромодановскій. В отвѣтъ на просьбу старшины о выводѣ государевых ратных людей из малороссійских городов, он прямо спросил: «Какую вы дадите поруку, что впредь измѣны никакой не будет?» Гетман и старшина на это промолчали. «И прежде были договоры, — сказал Ромодановскій, — перед святым Евангеліем душами своими их крѣпили и чтож? Соблюди их Ивашка Выговскій, Юраська Хмельницкій, Ивашка Брюховецкій? Видя с вашей стороны такія измѣны, чему вѣрить? Вы беретесь всѣ города оборонять своими людьми, но это дѣло несбыточное. Сперва отберите от Дорошенки Полтаву, Миргород и другіе; а если бы в остальных городах царских людей не было, то и они были бы за Дорошенком»⁵⁹.

Несмотря на столь категорическія заявленія, Москва не выдержала безконечной гетманской крамолы и сдалась. Как только удалось заключить болѣе или менѣе прочный мир с поляками и объединить всю оставшуюся Украину под одним гетманом Самойловичем — она свела свою администрацію на нѣтъ и фактически отдала край в гетманское, старшинское управленіе.

До учрежденія «Малороссійской коллегіи» в 1722 г., правительство довольствовалось номинальным пребываніем Малороссіи в составѣ Россійскаго Государства. Оно содержало в нѣкоторых городах воинскіе гарнизоны, но от управленія краем, фактически, устранилось. Всѣ доходы с городов и сел Малороссіи остались в гетманской казнѣ. Пропагандныя измышленія самостійников о грабежѣ Украины царским правительством разсчитаны на невѣжественных людей и не выдерживают соприкосновенія с серьезным изслѣдованіем этого вопроса. Даже за короткое пребываніе воевод в нѣкоторых украинских городах, правительство не поживилось ни одним рублем из мѣстных сборов — все шло на военныя нужды Малороссіи. Прихо-

дилось нерѣдко посылать туда кое что из московских сумм, потому что казачье начальство совершенно не заботилось о состояніи крѣпостей.

Старшина дошла до того, что и этими присылками воспользовалась, как прецедентом, чтобы выпрашивать у царя денежные подачки. Когда Мазепа своим хищничеством довел край до финансоваго истощенія, генеральная канцелярія обратилась в Москву за деньгами на жалованье охотническому войску. Там были немало удивлены и отвѣтили, что если раньше и были дотаціи, то объяснялось это военным временем, а теперь никакой войны нѣтъ. Москва напоминала, что «всякіе доходы в Малороссіи за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно». Петр Великій, позднѣе, говорил: «Можем непостыдно рѣши, что некоторый народ под солдцем такими свободами и привилегіями и легкостью похвалиться не может, как по нашей царскаго величества милости, малороссійскій, ибо ни единого пенязя в казну нашу во всем малороссійском краю с них брать мы не повелѣваем». Это была правда.

Полвѣка спустя, в 1764 г., было разработано секретное наставленіе Н. А. Румянцеву, при назначеніи его малороссійским генерал-губернатором, гдѣ между прочим говорилось: «От сей толь обширной, многолюдной и многими полезными произращеніями преизобильной провинціи, в казну государственную (чему едва кто повѣрить может) доходов никаких нѣтъ. Сіе однакож так подлинно, что напротив того еще отсюда отпускается туда по сороку по восьми тысяч рублей»⁶⁰.

М. С. Грушевскій, возмущавшійся тѣм, что Москва в Переяславль не удовлетворила, якобы, казачью просьбу о том, «чтобы всѣ доходы с Украины поступали в мѣстную казну и выдавались на мѣстныя нужды», — мог бы совершенно успокоиться при видѣ практики фактически установившейся в Малороссіи. Из страны, дѣйствительно, не уходило «ни единого пенязя» все оставалось в руках мѣстных властей. Другой вопрос, дѣйствительно ли собиравшіяся деньги «выдавались на мѣстныя нужды?» Если бы выдавались, не было бы такого вопіющаго неустройства

во всѣхъ дѣлахъ, не было бы народнаго ропота и недовольства, и не было бы волшебнаго превращенія, за ничтожно-короткій срокъ, запорожскихъ голодранцевъ въ обладателей огромныхъ состояній. Уже въ XVIII вѣкѣ малороссійскіе помещики оказываются гораздо богаче великороссійскихъ, какъ землями, такъ и деньгами. Когда у Пушкина читаемъ: «Богатъ и славенъ Кочубей, его поля необозримы» — это не поэтический вымыселъ. Петръ Великій грубоко ошибался полагая, будто «свободами», «привилегіями» и «легкостью» пользуется весь малороссійскій народъ. Народъ чувствовалъ себя не лучше, чѣмъ при полякахъ, тогда какъ «свободы» и «легкости» выпали на долю одному значному казачеству, налегшему тяжелымъ прессомъ на все остальное населеніе и обдиравшему и грабившему его такъ, какъ не грабила ни одна иноземная власть. Только абсолютно бездарные, ни на что не способные урядники не скопили себѣ богатствъ. Всѣ остальные быстро пошли въ гору. Мечтая издавна о шляхетствѣ и стараясь всячески походить на него, казаки лишены были характерной шляхетской брезгливости къ ростовщичеству, къ торговлѣ, ко всѣмъ видамъ мелкой наживы. Особенно крупный доход приносили мельницы и винокурни. Всѣ онѣ оказываются въ рукахъ старшины. Но главнымъ источникомъ обогащенія служилъ, конечно, урядъ. Злоупотребленіе властью, взяточничество, вымогательство и казнокрадство лежатъ въ основѣ образованія всѣхъ крупныхъ частныхъ богатствъ на Украинѣ.

Величайшими стяжателями были гетманы. Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ писалъ про гетмана Брюховецкаго, что тотъ «безмѣрно побралъ на себя во всей сѣверской странѣ дани великія медовыя, изъ виннаго котла у мужиковъ по рублю, а съ казака по полтинѣ, и съ священниковъ (чего и при польской власти не бывало) съ котла по полтинѣ; съ казаковъ и съ мужиковъ поровну отъ сохи по двѣ гривны съ лошади, и съ вола по двѣ же гривны, съ мельницы по пяти и по шести рублей же бралъ, а кромѣ того отъ колеса по червоному золотому, а на ярмаркахъ, чего никогда не бывало, съ малороссійянъ и съ великороссійянъ бралъ съ воза по десять алтынъ и по двѣ гривны; если не вѣрите, велите допросить путивльцевъ, сѣвчанъ и рылян...»⁶¹. Сохранилось

много жалоб на хищничество гетмана Самойловича. Но всѣх превзошел Мазепа. Он еще за время своей службы при Дорошенко и Самойловичѣ скопил столько, что смог, согласно молвѣ, проложить золотом путь к булаваѣ. А за то время, что владѣл этой булавою, — собрал несмѣтныя богатства. Часть из них хранилась в Кіево-Печерском монастырѣ, другая в Бѣлой Церкви и послѣ бѣгства Мазепы в Турцію досталась царю. Но Петру сообщили, что это далеко не все — много было зарыто и запрятано. С собой Мазепа успѣл захватить такія богатства, что имѣл возможность в изгнаніи дать взаймы 240.000 талеров Карлу XII, а послѣ смерти гетмана при нем найдено было 100.000 червонцев, не считая серебряной утвари и всяких драгоценностей. Петру, как извѣстно, очень хотѣлось добиться выдачи Мазепы, для каковой цѣли он готов был пожертвовать крупными суммами на подкуп турецких властей. Но гетман оказался богаче и перекупил турок на свою сторону⁶².

Сам собой возникает вопрос, почему царское правительство допустило такое закабаленіе Малороссіи кучкой «своевольников», почему не вмѣшалось и не пресѣкло хозяйничанья самочинно установившагося, никѣм не уполномоченнаго, никѣм не избраннаго казачьяго уряда? Отвѣтъ прост: в правленіе Алексѣя Михайловича, Московское царство, не успѣвшее еще оправиться от послѣдствій Смуты, было очень слабо в военном и экономическом отношеніи. Потому и не хотѣло принимать, долгое время, в свой состав Малой Россіи. Приняв ее, обрекло себя на изнурительную тринадцатилѣтнюю войну с Польшей. Оно само постоянно содрогалось от внутренних бунтов и потрясеній. С восьмидесятих годов начались дворцовые перевороты, правленіе малолѣтних царей и временщиков. До самаго ХУШ вѣка оно пребывает в состояніи слабости. А там начинается Великая Сѣверная война, поглотившая на цѣлую четверть столѣтія его вниманіе и энергію.

Удерживать при таких обстоятельствах обширный, многолюдный край с помощью простой военной силы не было никакой возможности. Только с ее же собственной по-

мощью можно было удержать Малороссію — завоевать ея симпатіи или, по крайней мѣрѣ, лойяльность.

Казачье буйство, само по себѣ, ничего страшнаго не представляло, с ним легко было справиться; опасным дѣлала его близость Польши и Крыма. Каждый раз, когда казаки приводили татар или поляков, москвичи терпѣли неудачу. Так было под Конотопом, так было под Чудновым. Казаки знали, что они страшны возможностью своего сотрудничества с внѣшними врагами, и играли на этом.

Надо было уступать их прихотям, не раздражать без особой нужды, смотрѣть сквозь пальцы на многіе проступки и строго слѣдить за соблюденіем дарованных им прав. Всѣ первыя пятьдесят лѣтъ послѣ присоединенія Малороссіи представляются старательным прирученіем степного звѣря. Многіе государственные люди в Москвѣ теряли терпѣніе в этой игрѣ и приходили к мысли отказаться от Украины. Таков был знаменитый А. Л. Ордин-Нащокин, вершитель внѣшней политики при Алексѣѣ Михайловичѣ. Своими непрестанными измѣнами и путчами казаки до того ему опротивѣли, что он открыто высказывался за лишеніе Украины русскаго подданства. Только глубокая религіозность царя Алексѣя Михайловича, приходившаго в ужас при мысли об отдачѣ православнаго народа католикам или магометанам, не позволяла распространенія подобных тенденцій при дворѣ.

НАЧАЛО «ИДЕОЛОГИИ»

Рѣшающія перемѣны в судьбах народов, вродѣ тѣх, что пережила Малороссія в серединѣ ХУП века, проходят, обычно, под знаком каких нибудь популярных лозунгов, чаще всего религіозных или національных. С 1648 по 1654 г., когда шла борьба с Польшей, простой народ знал, за что он борется, но у него не было своего Томаса Мюнцера, способнаго сформулировать идею и программу движенія. Тѣ же, которые руководили возстаніем, преслѣдовали не народныя, а свои узко-кастовыя цѣли. Они беззапѣчливо предавали народныя и національныя интересы, а к религіозным были достаточно равнодушны. Ни ярких рѣчей или проповѣдей, ни литературных произведеній, никаких вообще значительных документов отражающих дух и умонастроенія той эпохи, Хмельничина не оставила. Зато много устных и письменных «отложеній» оставила по себѣ вторая половина ХУП вѣка, отмѣченная знаком господства казачества в краѣ. В эту эпоху выработалось все то, что потом стало навязываться малороссійскому народу, как форма національнаго сознанія. Идеологіей это назвать трудно по причинѣ полнаго отсутствія всего, что подходило бы под такое понятіе; скорѣй, это была «психологія» — комплекс настроеній созданный пропагандой. Складывался он постепенно, в практикѣ борьбы за власть и за богатства страны. Практика была низменная, требовавшая сокрытія истинных цѣлей и вождельній; надо было маскировать их и добиваться своего под другими, ложными

предлогами, мутить воду, распускать слухи. Клевета, измышления, поддѣлки — вот арсенал средств пущенных в ход казачьей старшиной.

В психологическом климатѣ, созданном таким путем, первое мѣсто занимала ненависть к государству и к народу, с которыми Южная Русь соединилась добровольно и «с радостью», но которые стояли на пути осуществленія хищных замыслов казачества.

Семидесятилѣтіе, протекшее от Хмельницкаго до Полуботка, может считаться настоящей лабораторіей анти-московской пропаганды. Началась она при жизни Богдана и едва ли не сам он положил ей начало.

Первым поводом послужил инцидент 1656 года, разыгравшійся в Вильнѣ, во время мирной конференціи с поляками. Хмельницкій послал туда своих представителей, давши повод думать, что рассматривает себя не царским подданным, а главой независимаго государства. Весьма возможно, что то была не простая безтактность, а провокаціонный шаг, предпринятый с цѣлью прослѣдить реакцію, которая послѣдует с разных сторон и прежде всего со стороны Москвы. На царских дипломатов он произвел тягостное впечатлѣніе. Они вынуждены были напомнить казакам об их присягѣ, и о неумѣстности их поступка. Тѣ уѣхали, но пустили по Украинѣ слух, будто московскій царь снова хочет отдать ее ляхам за согласіе, послѣ смерти Яна Казимира, избрать его на польскій престол. Особенно усердно прибѣгали к этому приему послѣ Андрусовскаго перемирія 1667 г., по которому русскіе вынуждены были уступить полякам всю правую сторону Днѣпра, за исключеніем Кіева. Но и Кіеву, по истеченіи двух лѣтъ, надлежало отойти к той же Польшѣ. Всѣм воочію было видно, что русскіе это дѣлают по горькой необходимости, в силу несчастнаго оборота войны, принудившаго их помириться на формулѣ: «кто чѣм владѣет». Извѣстно было, что и исход войны опредѣлился, в значительной мѣрѣ, измѣнами Выговскаго, Ю. Хмельницкаго, Тетери и Дорошенка. «Вѣдомо вам самим, — говорил в 1668 г. кн. Ромодановскій на Глуховской радѣ — что той стороны Днѣпра казаки и всякіе жители от царскаго величества отлучились и поль-

скому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовских договоров, а не царское величество их отдал; по тому их отлученю и в Андрусовъ договор учинен». Гетман Демьян Многогрѣшный перед всей радой должен был признать правильность этих слов. «Нам вѣдомо подлинно, — заявил он, — что тамошніе казаки поддались польскому королю сами; от царскаго величества отдачи им не бывало»⁶³. Тѣм не менѣе, по всей странѣ разнесена была клеветническая молва.

Другим излюбленным мотивом антирусской пропаганды служили пресловутые воеводы, их мнимыя звѣрства и притѣсненія. Легенда о притѣсненіях складывалась не из одних слухов и нашептываній, но имѣла и другой источник — гетманскіе универсалы. Рѣдкій гетман не измѣнял царю и каждый вынужден был оправдывать свою измѣну перед народом и казаками.

Выговскій, задумав отпаденіе от Москвы, тайно поручил миргородскому полковнику Лѣсницкому послать в Константинов воззваніе и созвав у себя раду из сотников и атаманов, обратиться к ней с рѣчью: «Присылает царь московскій к нам воеводу Трубецкого, чтоб войска запорожскаго было только 10.000, да и тѣ должны жить в Запорожьѣ. Пишет царь крымскій очень ласково к нам, чтоб ему поддались; лучше поддаться крымскому царю: Московскій царь всѣх вас драгунами и невольниками вѣчными сдѣлает, жен и дѣтей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь крымскій в атласѣ, аксамитѣ и сапогах турецких водить будет»⁶⁴.

Измѣна Ю. Хмельницкаго сопровождалась выступленіем П. Тетери перед народом. Казачій златоуст поразсказал таких страхов о замыслах Москвы против Украины, которые он якобы разузнал во время своего посольства, что казаки пришли в неопиcуемый ужас.

Но самые яркіе универсалы вышли из под пера Брюховецкаго: «Послы московскіе с польскими комиссарами присягою утвердились с обѣих сторон: разорять Украину отчизну нашу милую, истребив в ней всѣх жителей больших и малых. Для этого Москва дала ляхам на наем чужеземнаго войска четырнадцать милліонов денег. О таком

злом намѣреніи непріятельском и лянком узнали мы через Духа Святаго. Спасаясь от погибели, мы возобновили союз с своею братьею. Мы не хотѣли выгонять саблюю Москову из городов украинских, хотѣли в цѣлости проводить до рубежа, но москали сами закрытую в себѣ злобу объявили, не пошли мирно дозволенною им дорогою, но почали было войну. Тогда народ встал и сдѣлал над ними то, что они готовили нам; мало их ушло живых».

На Дон отправлено было болѣе красочное посланіе. В нем москали обвинялись в том, что «постановили православных христіан на Украинѣ живущих всякаго возраста и малых отрочат, мечем выгубить, слобожан захватив, как скот в Сибирь загнать, славное Запорожье и Дон разорить и в конце истребить, чтобы на тѣх мѣстах, гдѣ православные христіане от кровавых трудов питаются, стали дикія поля, звѣрям обиталище, да чтобы здѣсь можно было селить иноземцев из оскудѣлой Польши». Для большей убѣдительности, Брюховецкій приводит и конкретные примѣры московской жестокости: «В недавнее время, под Кіевом, в городах: Броворах, Гоголевѣ и других, всѣх жителей вырубил не пощадив и малых дѣток». В заключеніе, донцов призывают подняться против Москвы: «Будьте в братском единеніи с господином Стенькою, как мы находимся в неразрывном союзѣ с заднѣпровскою братьею нашею»⁶⁵.

Неразборчивостью лжи поражают всѣ гетманскіе универсалы такого рода. Вот что писал Мазепа в объясненіе причин побудивших его перейти к Карлу XII: «Московская потенція уже давно имѣет всезлобныя намѣренія против нас, а в послѣднее время начала отбирать в свою область малороссійскіе города, выгонять из них ограбленных и доведенных до нищеты жителей и заселять своими войсками. Я имѣл от пріятелей тайное предостереженіе, да и сам вижу ясно, что враг хочет нас, гетмана, всю старшину, полковников и все войсковое начальство прибрать к рукам в свою тиранскую неволю, искоренить имя запорожское и обратить всѣх в драгуны и солдаты, а весь малороссійскій народ подвергнуть вѣчному рабству». По словам Мазепы, трусливые москали, всегда удиравшіе от непобѣдимаго шведскаго войска, явились теперь в Малороссію не для

борьбы с Карлом, «не ради того, чтобы нас защищать от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас»⁶⁶. Чем меньше благовидны и меньше народны были мотивы измѣны, тѣм большим количеством «тиранств» московских надо было ее оправдать. Измѣна Мазепы породила наибольшее количество агитационнаго матеріала и антимосковских легенд. Особенно старались мазепинцы-эмигранты, вродѣ Орлика, войскового писаря — самаго довѣреннаго челоуѣка Мазепы. Читая его письма, прокламаціи, меморандумы, можно подумать, что москали, в царствованіе Петра, учредили какое-то египетское рабство на Украинѣ, — били казаков палками по головѣ, обрубали шпагами уши, жен их и дочерей непремѣнно насилывали, скот, лошадей, имущество забирали, даже старшину били «смертным боем».

Мятежных гетманов поддерживала высшая церковная іерархія на Украинѣ. Несмотря на жестокое польское гоненіе, малороссійскій епископат проникнут был польскими: феодальными замашками и традиціями. Свою роль в православной Церкви он привык мыслить на католическій образец. «Князь Церкви» — таков был идеал украинскаго архіерея. Именно на почвѣ ущемленія этого «княжества» со стороны братств, многіе вродѣ Кирилла Терлецкаго, Ипатія Потѣя, Михаила Рагозы, ударились в Унію. Оставшимся вѣрными православію, хоть и пришлось пережить эпоху преслѣдованій, но как только поляки, проученные Хмельничиною, заговорили ласковым голосом, пообѣщав распространить на них права и привилегіи католических бискупов, верхушка украинской Церкви колебнулась в их сторону. Пугал ее переход в московскую юрисдикцію. Числясь в вѣдѣніи Константинополя, она фактически оставалась независимой. Подчиненность тамошнему патріарху была номинальная и ничѣм ее не стѣсняла, особенно в экономической области. Грек Паисій Лигарид указывал, что суммы на Церковь собираются большія, а Св. Софія и прочіе соборы приходят в ветхость, попы и меньшая цер-

ковная братія живут бѣдно, куда идут леньги — неизвѣстно.

Боязнь контроля и ограниченія сдѣлала малороссійских архіереев противниками царскаго подданства. Они уклонились от присяги послѣ Переяславской Рады. Когда в Киев явился воевода кн. Куракин, митрополит Сильвестр Коссов мѣшал ему строить там крѣпость, пуская в ход угрозы и проклятія. Діонисій Балабан, ставшій митрополитом послѣ Сильвестра, был неприкрытым сторонником польской оріентаціи и состоял в сговорѣ с Выговским. Таким же полонофилом, связанным с интригами гетмана Дорошенко, был епископ Юсиф Тукальскій, а другой епископ, Мефодій Филимонов, произносил открыто в Киевѣ проповѣди против Москвы.

Но все это не шло в сравненіе с активностью львовскаго епископа Юсифа Шумлянскаго — униата, тайнаго католика. В случаѣ отторженія Украины от Москвы, поляки мѣтили сдѣлать его митрополитом Киевским. Шумлянскій создал цѣлый агитаціонный аппарат и когда, при царевнѣ Софьѣ, в Кремлѣ начались смуты, он при поддержкѣ поляков отправил на Украину армію монахов, снабженных письменной инструкціей, дававшей указанія, как сѣять порочашіе Москву слухи. Инструкція предписывала запугивать казаков готовящимся искорененіем их со стороны Москвы и обнадеживать королевской милостью. Духовенство приказано было манить обѣщаніем полной церковной автономіи. Туча прокламацій занесена была на Украину.

Заслуживает вниманія одна нота, звучащая в «преlestных листах» и в рѣчах: обвиненіе москвичей в отступленіи от православнаго благочестія. Сначала это выражалось в сдержанной формѣ, Москвѣ приписывалось намѣреніе измѣнить малороссійскіе религиозные обряды, ввести погруженіе младенцев в воду при крещеніи, вмѣсто обливанія. Не успѣли это высказать, как пошел слух, будто украинскіе попы, непривычныя к такому способу крещенія, потопили множество младенцев. Во время конфликта царя с патриархом Никоном, гетман Брюховецкій писал в своем универсалѣ: «Святѣйшій отец наставлял их (москвичей), чтобы не присовокуплялись к латинской ереси, но

теперь они приняли Ёнію и ересь латинскую; ксендзам служить в церквах позволили. Москва уже не русским, но латинским письмом писать начала»⁶⁷. Легенда об отступничествѣ получила столь широкое распространеніе, что ее счел нужным повторить, в своих воззваніях к малороссійскому народу, Карл XII. Он тоже увѣрял, будто Петр давно задумал искоренить в своем государствѣ греческую вѣру, по каковому случаю вел переговоры с Папой Римским. Инспирированы были эти курьезные манифесты Мазепой, открывшим Карлу главную причину единенія малоруссов с великоруссами — православную вѣру. Идея представлять москалей неправославными принадлежит не Мазепѣ и не казакам; она родилась в Польшѣ. На Гадячской радѣ 6 сентября 1658 г., польскій посол Беневскій говорил казакам: «Что приманило народ русскій под ярмо московское? Вѣра? Неправда: у вас вѣра греческая, а у москалѣ вѣра московская! Правду сказать, москали так вѣрят, как царь им прикажет. Четырех патріархов святые отцы установили, а царь сдѣлал пятого и сам над ним старшинствует; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать, то сдѣлал царь!»⁶⁸.

Нам уже приходилось говорить, что Польша издавна была фабрикой памфлетов, книг, рѣчей, направленных против Россіи.

В XVI столѣтїи это были богословско-полемицескія сочиненія, по преимуществу. Послѣ Ливонской войны и Смуты к ним начали примѣшиваться политическіе памфлеты, полные хвастовства о том, как «мы их часто одолѣвали, побивали и лучшую часть их земли покорили своей власти». Литература эта вызвала в XVII вѣкѣ дипломатическіе конфликты и требованія со стороны Москвы уничтоженія «безчестных» книг и наказанія их авторов и издателей.

Но с особенной энергіей заработала польская агитація послѣ присоединенія Малороссіи к Московскому Государству. Боярин А. С. Матвѣев, управлявшій одно время Малороссійским Приказом, писал впослѣдствїи, как он затребовал к себѣ в Москву образцы этой агитаціи. «И из черкасских городов привезли многіе прописные листы, которые объявились противны Андрусовским договорам и

московскому постановленію и книгу Пашквиль, рѣченіем славенским: подсмѣяніе или укоризна, печатную, которая печатана в Польшѣ. В этой книгѣ положен совѣтъ лукавствія их: время доходит поступать с Москвою таким образом, и время ковать цѣпь и Троянскаго коня, а прочее явственнѣе в той книгѣ»⁶⁹.

Весь фонд анекдотов, сарказмов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостійничество пользуется по сей день, — создан поляками. Знаменитая «Исторія Русов» представляет богатѣйшее собраніе этого агитационнаго матеріала, наводнившаго Украину послѣ ея присоединенія к Россіи. Часто, рѣчи, вложенныя авторами этого произведенія в уста казачьим дѣятелям и татарам, не требуют даже анализа для выявленія своего польскаго происхожденія. Такова, напримѣр, рѣчь крымскаго хана о Россіи: «В ней всѣ чины и народ почти безграмотны и множеством разновѣрств и странных мольбищ сходятся с язычеством, а свирѣпостью превосходят диких... между собою они безпрестанно дерутся и тиранствуют, находя в книгах своих и крестах что-то неладное и не по нраву каждаго». Казачьему предводителю Богуну приписаны тоже слова, выражающія распространенный польскій взгляд на Россію: «В народѣ московском владычествует самое неключимое рабство и невольничество в высочайшей степени, и что у них кромѣ Божьяго да царскаго, ничего собственнаго нѣтъ и быть не может и человѣки, по их мыслям, произведены в свѣтъ будто для того, чтобы в нем не имѣть ничего, а только рабствовать. Самые вельможи и бояре московскіе титулуются обыкновенно рабами царскими и в просьбах своих всегда пишут они, что бьют ему челом; касательно же посполитова народа, то всѣ они почитаются крѣпостными»⁷⁰.

Когда Выговскій измѣнил царю и собрал раду в Гадячѣ, туда пріѣхал польскій посланный Беневскій. Рѣчь его к казакам — великолѣпный образец краснорѣчія рассчитаннаго на слушателей знающих, что каждое слово оратора — ложь, но принимающих ее, как откровеніе.

«Всѣ доходы с Украины царь берет на себя, установили новыя пошлыны, учредили кабаки, бѣдному казаку нель-

зя уже водки, меда или пива выпить, а про вино уже и не вспоминают. Но до чего, паны-молодцы, дошла московская жадность? Велят вам носить московскіе зипуны и обуваться в московскіе лапти! Вот неслыханное тиранство!.. Прежде вы сами старшин себѣ выбирали, а теперь москаль дает вам кого хочет; а кто вам угоден, а ему не нравится, того прикажет извести. И теперь вы уже живете у них в презрѣніи; они вас чуть за людей считают, готовы у вас языки отрѣзать, чтоб вы не говорили и глаза вам выколоть, чтоб не смотрѣли... да и держат вас здѣсь только до тѣх пор, пока на́с поляков вашею же кровью завоюют, а послѣ переселят вас за Бѣлоозеро, а Украину заселят своими московскими холопами» ⁷¹.

Казакам, конечно, лучше было знать, приказано ли им носить зипуны и обуваться в лапти, но какой-то «идейный базис» надо было подвести под измѣну. Потому, когда их спросили: «А що! Чи сподибалась вам, панове-молодцы, рацея его милости пана комиссара?» — послѣдовал восторженный крик: «Горазд говорить!».

Пасквилями, навѣтами, подметными письмами, слухами полна вся вторая половина ХУІІ вѣка. Поколѣнія выросли в атмосферѣ вражды и кошмарных рассказов о московских ужасах.

Зная по опыту могущество пропаганды, мы только чуду можем приписать, что малороссійскій народ в массѣ своей не сдѣлался руссофобом.

Сочиненіе антирусских памфлетов продолжалось до самаго упраздненія гетманства в 1780 г. Теперь достаточно хорошо выяснено, что разсадником этого творчества на Украинѣ была войсковая канцелярія — бюрократическій центр казачьяго уряда. Чинов этого учрежденія помянул в ХХ вѣкѣ Грушевскій, как беззавѣтных патріотов, трудившихся «в честь, славу и в защиту всей Малороссіи».

Установлено, что стараніями этих «патріотов» размножались и долгое время ходили по рукам фальшивыя рѣчи Мазепы к казакам в 1708 году и столь же фальшивая рѣчь Полуботка. Кромѣ школы войсковых канцеляристов существовал новгород-сѣверскій кружок, возглавлявшійся сначала Г. А. Полетикой, а послѣ его смерти О. Лобысевичем.

Недавно одним самостійническим историком высказано предположеніе, что именно членами этого кружка инспирирована книга Бенуа Шерера "Annales de la Petite Russie ou Histoire des cosaques saporogues", вышедшая в 1788 г. в Парижѣ ⁷². Книга эта, написанная вполнѣ в казацком духѣ, полна извращеній истины. По мнѣнію упомянутого историка, новгород-сѣверцы не только снабдили Шерера матеріалами, но и вполсѣдствіи, через своих заграничных агентов, представляли ему новыя свѣдѣнія «спонукаючи його до новой публикаціи».

Как им, так в особенности чинам войсковоі канцеляріи, принадлежит честь обобщенія и оформленія казачьяго творчества, заложившаго основу современной самостійнической «платформы». Их стараніями стал мѣняться взгляд и на гетманскую власть. До Хмельницкаго гетманы были простыми военными предводителями; недаром слово «гетман» произошло от "Hauptmann". В лучшем случаѣ, это был глава казачьяго сословія. Но послѣ того, как Богдан усвоил тон народнаго вождя, послѣ того, как царь Алексѣй Михайлович предѣльно ослабил свою власть в Малороссіи, к военному характеру гетманских функций стали прибавляться черты гражданскаго правителя. Этого оказалось достаточно, чтобы пылкія головы забыли о подданствѣ и стали смотрѣть на булаву как на скипетр. Слѣдствіем этого явилось нѣкое освященіе личности самих держателей булавы.

Послѣ смерти Богдана мы не видим на его мѣстѣ ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка. Все это простые властолюбцы типа Выговскаго и Самойловича, авантюристы вродѣ Тетери и Дорошенко, алчные печенѣги вродѣ Брюховецкаго или законченные карьеристы и себялюбцы, как Мазепа. Тѣм не менѣе уже в ХУІІ вѣкѣ началась их идеализація. Когда заинтриговавшійся Выговскій, отвергнутый казачеством, брошенный старшиной, был разстрѣлян поляками, — лѣвобережный гетман Брюховецкій оповѣстил народ, что Выговскій пострадал «за правду». Сам Брюховецкій, убитый собственными казаками, удостоился вполсѣдствіи тоже добраго слова. Гетмана Д. Многогрѣшнаго, как извѣстно, схватила и обвинила в из-

мѣнѣ сама генеральная старшина, потребовав от Москвы его наказанія, но когда Москва, плохо вѣрившая в дѣйствительную измѣну гетмана, сослала его в Сибирь в угоду казачеству, та же самая старшина стала распространять слух о невинном заточеніи Многогрѣшнаго. То же было с Самойловичем. Московскіе бояре ни минуты не вѣрили в его виновность и даже жалѣли, но они не могли не считаться с категорическим требованем старшины убрать неудобнаго предводителя. Этот гетман снискал себѣ в народѣ всеобщую ненависть. Тѣм не менѣе и из него сдѣлали страдальца за Украину. Но самаго неожиданнаго ореола удостоился Мазепа. Сомнительный малоросс, человек польскаго склада, задумавшій под конец жизни присоединить Украину снова к Рѣчи Посполитой, на условіях Гадячскаго протокола, крѣпостник и притѣснитель крестьянства, стяжатель, он сам зналъ, что его ненавидят в народѣ и в старшинѣ, и потому шагу не дѣлал без своих сердюков, игравших при нем роль янычаров. Это был самый, может быть, непопулярный из всѣх гетманов. Когда он измѣнил, за ним никто не пошел, за исключеніем двух-тысячной банды запорожцев, да нѣскольких человек генеральной старшины. Тѣм не менѣе ни один гетман не превознесен так в качествѣ національнаго героя, как Мазепа.

Похоже, что «патріоты», трудившіеся «в честь, славу и в защиту всей Малороссіи», поставили задачей создать ей пышную галерею «отцов отечества» и всевозможных героев. В уста им вложено не мало выраженной любви к родинѣ. Но старанія патріотов пропадают при соприкосновеніи с документальным матеріалом и при сколько нибудь критическом подходѣ к лѣтописям, вышедшим из кругов войсковои канцеляріи. На практикѣ мы видим переходы из одного подданства в другое, но ни разу не видим намѣренія создать «незалежную» Украину. Это не значит, что всѣ рѣчи гетманов сочинены позднѣйшими их почитателями. Об Украинѣ-матери, «отчизнѣ», читаем иногда в гетманских универсалах. Но мы уже не заблуждаемся насчет этих патріотических изліяній. Они — простое порожденіе логики казачьяго путчизма. Затѣвая бунты для удержанія узурпированной власти и матеріальных выгод, старшина не

могла приводить этих мотивов в оправдание своего поведения, надо было аргументировать *ad populum* пускаться в декламацию о любви к родине, о благе народа. Вот почему поляк Мазепа, затѣяв свою измену исключительно по личным побуждениям, считал нужным клясться перед распятием, что начинает дело для блага всей Украины.

Чѣм безпутнѣе, чем аморальнѣе гетманы, чѣм больше вреда народу приносили своими похождениями, тѣм с большей слезой в голосѣ произносили слово «отчизна».

Национальная нота казачьей «публицистики» тѣх дней — один из видов демагогии и маскировки. Это почувствовали в XIX вѣкѣ многіе украинофилы. Даже Тарас Шевченко, заунывный пѣвец казаччины, срывался иногда с тона и начинал совсѣм не в лад:

Рабы пидножки, грязь Москвы,
Варшавы смиття ваши паны,
Ясновельможные гетманы.

УСТАНОВЛЕНИЕ КРѢПОСТНОГО ПРАВА В МАЛО-РОССИИ

В антирусской пропагандѣ есть особо-острый пункт, требующій спеціального разсмотрѣнія. До сих пор он остается «дѣйствующим» по причинѣ крайняго невѣжества русскаго общества в украинской исторіи. Рѣчь идет об установленіи крѣпостного права в Малороссіи, которое приписывается москалям. Они, по словам Петрика, «позволили нашему гетману раздавать старшинам маентности, старшины позаписовали себѣ и дѣтем своим в вѣчное владѣніе нашу братью, и только что в плуги их не запрягают, а уж как хотят так и ворочают ими, точно невольниками своими» ⁷⁸.

Сообщеніе это очень авторитетное. Принадлежа к казачьей аристократіи и занимая — до своего бѣгства в Запорожье — видный пост в войсковой канцеляріи, Петрик превосходно знал картину закрѣпощенія простого народа. Конечно, он и сам «запрягал з плуги» крестьянскую братью, ибо трудно повѣрить, чтобы будучи правой рукой генеральнаго писаря Кочубея — тогдашняго друга Мазепы, он остался чистым агнцем, не запятанным всеобщей крѣпостнической практикой. Не соверши он какого-то преступленія по службѣ, послѣ чего вынужден был бѣжать, он безусловно не порицал бы москалей за то, что тѣ «позволили» ему сдѣлаться крупным помѣщиком. Только попав в Сѣчь, в вынужденную оппозицію к гетману, обрушился он на это «позволеніе», забывши, что Москва «поз-

волила» и многое другое — сбор податей, администрирование и полное управление краем. Петрик великолѣпно зналъ это и тѣм не менѣе остался вѣрным казачьей традиціи — переносить отвѣтственность за свои грѣхи на Москву.

Позднѣе, введеніе крѣпостного права в Малороссіи приписано было императрицѣ Екатеринѣ Второй. Кому не извѣстна «Русская Исторія» гр. А. К. Толстого?

Messieurs, — им возразила
Она: — vous me comblez,
И тотчас прикрѣпила
Украинцев к землѣ.

Событіе это связывают с указом 3 мая 1783 г., положившим, по всеобщему мнѣнію, конец свободѣ в малороссійском краѣ.

Унылый томный звук пролью
От струн, рѣкой омытых слезной:
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою.

Так начинается «Ода на рабство» В. В. Капниста, появившаяся вскорѣ послѣ указа 1783 года. По всѣм правилам ложноклассической поэтики, сильно тронутой сентиментализмом, поэт удаляется сначала «на холм древами осѣненный», потом «уклоняется» в густую рощу, гдѣ сѣвши «под мрачным мшистым дубом» предается горестному созерцанію несчастья обрушившагося на Малороссію.

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потоком слез,
Вездѣ, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь.

Из ламентаций его видно, что роковой указ разсматривается, как грань между двумя эпохами малороссійской жизни. Одна — свѣтлая, счастливая, свободная, другая — отиѣченная знаком рабства, слез и стенаній.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады
Хранил от бѣдъ свободы щит,
Там твердо зиждетъ власть ограды
И вольность узами тѣснит.
Гдѣ благо, счастье народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Там рабство ихъ отгонитъ прочь.
Увы! Судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

«Одно» только слово, одинъ законодательный акт. Такъ представляли и представляютъ себѣ введеніе крѣпостнаго права на Украинѣ девяносто девять процентовъ образованныхъ людей въ Россіи. Для полуобразованныхъ и совсѣмъ не-образованныхъ пущена съ давнихъ поръ еще болѣе грубая версія, согласно которой украинскій народъ, освободившись отъ польскихъ помѣщиковъ, попалъ въ другое рабство, къ помѣщикамъ русскимъ, которымъ царица раздала земли и крестьянъ въ Малороссіи.

Катерина врага баба,
Що ты натворила!
Степъ широкій, край богатый
Панамъ роздарила.

Вирши эти приобрѣли всероссійскую извѣстность, цитировались въ тысячахъ рѣчей и журнальных статей, раздавались съ трибуны Государственной Думы, даже здѣсь, въ эмиграціи, приведены А. В. Карташевымъ: въ «Очеркахъ по исторіи русской Церкви», вышедшихъ въ 1959 году въ Парижѣ⁷⁴. Въ полномъ согласіи съ либеральной версіей, онъ упрекаетъ Екатерину за «введеніе въ обширныхъ предѣлахъ Украинъ небывшаго тамъ крѣпостнаго права».

Въ Совѣтскомъ Союзѣ такихъ образцовъ — не меньше. Раскрывъ «Исторію русской литературы XVIII вѣка» проф. Д. Д. Благого⁷⁵, можно прочесть объ указѣ 1783 г., какъ о «закрѣпощеніи крестьянъ до того бывшихъ лично свободными».

Что послѣ этого требовать от публицистики и всяких безотвѣтственных видов печатного слова?

Весь этот ворох бранных стихов, слезливых и высокопарных од, возмущенных рѣчей и проклятій — превосходный образец невѣжества, обывательскаго воспріятія исторіи и сознательно распускаемых с политическими цѣлями легенд.

Новое рабство, дѣйствительно, установилось на Украинѣ и было, по словам народа, «хуже лядскаго». Но кабалителями выступили не великороссы, а свои доморощенные паны, вышедшіе из среды казачества. И произошло это не по указу Екатерины, а задолго до него. В положеніе украинскаго крестьянства указ 3 мая 1783 г. не внес никаких измѣненій и по мнѣнію изслѣдователей не был даже замѣчен крестьянством. Земли были расхищены и мужики закрѣплены задолго до воцаренія Екатерины.

Вот пункт 8-й указа, наиболѣе нас занимающій: «Для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенных доходов в намѣстничествахъ Кіевском, Черниговском и Новгородско-Сѣверском, и в отвращеніе всяких побѣгов к отягощенію помѣщиков и остающихся в селеніях обитателей, каждому из поселян остаться в своем мѣстѣ и званіи, гдѣ он по нынѣшней послѣдней ревизіи написан, кромѣ отлучившихся до состоянія сего Нашего указа; в случаѣ же побѣгов послѣ изданія сего указа поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ»⁷⁶.

Пункт этот дополняется соотвѣтствующими штрихами, разбросанными в других частях указа: — распоряженіем оставлять на усмотрѣніе помѣщиков раскладку податей с крестьян в частновладѣльческих деревнях, и запрещеніем принимать бѣглых малороссійских поселян.

Даже если бы мы не располагали никакими другими документами кромѣ этого пункта, его достаточно было бы для установленія факта существованія крѣпостничества в Малороссіи до 1783 года. Мы видим здѣсь весь характерный крѣпостной ландшафт — «помѣщиков», «частновладѣльческія деревни», «поселян», «побѣги» доставляющіе помѣщикам «отягощенія». То обстоятельство, что поселяне не просто уходят, а бѣгут, свидѣтельствует о невозмож-

ности легального ухода с мѣста. Это и есть главный признак зависимости. Цѣлью Екатерининскаго указа было не введеніе крѣпостничества, уже существовавшаго в краѣ, а распространеніе на Малороссію административных мѣр, связанных с фиском и дѣйствовавших во всѣх прочих російских губерніях. Такая унификація была бы невозможна при различіи экономически-правовых отношеній.

Процесс установленія новаго крѣпостнаго права нынѣ представляется довольно ясным. Он достаточно изучен благодаря трудам самих же украинских историков XIX вѣка, таких как Лазаревскій, Ефименко, Романович-Словатинскій. К ним присоединилось исключительно цѣнное изслѣдованіе В. А. Мякотина, изданное в эмиграціи ⁷⁷.

В общих чертах он рисуется так: Хмельничина уничтожила в краѣ всѣ дворянскія вотчины, а заодно уничтожила чуть не все дворянство. Рѣчь идет не об одних только ополяченных и окатоличенных шляхтичах, но также о панах сохранивших православіе: тѣ из них, что, подобно Адаму Киселю, боролись с народом в польских рядах, раздѣлили судьбу поляков и были физически истреблены либо изгнаны. Уцѣлѣли только примкнувшіе к Хмельницкому. Жизнь, дворянское званіе и усадьбы они сохранили, но ни земель населенных крестьянами, ни тѣм болѣе самих крестьян, как феодально-зависимых, вернуть не могли. Численно, они представляли горсточку. Во время присяги царю Алексѣю Михайловичу, их насчитали не болѣе двухсот. Хотя царское правительство относилось к ним с наибольшим уваженіем, выдѣляя из всѣх прочих слоев украинскаго населенія (первая милостивая грамота послѣ Переяславской рады адресована была малороссійскому дворянству), тѣм не менѣе, эти потомки старой южнорусской знати оказались нежизнеспособными и быстро сошли на нѣт, растворившись в массѣ казачества. Не они были заводчиками новаго крѣпостничества; его ввели казаки.

Еще раз: когда говорим «казаки», имѣем в виду не тѣ 360 тысяч, бывших с Хмельницким под Зборовом в 1649

году, даже не тѣх, которыхъ записывали въ реестр, а людей запорожской школы —численно небольшую, но сплоченную группу, составлявшую окруженіе Богдана, а потомъ образовавшую неписанное старшинское сословіе. Рекрутировалось оно путемъ «естественнаго отбора». Если про казачій реестръ одинъ современникъ выразился: «Можнѣйшіе пописались казаками, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ», то въ старшину выбивались можнѣйшіе изъ можнѣйшихъ — самыя хищныя и пронырливыя. Уже въ моментъ присоединенія къ Московскому государству, они обнаружили въ полной мѣрѣ свою столѣтнюю мечту учредиться помѣщиками и занять мѣсто изгнанныхъ польскихъ пановъ. Первые же посланники къ Алексѣю Михайловичу — войсковой судья Самойло Богдановъ и переяславскій полковникъ Тетеря били челомъ въ Москвѣ о «привилеяхъ на хартіяхъ золотыми словами писанныхъ: мнѣ судѣ, на мѣстечко Имглеевъ Старый съ подданными тамъ будучими и со всѣми землями издавна до Имглеева належащими, а мнѣ полковнику на мѣстечко Смѣлую также съ подданными въ ней будучими, и со всѣми землями къ ней належавшими». Такія же грамоты выданы были генеральному писарю Ивану Выговскому, проявившему особенную жадность къ маестностямъ. Онъ не только просилъ о подтвержденіи тѣхъ грамотъ на землю, что выхлопоталъ отъ польскаго короля, но билъ челомъ о новыхъ. Царь ни въ чемъ не отказывалъ. Почти каждый видный урядникъ, съ теченіемъ времени, обзавелся желаннымъ документомъ на имѣніе.

Мы указывали, что московское правительство плохо разбиралось во внутреннихъ малороссійскихъ дѣлахъ; милостями осыпало прежде всего тѣхъ, черезъ кого рассчитывало привязать къ себѣ новый край, а такими сумѣли представить себя казаки. Внушая высокое мнѣніе о своей роли, они, соотвѣтствующимъ образомъ, умаляли, вѣрнѣе замалчивали, роль крестьянства. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что времена были крѣпостническія, во всемъ мірѣ мужикъ ставился ни во что, о немъ часто забывали, а на Украинѣ, вдобавокъ, онъ сдѣлался жертвой собственныхъ иллюзій. Надѣвши въ дни Хмельничины баранью шапку и объявивъ себя казакомъ, онъ счелъ это достаточной гарантіей отъ крѣпостной неволи. Если же ему и въ реестръ удавалось попасть, то

свобода казалась навѣки обезпеченной. Удивительно ли, что эти люди ни разу не подали голоса? Ни просьб, ни челобитій московскому правительству от них не поступало и держались они так, чтобы в них никто не заподозрил крестьян. А матерое казачество все дѣлало с своей стороны, чтобы затемнить в глазах Москвы казацко-крестьянскія отношенія. Оно добилось передачи этого вопроса на свое собственное разрѣшеніе. Уже в мартовской челобитной 1654 г. Хмельницкій писал: «Мы сами смотр меж себя имѣть будем и кто казак, тот будет вольность казацкую имѣть, а кто пашенный крестьянин, тот будет должность обыкшую его царскому величеству отдавать как и прежде сего».

Выдавая жалованныя грамоты старшинѣ и не возражая против помѣщичьяго землевладѣнія на Украинѣ, Москва сама его не вводила, считая это дѣлом внутренне малороссійским. Впрочем, судьба грамот выданных послѣ Переяславской рады была незадачливая, онѣ остались лежать, в шкатулках, в тайных кладовых, даже в землѣ закопанныя и не принесли своим владѣльцам никакой пользы. Московским приказным людям казаки говорили, что народ непремѣнно убьет их если узнает о существованіи у них таких документов.

Таким образом, самый простой, легальный способ завладѣнія землями посредством царскаго пожалованія оказался самым трудным. Гораздо большаго успѣха достигли окольным путем. Начали с «ранговых маетностей» — населенных земель назначенных для содержанія казачьяго уряда. Каждому крупному воинскому чину положено было жалованье в видѣ такого имѣнія, жители котораго обязывались различными повинностями в пользу владѣльца-урядника. По существу это была та же панская вотчина, только не частновладѣльческая, а войсковая, находившаяся во временном пользованіи. Владѣли ею до тѣх пор, пока занимали соотвѣтствующій пост; лишившись чина, лишались и маетности. Помѣщичій характер такого имѣнія не бросался в глаза и не будил, на первых порах, призрака крѣпостной эксплоатаціи.

Доставались ранговья маєтности, прежде всего, «бунчуковому товариству», состоявшему при генеральном урядѣ, при гетманѣ, «под бунчуком». Из его числа выходили генеральные писаря, судьи, обозные — всѣ важные чины. Одновременно надѣлялось значковое или полковое товариство, состоявшее при полковом значкѣ.

Кромѣ ранговых маєнностей придуман был и другой вид войсковых вотчин. Значные казаки, дав своим дѣтям образование «с латынью» и даже без оной, приписывали их затѣм к генеральной войсковой канцеляріи, как это практиковалось в Польшѣ. На содержаніе таких приписанных молодых людей опредѣлили не меньшія маєтности, чѣм на ранги. Порабощеніе мужика началось под видом служенія войску Запорожскому. Но очень рано у старшины зародилось намѣреніе превратить войсковыя экономіи в частную и в наследственную собственность. С теченіем времени это и было сдѣлано.

Существовало не мало земель «к диспозиціи гетманской надлежащих», из которых выдѣлялись часто куски, передававшіеся в личное владѣніе тому или иному казаку. Вмѣстѣ с ними и населеніе, зависѣвшее прежде от «войска», переходило в частную зависимость.

Хотя верховным распорядителем всего земельного фонда Малороссіи считался московскій царь, и самыми законными документами на право владѣнія были царскія жалованныя грамоты, но уже Хмельницкій, помимо Москвы, начал раздавать маєтности своею властью. Эта практика приобрѣла широкіе размѣры послѣ того, как старшина добилась ея легализаціи. Обращаться каждый раз в Москву за пожалованіем с нѣкоторых пор перестали, всѣ раздачи сосредоточились в руках гетмана, а Москва утверждала их постфактум. Роль царскаго правительства свелась, под конец, исключительно к такой санкціи. Генеральная войсковая канцелярія сдѣлалась с этого момента источником земельных приобрѣтеній и у всѣх, кто имѣл туда доступ, вошло в обычай выпрашивать себѣ земли.

Но расхищеніе шло, также, другими, нелегальным порядком. Болѣе или менѣе богатые казаки начали округлять владѣнія путем скупки за безцѣнок «грунтов» у обнишав-

ших кретьян. Царское правительство рѣшительно запрещало такую практику, так как она вела к уменьшенію тягловых единиц и к сокращенію доходов казны, но казаки, при попустительствѣ гетманов и старшины, продолжали скупать грунты потихоньку. Для отторженія крестьянской земли не брезговали ни приемами ростовщичества, ни игрой на народных бѣдствіях. Отец гетмана Данилы Апостола давал в неурожайный год деньги нуждавшимся, прибѣгавшим к займу, «чтоб дѣток своих голодною смертью не поморити», а потом за эти деньги отнимал у них землю. Полковник Лизогуб содержал шинок, с помощью котораго оплетал долгами мужиков и, тоже, за эти долги отбирал землю.

О подвигах его сохранился красочный документ — жалоба нѣкогого Шкуренка, взяшаго у Лизогуба 50 злотых займы. «Дай мнѣ в арешт грунта свои, а я буду ждать долг, пока спрможешься с деньгами» — сказал полковник. «Я и отдал свой грунтик, но не во владѣнье, а в застановку (в заклад). А как пришел срок уплаты, стал я просить Лизогуба подождать, пока продам свой скот, который нарочно выготовил для продажи. А Лизогуб задержал меня в своем дворѣ и держал двѣ недѣли, требуя отдачи долга. Со слезами просил я отпустить меня домой, так как жена моя лежала на смертной постели. Но Лизогуб тогда же со своим господарем (управляющим) оцѣнил мой грунтик и насильно послал меня к конотопскому попу, говоря: иди к попу и как поп будет писать, будь при том. Поп написал купчую, но без свидѣтелей с моей стороны и без объявленія в Ратушѣ. Так пан Лизогуб и завладѣл моим грунтом, хотя я и деньги ему потом носил»⁷⁸. На своем «грунту» крестьянин нигдѣ не чувствовал себя прочно, потому что всякому болѣе или менѣе «моцному» казаку позволено было посягать на него правдами и неправдами. Уже вскорѣ послѣ Хмельничины наблюдаются случаи, когда старшина «силомоцью посидает людскіе грунты». В гетманство Мазепы подобная практика пріобрѣтает характер народнаго бѣдствія. Особенно свирѣпствовал любимец Мазепы, полковник Горленко. «Гдѣ было какое годное к пользѣ людской мѣсто, всѣ он своими ху-

торами позанимал, а дѣлал это так, что одному заплатит, а сотни людей должны неволею свое имущество оставлять. Куда ни глянешь — все его хутора, и все будто купленные, а купчія берет, хотя и не рад продавать»⁷⁹.

Что касается пространств пустых, незаселенных, которых в то время много было на Украинѣ, то и они очень быстро оказались расхвачанными путем «займованія» по праву первого владѣнія. Дохода с них не было, но его предвидѣли в будущем. Очень скоро, главная масса земель сосредоточилась в руках казачьей аристократіи.

«Эй дуки вы, дуки!
За вами вси луги и луки!
Нигдѣ нашому брату нетеззи стати
И коня попасти!»

Параллельно с мобилизаціей земель идет процесс превращенія крестьянства в крѣпостное состояніе. Никакого права на такое обращеніе казачество не имѣло и никто не давал ему этого права. Совершенно было все путем грубого произвола и насилія. А. Я. Ефименко резюмирует это так: «Виѣсть с г. Лазаревским, который посвятил десятки лѣт добросовѣстнаго труда детальному выясненію фактической стороны происхожденія большей части малорусских крупных дворянских родов, мы должны признать, что малорусское панство выросло на всяческих злоупотребленіях своею властью и положеніем. Насиліе, захват, обман, вымогательство, взяточничество — вот содержаніе того волшебнаго котла, в котором перекипала болѣе удачливая часть казачества, превращаясь в благородное дворянство»⁸⁰.

Первоначально, послѣ освобожденія края от польской власти, крестьянин имѣл право свободнаго передвиженія и перехода с одной земли на другую. Казакам это было, даже, выгодно до поры до времени; техника закрѣпощенія требовала, чтобы возможно больше народа согнано было с насиженных мѣст и замѣнено новым. Но когда этот процесс кончился, свобода передвиженія стала величайшим

неудобством для новых помѣщиков, и ее всѣми мѣрами стали пресѣкать.

Так, в 1707 году, по приказу Мазепы, полтавскій полковник всѣх уходящих на слободы «не только переймал, грабил, забурал, вязаннем мордовал, киями бил, леч без пощаденія вѣшати рассказывал»⁸¹. В 1739 г. генеральная войсковая канцелярія запрещает переходы под угрозой смертной казни. Мотивировалось это желаніем пресѣчь, якобы, побѣги за границу. Узнав об этом, русское имперское правительство отмѣняет свирѣпое запрещеніе, но на практикѣ полковныя канцеляріи продолжают дѣйствовать в духѣ постановленія 1739 г., ссылаясь на Литовскій статут. Через 18 лѣт, гетман Разумовскій, своею властью, издает распоряженіе равносильное запрету переходов. По этому распоряженію, крестьянин, собирающійся оставить владѣльца, должен оставить ему и все свое имущество, да кромѣ того, обязан взять от владѣльца письменное свидѣтельство об отходѣ. Послѣ этого, крестьянину ничего кромѣ бѣгства не оставалось. По словам все той же компетентной изслѣдовательницы А. Я. Ефименко, весь процесс закрѣпощенія крестьян «совершился чисто фактическим, а не юридическим путем, без всякаго, по крайней мѣрѣ непосредственнаго вмѣшательства государственной власти».

Стоило какому нибудь казаку сдѣлаться «державцею», т. е. получить административную власть над извѣстным округом, как он уже претендовал на «послушенство» крестьян этого округа. Сначала это выражалось в, сравнительно, скромных требованіях, потом требованія росли. увеличивались, пока не завершались полным порабощеніем. Если казак располагал незаселенной землей, он приманивал на нее крестьян обѣщаніем всевозможных льгот, а когда тѣ поселялись, они оказывались через нѣкоторое время в тяжелой зависимости от владѣльца. Обычно, поселявшіеся слободами на таких землях крестьяне получали право не нести никаких повинностей в пользу землевладѣльца в теченіе первых десяти лѣт. По отбытіи этого срока они обязаны были платить владѣльцу по сто талеров в год, осматривать мѣстный млинок (мельницу) и во-

зять из него розмол. И это все. Никаких других повинностей не полагалось. Новые пань, однако, начали повсемѣстно нарушать это обычное право, — требовать годовой чинш раньше положеннаго срока и облагать слобожан различными работами. Гетман Мазепа узаконяет этот произвол и издает в первые годы ХУІІІ вѣка универсалы, согласно которым крестьяне два дня в недѣлю обязаны работать в пользу сосѣдних панов, да еще платить овсяную дань. Видимо, в это время начала складываться извѣстная народная пѣсня:

Ой горе нам — не гетманщина —
Надокучила вража панщина
Що ходячи поиси, сидячи выспишся!
Як на панщину йду — торбу хлиба несу,
А з панщины йду — ани кришечки
Обливают мене дрибни слизочки!

Сѣчевики, постоянно враждовавшіе с Мазепой, нерѣдко пользовались в своей агитаціи крѣпостнической политикой гетмана, как мотивом для разжиганія недовольства в народѣ. Из Запорожья шли обличительные листы: «Мы думали, что послѣ Богдана Хмельницкаго, народ христіанскій не будет уже в подданствѣ; видим, что напротив, теперь бѣдным людям хуже стало чѣм при ляхах было. Прежде подданных держала у себя только старшина, а теперь и такіе, у которых отцы не держали подданных, а ѣли свой трудовой хлѣб, принуждают людей возить себѣ сѣно и дрова, топить печи, да чистить конюшни».

В 1727 году, нѣкая Даровская, в Стародубском полку, потребовала от своих слобожан явиться на панщину в то село, гдѣ она жила. «Мы не поѣхали, — рассказывают слобожане, — помня договор, чтобы платить только годовой чинш по сту талеров и быть уже свободными от всякой панщины. Поноровивши нѣкоторое время, Даровская снова прислала нам приказ, чтобы ѣхали мы на ту панщину неотмовно и мы, исполняя тот приказ Даровской, яко комендерки своей, выслали на панщину тридцать пять своих парубков, которых Даровская приказала всѣх без исклю-

ченія тирански батожьем бить, причитаючи вину его, что за первым разом не поѣхали на панщину. А потом позваны были во владѣльческое село и всѣ мы, хозяева гдѣ зазвавши нас во двор приказала Даровская, по одному оттуда выводя, нещадно киями бить, от котораго бою недѣль по шесть и побольше многіе из нас пролежали»⁸².

Закабаленію подверглась значительная часть тѣх простых казаков, что вели свое хозяйство на крестьянскій манер и ничѣм, фактически, от крестьян не отличались. Сыграв роль пушечнаго мяса во дни Хмельничины, они теперь стали «мясом» закрѣпощенія. Через каких нибудь десять лѣтъ послѣ смерти Хмельницкаго, стольнику Кикину довелось слышать рѣчи полковаго судьи Климѣ Чернушенко про полтавскаго полковника Витязенко: «Нас казаков полковник Витязенко многим зневажает и бьет напрасно, а жена его жен наших напрасно же бьет и безчестит; и кто казак или мужик упадет хоть в малую вину, и полковник его имѣніе все, лошадей и скот берет на себя. Со всего полтавскаго полка согнал мельников и заставил их на себя работать, а мужики из сел возили ему на дворовое строеніе лѣс, и устроил он себѣ дом такой, что у самого гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а город наш Полтава весь опал и огнил, и о том у полковника радѣнія нѣтъ; станем мы ему об этом говорить — не слушает»⁸³.

Таковы были свѣтлыя времена, когда всѣ «кущи, села, грады хранил от бѣд свободы щит» и когда «благо, счастье народно со всѣх сторон текло свободно». Не будь Капнист сыном миргородскаго полковника, ложь, лежащая в основѣ его оды, не так бы бросалась в глаза. Она могла быть объяснена невѣжеством, незнаніем прошлаго. Но человек, у котораго еще отцы и дѣды закабалляли крестьян по методу Даровской, меньше всего имѣл право проливать «унылый томный звук» по поводу екатерининскаго указа.

Указ был одним из серіи узаконеній порожденных другой, болѣе важной и общей реформой, объявленной в 1780 году. Реформа эта — упраздненіе гетманства и всѣх казачьих порядков в Малороссіи. В 1781 году упразднены Малороссійская Коллегія, Генеральный суд, центральныя

войсковыя и полковыя учрежденія, територія гетманщины раздѣлена на намѣстничества Кіевское, Черниговское и Новгород-Сѣверское, гдѣ вся администрація, суд и управленіе должны были отправляться с тѣх пор по общероссійскому образцу. То был полный конец казачьяго уряда, существовавшаго около 130 лѣт. Жалѣли о нем немногіе, больше тѣ, что кормились от него; «моцные» же казаки, в массѣ своей, давно превратились в «благородное Россійское дворянство», ничѣм от великоросскихъ собратьев не отличавшееся. Состоя на службѣ в столицах, засѣдая в Сенатѣ и Синодѣ, сдѣлавшись генералами, министрами, канцлерами имперіи, добившись всего, о чем мечтали их предки, они не имѣли уже причин жалѣть о казачьих привилегіях. Из разсадника смут превратились в опору порядка и трона.

Только небольшая горсточка продолжала скорбѣть о бунчуках и жупанах. К ней, без сомнѣнія, принадлежал В. В. Капнист. В его роду, повидимому, долго жили казачьи преданія и антимосковскія настроенія. Многія самостоятельныя исторіи Украины ссылаются на визит какого-то Капниста, в 1791 году, к прусскому министру Герцбергу. Грушевскій излагает этот эпизод так: «Недавно из секретныхъ бумагъ прусскаго государственнаго архива стало извѣстнымъ, что в 1791 году, когда испортились отношенія между Россіей и Пруссіей, к тогдашнему прусскому министру Герцбергу явился украинецъ Капнист, потомокъ извѣстнаго украинскаго рода, сынъ заслуженнаго миргородскаго полковника. Онъ объяснилъ Герцбергу, что его прислали земляки, пришедшіе в отчаяніе от «тираніи Россійскаго правительства и князя Потемкина». «Казачье войско. — говорилъ онъ, — очень огорчено тѣмъ, что у него отобрали старыя права и вольности и обратили его в регулярныя полки; оно мечтаетъ возвратитъ себѣ эти старыя порядки и вольности, старое казачье устройство (*ancienne constitution des Cosaques*)». По порученію земляковъ Капнист спрашивалъ министра, могутъ ли они надѣяться на помощь Пруссіи, если возстанутъ противъ «русскаго ига». Но министр далъ уклончивый отвѣтъ, не предполагая, чтобы у Пруссіи дѣйствительно могла возникнуть война с Россіей. Поэтому

Капнист уѣхал, сказав, что на будущее время, если прусское правительство того пожелает, оно может войти в сношения с украинцами через его брата, путешествовавшего тогда по Европѣ»⁸⁴.

Ни Грушевскій, ни другіе самостоятельныя авторы не дают нам подробностей столь интересной архивной находки, вслѣдствіе чего личность посланнаго остается неясной. Грушевскій не называет его имени, прилагая молчаливо к своему тексту портрет поэта Василя Васильевича Капниста, но «Велика Історія України» прямо называет его «графом Василюм Капнистом»⁸⁵. Можно простить авторам анахронизм связанный с титулом (в графском достоинствѣ Капнисты значатся только с 1876-1877 г.), но гораздо труднѣе примирить с их утверженіем факт поѣздки поэта за границу в 1791 г. Ни біографы, ни историки литературы ничего такого не сообщают, напротив, дружно увѣряют, что с 1783 по 1796 г. он проживал почти безвыѣздно в своем имѣніи «Обуховка» на Полтавщинѣ. А второго Василя в числѣ его братьев, кажется, не обрѣталось. Но пусть это был не автор «Ябеды» и «Оды на рабство», даже не брат его, а скажем, племянник — все равно, эпизод этот — свидѣтельство политическаго климата, в котором создавалась «Ода».

Плач ея был плачем о гетманствѣ, а вовсе не об утратѣ крестьянской свободы. На крестьян и на крѣпостное право там даже намек нѣтъ, «свобода» упоминается абстрактно и ее можно понимать как угодно. Будь наш поэт печальником горя нроднаго, ему бы надо было быть им не в 1783 году, а гораздо раньше, когда Витязенки, Лизогубы, Горленки закрѣпощали народ и «взянем мордовали».

Не назвав крѣпостничества, как предмета своей печали, Капнист умолчал и об отмѣнѣ гетманскаго режима, скорбѣть о котором было непристойно, да и в обществѣ это не встрѣтило бы сочувствія. Гетманство уже при Данилѣ Апостолѣ было тѣнью прежняго уряда, а при Разумовском носило чисто декоративный характер. Его отмѣна в 1780 г. не вызвала ни возраженій, ни сколько нибудь значительных разговоров и толков. Оно пало, как перезрѣлый плод

с дерева. Ни у кого из послѣдних казакоманов не хватило духа выступить с его защитой. Зато удалось отмстить самодержавію и извлечь агитаціонный эффект из указа 1783 года. Представить его, как введеніе крѣпостного права и пролить по этому поводу «потокн слез» — сулило вѣрный успѣх в либеральном столичном обществѣ, в радищевских и новиковских кругах.

Антимосковская пропаганда здѣсь, как встарь, не могла обойтись без маскировки и должна была скрывать истинныя причины озлобленія, подмѣняя их ложными, болѣе благовидными.

КАТЕХИЗИС

Все, что казачество за сто лѣт гетманскаго режима наговорило, накричало на радах, написало в «листах» и универсалах — не пропало даром. Уже про ближайших сподвижников Мазепы, убѣжавших с ним в Турцію, самостійническіе писатели говорят, как о людях «перековавших» свои казачьи вождельнія «в гранитну идеологію»⁸⁶.

Впослѣдствіи, все это попало в лѣтописи Грабянки, Величко, Лукомскаго, Симановскаго и получило значеніе «исторических фактов». Казачьи лѣтописи и основанныя на них тенденціозныя «исторіи Украины», вродѣ труда Н. Маркевича, продолжают оставаться распространителями невѣрных свѣдѣній вплоть до наших дней.

Но уже давно выдѣлился среди этих апокрифов один, совершенно исключительный по значенію, сыгравшій роль Корана в исторіи сепаратитскаго движенія. В 1946 году, в сотую годовщину его опубликованія, состоялось под предсѣдательством Дм. Дорошенко засѣданіе самостійнической академіи в Америкѣ, на каковом оный апокриф охарактеризован был, как «шедевр украинской исторіографіи»⁸⁷. Рѣчь идет об извѣстной «Исторіи Русов».

Точной даты ея появленія мы не знаем, но высказана мысль, что составлена она около 1810 г. в связи с тогдашними конституціонными мечтаніями Александра 1 и Сперанскаго⁸⁸. Распространяться начала, во всяком случаѣ, до 1825 г. Написана чрезвычайно живо и увлекательно, пресходным русским языком карамзинской эпохи, что в

значительной степени обусловило ея успѣхъ. Расходясь в большомъ количествѣ списковъ по всей Росіи, она извѣстна была Пушкину, Гоголю, Рылѣву, Максимовичу, а впоследствии — Шевченко, Костомарову, Кулишу, многимъ другимъ и оказала вліяніе на ихъ творчество.

Первое и единственное ея изданіе появилось в 1846 г. в «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» в Москвѣ. Издатель О. М. Бодянской сообщает в предисловіи такія свѣдѣнія о ея происхожденіи: Г. Полетика депутат малороссійскаго шляхетства, отправляясь в Комиссію по составленію новаго уложенія, «имѣл надобность необходимую отыскать отечественную исторію», по какой причинѣ обратился къ Георгію Конисскому архіепископу Бѣлорусскому, природному малоросу, который и далъ ему лѣтопись, «увѣряя архипастырски, что она ведена с давнихъ лѣтъ в кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ с учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, в коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывший гетманъ малороссійскій, оставившій в нихъ многія бумаги и записки отца своего гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самыя журналы достопамятностей и дѣяній національных, и что при томъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена». Полетика, по словамъ Бодянскаго, сличивъ полученную имъ лѣтопись с другими извѣстными ему малороссійскими лѣтописями, «и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею», всюду руководствовался ею в своихъ работахъ, какъ членъ комиссіи. Заключаетъ Бодянской свое предисловіе словами: «Итакъ, исторія сія, прошедши столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть достоверною».

Давно, однако, замѣчено, что изъ всѣхъ казачьихъ исторій она — самая недостоверная. Слово «недостоверная» явно недостаточно для выраженія степени извращенія фактовъ и хода событій изложенныхъ в ней. Если про лѣтопись Самойла Величко часто говорятъ, что она составлена неразбофчивымъ компиляторомъ, собиравшимъ безъ критики все, что попало, то у автора «Исторіи Русовъ» виденъ ясно выраженный замысел. Его извращенія — результатъ не невѣ-

жества, а умышленной фальсификаціи. Это нашло выраженіе, прежде всего, в обиліи поддѣльных документов, внесенных в «Исторію». Взять, хоть бы, Зборовскій договор:

«Народ русскій со всѣми его областями, городами, селеніями и всякою к ним народною и національною принадлежностью увольняется, освобождается и изъемлется отъ всѣхъ притязаній и долегливостей польскихъ и литовскихъ на вѣчныя времена, яко изъ вѣковъ вольный, самобытный и незавоеванный, а по однимъ добровольнымъ договорамъ и пактамъ въ единство польскую и литовскую принадлежащій».

Тщетно было бы искать что нибудь подобное в дошедшем до нас подлинномъ текстѣ Зборовскаго трактата 1649 г.⁸⁹ Никакого «народа русскаго», да еще «со всѣми его областями, городами, селеніями» там в поминѣ нѣтъ; рѣчь идетъ лишь о «войскѣ запорожскомъ», и самый трактатъ носитъ форму «Объявленія милости его королевскаго величества войску запорожскому на пункты предложенныя в ихъ челолюбитной». Тамъ можно прочесть; «Его королевское величество оставляетъ войско свое запорожское при всѣхъ старинныхъ правахъ по силѣ прежнихъ привилегій и выдаетъ для этого тотчасъ новую привилегію». Столь же трудно найти тамъ обозначеніе «границъ русской земли», которое есть в трактатѣ поддѣльномъ. И уж, конечно совсѣмъ невозможно обнаружить фразу: «Народъ русскій отъ сего часу есть и ма быть ни отъ кого, кромѣ самого себя и правительства своего независимымъ».

Грубой поддѣлкой надо считать и грамоту царя Алексѣя Михайловича, выданную, будто бы, 16 сентября 1665 г. казакамъ, участвовавшимъ в осадѣ Смоленска. «Жалуемъ отнынѣ на будущія времена онаго военнаго малороссійскаго народа отъ высшей до низшей старшины съ ихъ потомствомъ, которые были только в семъ с нами походѣ под Смоленскомъ, честию и достоинствомъ нашихъ россійскихъ дворянъ. И по сей жалованной нашей грамотѣ никто не долженъ изъ нашихъ россійскихъ дворянъ во всякихъ случаяхъ противъ себя ихъ понижать». Такихъ ложныхъ документовъ попало в «Исторію Русовъ» много, а еще больше легендъ и фантастическихъ разсказовъ.

Не этимъ, впрочемъ, опредѣляется ея исключительное

мѣсто в русской, даже в мировой литературѣ. Мы знаем не мало поддѣлок сыгравших политическую роль — «Константинов дар», «Завѣщаніе Любуши», «Завѣщаніе Петра Великаго» и проч., но сочиненія, в котором бы исторія цѣлаго народа представляла сплошную легенду и измышленіе, — кажется, не бывало. Появиться оно могло только в эпоху полной неразработанности украинской исторіи. До самой середины прошлаго столѣтія не начиналось сколько нибудь серьезнаго ея изученія.

В то время как по общей русской исторіи появились в XVIII вѣкѣ обширные труды Татищева, Шлецера, Миллера, Болтина, кн. Щербатова и других, завершенные двѣнадцатитомной «Исторіей Государства Россійскаго» Карамзина, — исторіей Украины занимались случайные любители вродѣ Рубана, Бантыша-Каменскаго или какого нибудь Анастасевича и Алексѣя Мартоса.

Конечно, и русскіе историки XVIII вѣка не имѣли еще опыта, которым располагала современная им западноевропейская наука, но они старались итти в ногу с нею, понимали ея задачи и методы, примѣняя их по мѣрѣ сил к изученію своего историческаго процесса. Уже у Татищева высоко развито чувство документа, первоисточника, и критическое к ним отношеніе. Миллер и Шлецер создали, в этом смыслѣ, школу западно-европейскаго образца. Ничего подобнаго не наблюдалось в украинской исторіографіи. Она еще не вышла из стадіи увлеченія занятыми эпизодами, анекдотами, либо декламацией на патріотическія темы. В оправданіе украинских историков можно сказать, что писать болѣе или менѣе объективную исторію Украины было гораздо труднѣе, чѣм исторію любой другой страны. Нужен был добрый десяток Миллеров и Шлецеров, чтобы отдѣлать в казачьих лѣтописях правду от выдумки и из порожденных эпохой гетманщины документов отобрать подлинныя. Но и то правда, что образованные малоросы, бравшіеся в XVIII и в началѣ XIX вѣка за исторію своего края, горѣли любовью больше к нему, чѣм к истинѣ. Они весьма неохотно разставались с легендами и с поддѣлками, предпочитая их «тѣмъ низким истинѣ».

В такое-то незрѣлое время появилась цѣльная, закон-

ценная, прекрасно написанная «Исторія Русовъ». Читатели самые образованные оказались беззащитными против нея. Осмыслить факт столь грандіозной фальсификаціи никто не был в состояніи. Она без всякаго сопротивленія завладѣла умами, переноса в них яд казачьяго самостійничества.

Не только простая публика, но и ученые историки XIX вѣка пользовались ею, как источником и как авторитетным сочиненіем.

Едва ли не самая ранняя критика ея предпринята была в 1870 году харьковским профессором Г. Карповым ⁹⁰, назвавшим «Исторію Русовъ» «памфлетом» и рѣшительно предостерегавшим довѣрять хотя бы одному приведенному в ней факту. Костомаров, всю жизнь занимавшійся исторіей Украины, только на склонѣ лѣтъ пришел к ясному заключенію, что в «Исторіи Русовъ» «много невѣрности и потому она, в оное время переписываясь много раз и переходя из рук в руки по разным спискам, производила вредное в научном отношеніи вліяніе, потому что распространяла ложныя воззрѣнія на прошлое Малороссіи» ⁹¹. В свои ранніе годы, Костомаров принимал «Исторію Русовъ» за полноценный источник.

Автор памфлета явно строил свой успѣх на читательской неосвѣдомленности и нисколько не заботился о приведеніи повѣствованія хотя бы в нѣкоторое соотвѣтствіе с такими важными источниками как русскія и польскія лѣтописи или с общеизвѣстными и безспорными фактами, как завоеваніе юго-западной Руси литовскими князьями. Он это завоеваніе, попросту, отрицает. Можно пройти мимо его разсужденій о скифах, сарматах, печенѣгах, хозарах, половцах, которые всѣ зачисляются в славяне; можно доставить себѣ веселую минуту, читая производство имени печенѣгов от «печеной пищи», которой они питались, а имен полян и половцев от «степей безлѣсных», хозар и казаков — «по легкости их коней, уподобляющихся козьему скоку», но анекдотичность метода сразу же зарождаєт подозрѣніе, как только дѣло доходит до «мосхов». Тут за филологической наивностью обнаруживается скрытая политика. Оказывается, народ этот, в отличіе от других

перечисленных, произошел не от князя Руса, внука Афетова, а от другого потомка Афета — от князя Мосоха, «кочевавшаго при рѣкѣ Москвѣ и давшаго ей сіе названіе». Московиты или мосхи ничего не имѣют общаго с русами и исторія их государства, получившаго названіе Московскаго, совершенно отлична от исторіи государства русов. Умысел, скрытый под доморощенной лингвистикой, выступает здѣсь вполнѣ очевидно.

«Исторія Русов» не только не признает единого общерусскаго государства X-XIII вѣков, но и населявшаго его единого русскаго народа. Тѣ, что назывались русами, хоть и объединялись вокруг Кіева, как своего центра, но власть этого центра не распространялась, вопреки русской начальной лѣтописи и нашим теперешним научным представлениям, на необъятную равнину от Чернаго до Бѣлаго морей и от Прибалтики до Поволожья, а охватывала гораздо болѣе скромную территорію. В нее входили кромѣ Кіевскаго княжества — Галицкое, Переяславское, Черниговское, Сѣверское, Древлянское. Только эти земли и назывались Русью. Впослѣдствіи, при Иванѣ Грозном, когда Московское царство стало именоваться Великой Россією, обозначенным выше землям пришлось называться Малой Россіей.

Напрасно приписывают М. С. Грушевскому авторство самостійнической схемы украинской исторіи: главныя ея положенія — изначальная обособленность украинцев от великороссов, раздѣльность их государств — предвосхищены чуть не за сто лѣт до Грушевскаго. Кіевская Русь объявлена Русью исключительно малороссійской.

Удивляет только полнѣйшее равнодушіе к этому періоду. Когда пишется общая исторія страны, то акцент падает, естественно, на самыя блестящія и славныя времена. У Малороссіи же нѣтъ болѣе яркой эпохи, чѣм эпоха Кіевскаго государства. Казалось бы, великія дѣла, знаменитые герои, національная гордость — все оттуда. Но исторія Кіевскаго государства, хотя бы в самом сжатом изложеніи, отсутствует в «Исторіи Русов». Всему, что как нибудь относится к тѣм временам, отведено не болѣе 5-6 страниц, тогда как чуть не 300 страниц посвящено казачеству и ка-

зачьему періоду. Не Київ, а Запорожье, не Олег, Свято-слав, Владимир, а Кошка, Подкова, Наливайко опредѣляют дух и колорит «Исторіи Русов».

Экскурс в древнія времена понадобился, единственно, ради генеалогіи казачества; оно, по словам автора, существовало уже тогда, только называлось «казарами». Казары не племя, а воинское сословіе; так называли «всѣх таких, которые ѣзживали верхом на конях и верблюдах и чинили набѣги; а сіе названіе получили наконец и всѣ воины славянскіе избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооруженіи, комплектуясь и перемѣняясь так же своими семействами. Но когда во время военное выходили они внѣ своих предѣлов, то другіе гражданскаго состоянія жители дѣлали им подмогу и для сего положена у них складка общественная или подать, прозванная наконец с негодованіем Дань Казарам. Воины сіи вспомошествова часто союзникам своим, а паче грекам, в войнах с их непріятелями переименованы от царя греческаго Константина Мономаха из Казар Казаками и таковое названіе навсегда уже у них осталось».

Автор с негодованіем отвергает версію по которой казачество, как сословіе, учреждено польскими королями. Малороссія — казачья страна от колыбели; но казаки — не простые гультяи, а люди благороднаго дворянско-рыцарскаго сословія. Их государство, Малая Русь, никогда никѣм не было покорено, только добровольно соединялось с другим, как «равное с равными». Никакого захвата Литвой и Польшей не было. Унія 1386 года — ни позорна, ни обидна. Именно тогда, будто бы, учреждено «три гетмана с правом намѣстников королевских и верховных военачальников и с названіем одного коронным Польским, другого Литовским, а третьяго Русским». Здѣсь «русскіе» т. е. казачьи гетманы объявлены, как и само казачество, очень древним институтом, а главное, им приписано не то значеніе предводителей казачьих скопищ, какими они были в XVI-XVII в. в., до Богдана Хмельницкаго, но правителей края, представителей верховной власти. Их приближают к образу и подобію монархов. «По соединеніи Ма-

лой Россіи с державою польскою, первыми в ней гетманами оставлены потомки природных князей русских Светольдов, Ольговичей или Олельковичей и Острожских кои по праву наслѣдства... правительствовали своим народом уже в качествѣ гетманов и воевод». В списокъ этихъ выдуманныхъ гетманов-аристократовъ встрѣчается, впрочемъ, один, в самом дѣлѣ имѣвшій отношеніе к казачеству — кн. Дмитрій Вишневецкій.

Источники сохранили нам кое что об этомъ человѣкѣ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ к старой русской княжеской фамилии и сдѣлался казачьимъ предводителемъ, под именемъ Байды. Ему приписывается созданіе знаменитой запорожской Сѣчи на островѣ Хортицѣ в 1557 г. Это былъ типичный атаман понизовой вольницы, вся дѣятельность котораго связана была с Запорожьемъ. Его даже гетманомъ никогда не называли. Но «Исторіи Русовъ» угодно было расписать его, какъ правителя всей Малороссіи. По ея словамъ, онъ «наблюдалъ за правосудіемъ и правленіемъ земскихъ и городскихъ урядниковъ, возбуждая народъ къ трудолюбію, торговлѣ и хозяйственнымъ заведеніямъ и всякими образами помогалъ ему оправиться послѣ разорительныхъ войнъ и за то все почтенъ отцемъ народа».

Расписавъ польско-литовскій періодъ, какъ идиллическое сожительство с сосѣдними народами и какъ времена полной національной свободы, авторъ совсѣмъ иными красками изображаетъ присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ. Это черный день в ея исторіи, а Богданъ Хмельницкій — измѣнникъ. Сказано это, правда, не отъ собственнаго лица, а посредствомъ цитатъ изъ поддѣльныхъ документовъ, гдѣ описывается ропотъ казаковъ в дни Переяславской рады и нареканія на гетмана, котораго называютъ «зрадцею», предателемъ подкупленнымъ московскими послами и попрекаютъ «пожертвованіемъ премногихъ тысячъ братіи положившей животъ свой за вольность отечества» и которые «опять продаются в неволю самопроизвольно». «Лучше бы намъ, — говорятъ казаки, — быть во всегдашнихъ браняхъ за вольность, чѣмъ налагать на себя новыя оковы рабства и неволи».

Но чувствуя, что объяснить фактъ присоединенія одной измѣной Хмельницкаго невозможно, авторъ измышляетъ ка-

кой-то «ультиматум» Польши, Турціи и Крыма, потребовавшій от Хмельницкаго войны с Москвой для отнятія Астрахани и побудившій гетмана к переговорам с Россіей. «По обстоятельствам настоящим, надобно быть нам на чьей ни на есть сторонѣ, когда неутралитета не приемлется».

**

Объявив казачество и гетманов солью земли, приписав им рыцарское и княжеское достоинство, утвердив за ними право на угодыя и на труд крестьян «по правам и рангам», автор видит в них главных дѣятелей малороссійской исторіи. Нѣтъ таких добродѣтелей и высокихъ качеств, которыми они не были бы украшены. Любовь ихъ к отчизнѣ и готовность жертвовать за нее своею кровью может сравниться с образцами древнеримскаго патриотизма, по доблести же и воинскому искусству, они не имѣютъ себѣ равныхъ в мірѣ. Побѣды ихъ неисчислимы. Даже находясь в составѣ чужихъ войск, казаки играютъ всегда первенствующую роль, а ихъ предводители затмеваютъ своимъ геніемъ союзническихъ полководцев. Михайло Вишневецкій, явившійся, якобы, на помощь москвичамъ при взятіи Астрахани, оттѣсняетъ на второй планъ царскихъ воеводъ и беретъ в свои руки командование. Только благодаря ему Астрахань оказывается завоеванной. Успѣхи русскихъ под Смоленскомъ в 1664 г. объясняются не чѣмъ инымъ, какъ участіемъ на ихъ сторонѣ полковника Золотаренко. Документальные источники свидѣтельствуютъ, что Золотаренко явился под Смоленскъ во главѣ не болѣе чѣмъ тысячи казаковъ и пробывъ под осажденнымъ городомъ пять дней, ушелъ ничѣмъ себя не проявивъ. Это не помѣшало автору «Исторіи Русовъ» сдѣлать его героемъ смоленскаго взятія, приписать ему планъ и выполнение осады и даже вложить в уста длинныя наставленія по части военнаго искусства, которыя онъ читалъ царю Алексѣю Михайловичу. Любопытно также описаніе битвы при Лѣсномъ, гдѣ, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ разбитъ былъ корпусъ генерала Левенгаупта, шедшій на соединеніе с Карломъ XII. Оказывается, в этой битвѣ трусливые москаля, какъ всег-

да, не выдержали шведскаго натиска и побѣжали. Битва была бы неминуемо проиграна, если бы Петр не догадался прибѣгнуть к помощи малороссійских казаков бывших при нем. Он употребил их, как заградительный отряд, приказав безпощадно рубить и колоть бѣгущих. Казаки повернули москалей снова против непріятеля, и тѣм закончили бой полной побѣдной. Исход сраженія под Полтавой, точно так же, рѣшен не москалями, а казаками под начальством Палѣя. Чтобы не бросить тѣни на воинскую честь тѣх, что находились с Мазепой в шведском станѣ, автор отрицает их участіе в Полтавском сраженіи. По его словам, Мазепа, перейдя к Карлу, держался... «строгаго нейтралитета». Он все время околачивался в обозѣ и всѣми мѣрами уклонялся от пролитія православной крови.

Казачьи подвиги спасали, не одну Россію, но всю Европу. Принцу Евгенію Савойскому не взять бы было Бѣлграда, если бы Мазепа не отвлек крымскія силы созданіем военной базы на Самарѣ (о которой мы, кстати, ничего не знаем), а Салониками завладѣли цесарскія войска, единственно, благодаря Палѣю, запершему татар в Бессарабіи⁹².

Намѣренное выпячиваніе воинских доблестей казачества объясняется, повидимому, не простым сословным или національным чванством. Если правы изслѣдователи относящіе время написанія «Исторіи Русов» к первой четверти XIX вѣка, то в ней надлежит искать отраженіе толков в средѣ малороссійскаго дворянства вызванных проектом восстановленія украинскаго казачества. Малороссійскій генерал-губернатор кн. Н. Репнин, утвержденный в этой должности с 1816 г., представлял, как извѣстно, Александру I и Николаю I меморандумы на этот предмет. Самым серьезным возраженіем против такого проекта могло быть укоренившееся со времен Петра Великаго убѣжденіе в военной несостоятельности казаков. Они не умѣли вести регулярных войн с европейски обученными войсками. «И понеже можете знать, — писал Петр Мазепѣ, — что войско малороссійское нерегулярное и в полѣ против непріятеля стать не может». Казацкій способ сражаться служил для Петра образцом того, как не слѣдует воевать. Всякое от-

ступленіе от регулярнаго боя он именовал «казачеством». После неудачной Головчинской битвы он сердился: «а которые бились и тѣ казацким, а не солдатским боем, и про то злое поведеніе генералу князю. Меншикову накрѣпко разузнать». Извѣстно было неумѣніе казаков осаждать города. Вообще, там, гдѣ нельзя было взять непріятеля врасплох лихим налетом или обманом, там казаки долго не трудились; тяготы и жертвы войны были не в их вкусѣ. Шведы, за полугодовое сотрудничество с ними, прекрасно разгадали эти качества. До нас дошел разговор короля Карла XII со своим генерал-квартирмейстером Гилленкроком под Полтавой во время ея осады. «Я думаю, — заявил Гилленкрок, — что русскіе будут защищаться до послѣдней крайности и пѣхотѣ вашего величества сильно достанется от осадных работ».

Карл: «Я вовсе не намѣрен употреблять на это мою пѣхоту; а запорожцы Мазепины на что?»

Гилленкрок: «Но развѣ можно употреблять на осадныя работы людей, которые не имѣют о них никакого понятія. с которыми надобно объясняться через толмачей и которые разбѣгутся, как скоро работа покажется им тяжелой и товарищи их начнут падать от русских пуль»⁹².

Степной половецкій характер военнаго искусства обрекал казаков на мелкую служебную роль во всѣх арміях в составѣ которых им приходилось участвовать — в польской, русской, турецкой, крымской, шведской. Вездѣ они фигурировали в качествѣ легкаго вспомогательнаго войска.

Составители «Исторіи Русов» это знали и всѣми силами старались представить военную исторію своих предков в ином видѣ. Это было важно и с точки зрѣнія возстановленія казачества.

Но как объяснить слишком общезвѣстные факты поражений? В этих случаях, непременно, на помощь приходят всевозможныя «измѣны» и «предательства». Молниеносное взятіе Меншиковым Батурина, базы мазепинцев, пришлось объяснить именно такой измѣной. Приступ Меншикова, оказывается, был отбит и сердюки наполнили ров трупами россиян; русскіе бѣжали и покрыли бы се-

бя вѣчным позором, если бы не прилуцкій полковник Нос. Он убѣдил Меньшикова через старшину своего Сельмаха остановиться, вернуться и войти в город через тот участок укрѣпленій, который находился под защитой самого Носа. Меньшиков послушался, вошел на разсвѣтъ тихонько в город, когда сердюки, отпраздновавъ вчерашнюю побѣду, крѣпко спали, и напал на них сонных.

Канадская газета «Наш Вик» в сто сороковую годовщину Полтавской битвы писала: «Коли Батурин героично, по конотопському, змагався з москалями, знайшовся сотник Иван Нис, раньше підкуплений московськими воеводами, який передав ворогови плян оборони миста, вказавши на таємний вхид»⁹⁴. Таких образцов распространённости и живучести в самостійнической средѣ легенд «Исторія Русов» можно найти не мало.

Эпизод со взятіем Батурина, гдѣ Меньшиков велѣлъ, будто бы, перебить всѣх поголовно, вплоть до младенцев, — заслуживает особаго вниманія. Жестокости тут описанныя встрѣчаются только в исторіях ассирійских царей или в походах Тамерлана. Перевязанных «сердюцких старшин и гражданских урядников» он колесовал, четвертовал, сажал на кол, «а дальше выдуманы новые роды мученія самое воображеніе в ужас приводящіе». Тѣла казненных Меньшиков бросал на съѣденіе звѣрям и птицам и покинув сожженный Батурин, жег и разорялъ по пути всѣ малороссійскія селенія, «обращая жилища народныя в пустыню». Меньшиковскій погром, в совокупности с безчинствами остальных русских войск, якобы грабивших Украину, превращается под пером автора «Исторія Русов» в картину грандіознаго бѣдствія, вродѣ татарскаго нашествія. «Малороссія долго тогда еще курилась послѣ пожиравшаго ее пламени».

Настойчивое подчеркиваніе одіозности Меньшикова, за которым историки не находят ни приписываемой ему украинофобіи, ни перечисленных жестокостей, заставляет предполагать скрытую причину ненависти. Вряд ли она вызвана одним взятіем Батурина. Никаких особенных жестокостей, кромѣ неизбѣжных при всяком штурмѣ, там не было. Сожжен и разрушен только замок в котором застѣ-

ли сердюки. Но штурм был действительно сокрушительный, потому что засѣвшие ждали себѣ шведов на помощь и для Меньшикова промедленіе было смерти подобно. Начальствовавшій над сердюками полковник Чечел, успѣвшій бѣжать, но пойманный казаками и приведенный к Меньшикову, вовсе не был им казнен, но вмѣстѣ с есаулом Кенигсеком и нѣкоторыми другими взятыми в плѣн мазепинцами — отправлен в Глухов, гдѣ вскорѣ собралась казачья рада, низложившая Мазепу, избравшая на его мѣсто Скоропадскаго и казнившая публично взятых в Батуринѣ измѣнников. Не знаем мы за Меньшиковым и всѣх прочих приписываемых ему звѣрств. Зато сохранилось извѣстіе, дающее основаніе думать, что агитація против него вызвана личной ненавистью Мазепы и его ближайшаго окруженія. Началась она года за три до взятія Батурина и связана с самым зародышем мазепиной измѣны. Измѣна эта фабриковалась, как извѣстно, в Польшѣ, при дворѣ Станислава Лещинскаго. Поляки давно обхаживали Мазепу посредством его кумы — княгини Дольской, но без замѣтнаго успѣха; хитрый гетман не поддавался ни на какіе соблазны. Только одно письмо княгини из Львова укололо его в самое сердце. Дольская писала, что гдѣ-то ей, однажды, пришлось крестить ребенка вмѣстѣ с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, и за обѣдом, когда княгиня упомянула про Мазепу, генерал Ренне, присутствовавшій там, будто бы сказал: «Умилосердись Господь над этим добрым и разумным господином; он бѣдный и не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет отставя его, сам в Украинѣ быть гетманом». Шереметев, якобы, подтвердил слова Ренне, а на вопрос Дольской: «Для чего же никто из добрых пріятелей не предостережет гетмана?» — отвѣтил: «Нельзя, мы и сами много терпим, но молчать принуждены»⁹⁵. Именно послѣ этого письма, воцаряется при гетманском дворѣ атмосфера недовольства и ропота против Москвы, усугубляемая ростом расходов на войну и на постройку Кіево-Печерской крѣпости, которую Петр потребовал возвести. Имя Меньшикова занимало особое мѣсто и в той агитаціи мазепинцев, что развернулась широко, главным образом за границей,

послѣ бѣгства и смерти Мазепы. Ему приписывалось угнетеніе украинцев, даже при помощи «всемогущей астробліи, которой дотолѣ во всей Руси не бывало и перед которою все было безмолвно, почитая направленіе и дѣйствіе ея магнита божественным или мистическим произведеніем».

Звѣрства царскаго любимца не ограничились по увѣренію «Исторіи Русов», батуринскими избіеніями, но распространились на тѣх чиновников и знатных казаков, что не явились «в общее собраніе» для выборов новаго гетмана. Они, по подозрѣнію в сочувствіи Мазепѣ, «отыскиваемы были из домов их и преданы различным казням в мѣстечкѣ Лебединѣ, что около города Ахтырки». Казни были, разумѣется, самыя нечеловѣческія, а казням предшествовали пытки «батожемъ, кнутом и шиною, т. е. разженным желѣзом водимым с тихостію или медленностію по тѣлам человѣческим, которыя от того кипѣли, шкварились и воздымались».

Жертвами таких истязаній сдѣлалось, якобы, до 900 человекъ. Сейчас можно только удивляться фантазіи автора, но на его современников картина меньшиковских звѣрств производила, надо думать, сильное впечатлѣніе. Им неизвѣстно было, что число единомышленников Мазепы ограничивалось ничтожной горстью приближенных, что не только не было необходимости казнить людей по подозрѣнію в сочувствіи гетману, но и тѣ из заговорщиков вроде Данилы Апостола и Галагана, которые, побыв с Мазепой в шведском станѣ, вновь перебѣжали к Петру, — не были ни казнены, ни лишены своих урядов. Данило Апостол сдѣлался впоследствии гетманом. Дано было согласіе сохранить жизнь и булаву самому Мазепѣ, послѣ того, как он, пробыв нѣкоторое время в шведском стану, дважды присылал к Петру с предложеніем перейти снова на его сторону, да привести заодно с собой короля Карла и его генералов. От Мазепы перебѣжали в 1709 г. — генеральный есаул Дмитр Максимович, лубенскій полковник Зеленскій, Кожуховскій, Андриан, Покотило, Гамалія, Невинчаный, Лизогуб, Григорович, Сулима. Несмотря на то, что всѣ они вернулись послѣ срока назначеннаго Петром

для амнистии, и явным образом отвернулись от гетмана в силу того, что безнадежность его дѣла стала очевидной — Петр их не казнил, ограничившись ссылкой в Сибирь. Можно ли повѣрить, чтобы милуя таких «китов», он занимался избіеніем плотвы?

Извѣстно, что «плотва» не только не пострадала, но благоденствовала. Лѣтъ через 5-6 послѣ мазепиной измѣны, сами малороссы доносили царским властям, что «многіе, которые оказались в явной измѣнѣ, живут свободно, а иным уряды и маестности даны, генеральная старшина и полковники к таким особливый респект имѣют: писарь генеральный Григорій Шаргородскій был в явной измѣнѣ, но когда пришел из Бендер от Орлика, то поставлен в мѣстечкѣ Городищѣ урядником». Нѣжинскій полковник Жураковскій открыто покровительствовал мазепинцам, «выбрал в полковые судьи Романа Лазаренка, в полковые эсаулы — Тарасенка, в сотники — Пыроцкого — все людей подозрительной вѣрности». «Много сел роздано людям замѣшанным в измѣну мазепину; много сел роздано измѣнничьим сродникам, попам и челядникам, которые служат в дворах»⁹⁶.

Генеральная и полковая старшина спѣшила, как бы, награждать людей за их измѣну.

Злостный пасквиль на Петра и Меньшикова, выведенных палачами украинскаго народа, — только одна из глав великой эпопеи московских жестокостей, развернутой на страницах «Исторіи Русов». Чего только не напиано про кн. Ромодановскаго, разграбившаго, якобы, и сжегшаго Конотоп за то, что московскія войска в 1659 г. потерпѣли поражение недалеко от этого города! Чего только не написано про лихоимство, жадность, безчеловѣчность московских воевод! Самое их появленіе на Украинѣ изображено на манер Батыева нашествія: «Они тянулись сюда разными дорогами и путями и в три мѣсяца наполнили Малороссію и заняли всѣ города и мѣстечки до послѣдняго. Штат каждаго из них довольно был многочисленный; они имѣли при себѣ разных степеней подьячих и с приписью подьячих, мѣровщиков, вѣсовщиков, приставов и пятидесятских с командами. Должность им предписана в Дум-

ном Приказѣ и подписана самим думным дьяком Алмазовым; а состояла она в том, чтобы пересмотрѣть и переписать все имѣніе жителей до послѣдняго животнаго и всякой мелочи и обложить все податьми. Для сего открыты им были кладовыя, амбары, сундуки и вся сокровенность, не исключая погребов, пасек, хлѣбных ям и самых хлевов и голубятень. По городам и мѣстечкам проѣзжія на базар дороги и улицы заперты были и обняты караулами и приставами. Со всего привозимаго на базар и вывозимаго с него взимаема была дань по распisanію воевод, а от них всякая утайка и флитировка истязается была с примѣрною жестокостію, а обыкновенныя в таких случаях прицѣпки и придирки надсмотрщиков оканчивались сдирствами и побоями. Новость сія сколько, может быть, ни обыкновенна была в других сторонах, но в здѣшной она показалась жестокою, пагубною и самую несносною. Народ от нея возстал, изумился и считал себя погибшим». Воеводам приписывается грубое обращеніе с самими гетманами. Юрія Хмельницкаго Шереметев вытолкал, якобы, из своей ставки «с крайним безчестіем от пьяных чиновников».

Пересказать всѣ приписанныя москалям притѣсненія — невозможно. Тут и тягости постоянныя царскихъ войскъ послѣ Прутскаго похода, и насильственные захваты земель русскими вельможами, безчеловѣчное их обращеніе с коѣпнотными, вродѣ того, что позволялъ себѣ какой-то брат Бирона в Стародубскомъ уѣздѣ, заставлявшій женщин кормить щенят своей грудью. Автор проявляет необыкновенную находчивость, чтобы изобразить «несносное презрѣніе в землѣ своей от народа ничѣм их (малороссов) не лучшаго, но нахальнаго и готоваго на всѣ обиды, грабленія и язвительныя укоризны».

Изоощряясь в подысканіи красок для очерненія русских, автор с чрезвычайной симпатіей отзывается о шведах, приходивших с Карлом XII на Украину. Хорошо извѣстно, что вели они себя там далеко не по джентельменски. Карл был воинствующим протестантом и еще в Саксоніи и в Польшѣ успѣлъ насильственно обратить около 80 костелов в лютеранскія кирхи. К православной вѣрѣ испытывал еще меньшее уваженіе. Церкви православныя занимал для по-

стоя и устраивал там коношши. Извѣстны многочисленныя случаи жестокостей по отношенію къ мѣстному населенію — сожженіе деревень и истребленіе жителей. Отправляясь въ Малороссію, король разсчитывал найти там богатые склады хлѣба и всяческих припасов заготовленных Мазепой, но придя не нашел ничего. Мазепа оказался ничтожным союзником. Тогда начался грабеж украинскаго населенія. «Исторія Русовъ» не упоминаетъ о нем ни однимъ словомъ, приходъ Карла описываетъ такъ: «Вступленіе шведовъ въ Малороссію нимало не похоже было на нашествіе непріятельское и ничего оно въ себѣ враждебнаго не имѣло, а проходили они селенія обывательскія и пашни ихъ, какъ друзья и скромные путешественники, не касаясь ничьей собственности и не дѣлалъ вовсе тѣхъ озорничествъ, своевольствъ и всѣхъ родовъ безчинствъ, каковы своими войсками обыкновенно въ деревняхъ дѣлаются подъ титуломъ: «Я слуга царскій! Я служу Богу и государю за весь міръ христіанскій! Куры, гуси, молодицы и дѣвки намъ принадлежатъ по праву войны и по приказу его благородія!». Шведы, напротивъ, ничего у обывателей не вымогали и насильно не брали, но гдѣ ихъ находили, покупали у нихъ добровольнымъ торгомъ и за наличныя деньги. Каждый шведъ выученъ былъ отъ начальства говорить по-русски сіи слова къ народу: «Не бойтесь! Мы ваши, а вы наши!».

Мало было, однако, сочинить подобную идиллію, надо было еще объяснить широко извѣстный фактъ ожесточенной борьбы малороссійскаго населенія со «скромными путешественниками». И тутъ авторъ «Исторіи Русовъ» не остановился передъ сочиненіемъ гнуснаго пасквиля на свой народъ. Этотъ народъ онъ уподобляетъ «дикимъ американцамъ или своенравнымъ азіатцамъ». Онъ находитъ, что убивая шведовъ цѣлыми партіями и по одиночкѣ, украинцы дѣлали это, единственно, по своей глупости; шведы же вызывали ихъ ярость тѣмъ, что не умѣли говорить по-русски и не крестились. Приводя въ русскій лагерь плѣннаго шведа, малороссъ получалъ за это «сначала деньгами по нѣскольку рублей, а на послѣдокъ по чаркѣ горѣлки съ привѣтствіемъ: «Спасибо хохленок!».

Авторъ злорадно увѣряетъ, что за свое усердіе украинцы

не были даже награждены. Награды и производства сыпались на великоруссов, а они остались «притчею в людѣх». «И хотя они в истребленіи арміи шведской болѣе всѣх показали ревности и усердія, хотя они около года губили шведов... остались без вознагражденія и уваженія». Автор с большим удовольствіем описывает, как запорожцы, ушедшіе с Мазепой в Турцію, мстили потом малороссійскому народу за его вѣрность Россіи, совершая набѣги вкупѣ с татарами и бессарабцами.

••

Мазепинская легенда преподнесена чрезвычайно искусно. Хитраго, вкрадчиваго карьериста, каким был Мазепа, нѣтъ и в поминѣ. Перед нами — «отец отечества», ставящій благоденствіе Украины выше собственной жизни. Боясь цензуры, автор не рѣшается превозносить его добродѣтели от собственнаго имени, он прибѣгает к излюбленному приему — введенія в текст фальшивых документов, сочиненных либо им самим, либо какими нибудь «патріотами» из войсковой канцеляріи. Одним из таких документов рисующих Мазепу великим государственным мужем, служит его воззваніе, якобы, выпущенное в связи с приходом Карла XII в Малороссію. Поставив гетмана в позу человека снѣдаемаго заботами за свой край, он приписывает ему разсужденіе о возможном исходѣ борьбы между Петром и Карлом. Если побѣдит царь, малороссам попрежнему суждено испытывать извѣстное им уже бремя московскаго деспотизма — истребленіе многочисленных семейств, преданіе казни невинных людей, клевету и поношенія. Если же Петр будет сокрушен доблестным шведским королем, то Малороссія неминуемо будет присоединена к Польшѣ. Судьба страны опредѣлится, в значительной степени, поведеніем самих украинцев в этот важный для них час. Что они изберут, к которой сторонѣ присоединятся? Современный читатель, хорошо знающій, что весь «патріотическій» план Мазепы заключался в присоединеніи Украины к Польшѣ на условіях Гадячскаго договора, не без любопытства прочтет о мудром намѣреніи гетмана не при-

ставать ни к одной из сторон. Ссылаясь на свой продолжительный политическій опыт, он считает за благо не воевать ни со шведами, ни с поляками, ни с русскими, но собрать собственное войско, быть готовыми отстаивать свою землю от всякаго, кто на нее посягнет. Согласно «Исторіи Русов», такое войско у Мазепы существовало в момент вторженія Карла XII. Он, будто бы, стоял с ним на Деснѣ, а свою главную квартиру учредил гдѣ-то между Стародубом и Новгород-Сѣверским. Отсюда он и обратился будто бы к малороссам с воззваніем.

Только полное незнакомство широкой читающей публики с событіями того времени вынуждает нас вкратцѣ возстановить их истинную картину, необходимую для пониманія степени ея искаженія в «Исторіи Русов».

Поведеніе Мазепы наканунѣ измѣны хорошо извѣстно⁹⁷. Окончательное рѣшеніе предать Петра созрѣло у него до вторженія Карла в Россію. Оно ускороно было письмом княгини Дольской и приложенным к нему письмом самого короля Станислава Лещинскаго, полученными 16 сентября 1707 г. Гетман уже тогда открыл свой замысел Орлику. Когда же Орлик обратил его вниманіе на возможность побѣды Петра, Мазепа воскликнул: «Или я дурак прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будет в состояніи не только Украины, но и государства своего от потенціи шведской оборонить!» Вѣрность царю он намѣрен был хранить до исхода поединка между Петром и Карлом. Выжидать результатов войны в бездѣйствіи — такова была тактика гетмана. Он меньше всего рассчитывал, что Украина станет театром военных дѣйствій и был ошеломлен извѣстіем о движеніи короля не на Москву, по Смоленской дорогѣ, как подсказывала военная логика, а на юг — в Малороссію. «Дьявол его сюда несет! Всѣ мои интересы превратит и войска великороссійскія за собою внутрь Украины впровадит». Мазепа, видимо, не знал, что марш короля, поставившій его в столь трудное положеніе, подсказан Карлу поляками, обнадежившими шведов казачьей помощью, т. е., в конечном счетѣ, вызван был измѣной самого Мазепы. Совершить роковой шаг надлежало не в концѣ, а в самом нача-

лѣ кампаніи и в полной неизвѣстности ея исхода. А не совершить было невозможно: поляки упѣли многое разболтать, да могли и выдать тайну сношеній с ними гетмана из чувства мести. Мазепѣ, поэтому, отался единственный путь — обманывать Петра до тѣх пор, пока не подойдут шведы, дабы открыто перейти к ним.

Когда царскіе генералы, к осени 1708 г., сосредоточили свои войска у Стародуба, они послали приглашеніе и гетману явиться туда же с казаками. Мазепа притворился больным, жалуясь на «педокгричную и хирокгричную» болѣзнь, не позволявшую ему даже на конѣ сидѣть. Притворство так хорошо удалось, что сам Меньшиков стал уговаривать Петра не настаивать на приѣздѣ старика, потому что «от педокгричной и хирокгричной приключилась ему апелепція». Меньшиков хотѣл только выяснитъ какіе-то частные вопросы в бесѣдѣ с гетманом, для каковой цѣли отправился к нему в Батурин.

У Мазепы, тѣм временем, шли совѣщанія с его приближенными о посылкѣ гонца к Карлу XII. Гетман пребывал в состояніи крайней нерѣшительности, чѣм вызывал небольшое раздраженіе заговорщиков. Послѣ дебатов, даже ссор, послан был с письмом к королю Быстрицкій — правитель Шептаковской волости. От встрѣчи с Меньшиковым рѣшено было всячески уклоняться. Послали к нему племянника Мазепы Войнаровскаго с увѣдомленіем об отъѣздѣ гетмана в Борзну, гдѣ его ждет кievскій архіерей для соборованія, «понеже конечно при кончинѣ своея жизни обрѣтается». Меньшиков опечалился: «жаль такого хорошаго человека». Но вмѣсто того, чтобы вернуться назад, рѣшил как можно скорѣе ѣхать в Борзну, чтобы застать гетмана в живых. Это повергло в ужас Войнаровскаго. Ночью он бѣжал, чтобы предупредить Мазепу. Тѣм временем в Борзну прискакал Быстрицкій с извѣстіем о приближеніи Карла. Король обѣщал быть у Мокшанской пристани 22 октября, но в этот день не явился, а 23-го прибѣжал Войнаровскій, объявившій, что завтра к обѣду приѣдет в Борзну Меньшиков для свиданія с умирающим гетманом. Мазепа «порвался, как вихрь» и немедленно помчался в Батурин, а ночью 24 октября был уже у шведов. Никакой штаб-квар-

тиры «между Стародубом и Новгород-Сѣверским» и никакой многочисленной армии на Деснѣ не существовало. Боясь казаков и не доверяя им, Мазепа их, попросту, не собрал, предпочитая опираться на польских сердюков⁸⁸. Казацье войско пришлось собирать новому гетману — Скоропадскому. «В здѣшней старшинѣ, — доносил Петру Меньшиков, — кромѣ самых вышних, також и в подлом (простом) народѣ с нынѣшняго гетманскаго злого учинку никакого худа ни в ком не видать».

«Вооруженный нейтралитет» был позой придуманной для Мазепы автором «Исторіи Русов». Еще большей фантастикой может считаться приписанное Мазепѣ утверждение, будто шведскій и польскій короли, по его настоянію, общали не разорять Украйны, а покровительствовать ей во время своего нашествия. Удалось, якобы, гетману добиться согласія на нейтралитет Украйны в предстоящей войнѣ и от единовѣрной православной Россіи. При заключеніи мира Малороссія могла выступить, как самостоятельное государство, каким она была до польскаго владычества — со своими князьями, с древними правами и привилегіями. По словам «воззванія», великія европейскія державы — Франція и Германія согласны гарантировать такой порядок вещей.

Самостійническіе историки видят в этом воззваніи свой идеал національной независимости. «Исторія Русов» была, повидимому, главной виновницей того, что с этим идеалом связано имя Мазепы — самага непопулярнаго и самага ненаціональнаго из гетманов. Однако, возложив на него столь важную историческую миссію автор «Исторіи Русов» вынужден был и всю личность Мазепы представить в исключительно выгодном свѣтѣ. Прежде всего, он рисует его человеком религиозным, богобоязненным, создателем многих церквей. Мазепа и в самом дѣлѣ выстроил их не мало, но по словам Костомарова, дальше этих внѣшних знаков благочестія его религиозная жизнь не пошла. Во всяком случаѣ, не из нея вытекало его поведеніе послѣ измѣны, когда он, перебѣжав к Карлу, продолжал, якобы, соблюдать «нейтралитет» боясь пролитія крови единовѣрцев. В прошлом, он этой крови не жалѣл, особенно крови

своих разоблачителей, таких как Кочубей и Искра, таких как Палфй, котораго он упек в Сибирь, да и таких, как его прежній начальник и благодѣтель — гетман Самойлович. Есть основаніе думать, что служа при Дорошенкѣ генеральным писарем, он не чужд был работорговли. По крайней мѣрѣ, кошевой Серко перехватил его однажды по дорогѣ в Константинополь, куда он вез в подарок султану от Дорошенко 14 лѣвобережных казаков. Подметное письмо, найденное в Кіевѣ в 1670 году, прямо утверждает, что Мазепа людей русских православных продавал татарам и туркам. «Исторія Русов» об всем этом, конечно, не упоминает. Только уклониться от объясненія хорошо всѣм извѣстной казни Искры и Кочубея, открывших измѣну Мазепы, — не сочла возможным. Но тут она, нисколько не задумываясь, приписала эту казнь не Мазепѣ, а царю Петру. Гетман, до самой смерти, остался кротким, добродѣтельным господином, умирая сжег даже ларец, в котором хранились списки его единомышленников, дабы не свергнуть их в бѣду. Что никаких таких списков не могло существовать, ясно было не только историкам, но и современникам. Петр писал Апраксину: «Он не токмо с совѣту всѣх, но из пяти персон сіе зло учинил». «Исторія Русов», между тѣм, не прочь повернуть дѣло так, что он этого зла и не собирався учинять, что переход его на сторону Карла был вынужденным по причинѣ поведенія все того же глупаго народа и казаков, не пожелавших соблюдать «нейтралитета» и видѣть в шведах своих лучших друзей и освободителей, к чему призывал поддѣльный манифест Мазепы.

Чтобы покончить с темой Мазепы и с ея трактовкой в «Исторіи Русов», приведем выдержку из Костомарова, посвятившаго Мазепѣ, под конец своей жизни, обширную монографію. Вот каким представляется ему это божество самостійников:

«Гетман Мазепа, как историческая личность, не был представителем никакой національной идеи. Это был эгоист в полном смыслѣ этого слова. Поляк по воспитанію и пріемам жизни, он перешел в Малороссію и там сдѣлал себѣ карьеру поддѣлываясь к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравствен-

ными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всѣми, всѣх обманывал — и поляков, и малороссян, и царя, и Карла, всѣм готов был дѣлать зло, как только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться из опасности»⁹⁹.

Не менѣе ярко и столь же невѣрно представлен в «Исторіи Русов» эпизод с полковником Полуботком — героем послѣдней вспышки казачьяго путчизма. Предательство Мазепы поставило перед Петром вопрос о реформѣ управленія на Украинѣ, которая служила бы гарантіей неповторенія измѣн и бунтов. Получив наглядный примѣръ шатоности старшины и полной преданности простого народа, Петр рѣшился на то, на что не могли рѣшиться предыдущіе цари — смѣлѣе опираться на народ и лишить старшину захваченных ею прав безконтрольнаго хозяйничанья в краѣ. Первымъ шагомъ к такому преобразованію было учрежденіе Малороссійской Коллеги — особаго вѣдомства по управленію Малороссіей, созданнаго в 1722 г. Состояла она из шести штаб-офицеровъ под предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Официально, это был как бы совѣтъ при гетманѣ Скоропадскомъ, но он имѣлъ право надзора за судьями и приѣма жалобъ от населенія на казачьи власти, даже на верховный войсковой суд и войсковую канцелярію. Коллегія слѣдила за всей входящей и исходящей пепепиской канцеляріи и осуществляла наблюденіе за финансами.

В именномъ указѣ по поводу ея учрежденія сказано, что «она учинена не для чего иного токмо для того дабы малороссійскій народъ ни отъ кого, какъ неправедными судами, такъ и отъ старѣйшины налогами утѣсняемъ не былъ».

Послѣ измѣны и бѣгства Мазепы притѣсненіе мелкаго казачества и крестьянъ не только не ослабло, но приняло еще большіе размѣры. «Полковники обращали себѣ в подданство многихъ старинныхъ казаковъ. Нѣжинскій полковникъ в одной Верхлеевской сотнѣ поневолилъ болѣе 50 человекъ,

полтавскій полковник Черняк закабалил цѣлую Нехворощенскую сотню... переяславскаго полка березинской сотни баба Алексѣиха Забѣловна Дмитрящиха больше 70 чело-вѣк казаков поневолила». Жалобы и челобитья простого народа рисуют знакомую, по предыдущей главѣ, картину беззащитнаго закабаленія: «полковники казаков сосѣдей своих по маетностям принуждают за дешевую цѣну продавать свои грунты, мельницы, лѣса и покосы». По жалобѣ казаков на нѣжинскаго полковника Журковскаго, гетман Скоропадскій дал им универсалы, ограждавшіе от дальнѣйших обид, но когда они с этими универсалами явились к полковнику, тот обобрал их, бил, посадил в тюрьму и держал до тѣх пор, пока они не дали письменнаго обязательства быть у него навѣки в подданствѣ¹⁰⁰.

Послѣ разсылки по всей Украинѣ печатнаго указа, объяснѣвшаго задачи новой коллегіи, старшина почувствовала, что ея управленію приходит конец, а когда увидѣла, что Петр не на шутку начинает выводит на чистую воду всѣ ея дѣла о неправильно захваченных землях и несправедливо закрѣпощенных людях, она пришла в ужас. Но ее ждал еще один удар. Петр замыслил полное упраздненіе гетманства. Когда умер Скоропадскій, новые гетманскіе выборы не были назначены. Царь велѣл исполнять обязанности гетмана черниговскому полковнику Павлу Полуботку, совѣтуясь во всѣх дѣлах с генеральной старшиной и с Малороссійской Коллегіей. Не подлежит сомнѣнію, что не умри Петр так рано, Скоропадскій вошел бы в исторію, как послѣдній украинскій гетман. Но наступившая послѣ смерти императора реакція и гибель многих его начинаній вызвали, в числѣ прочих мѣропріятій, реставрацію малороссійскаго гетманства. В 1727 году, по предложенію того же Меньшикова, состоялись гетманскіе выборы и булава, лежавшая праздно пять лѣтъ, вручена была Данилу Апостолу — бывшему мазепинцу, ушедшему к Карлу XII, а потом снова перебѣжавшему к царю.

Эпизод с Полуботком разыгрался, согласно «Исторіи Русов», на почвѣ введенія малороссійской коллегіей налогов. Сообщается об этих налогах таким тоном, будто они введены впервые. Автор, видимо, забыл, как он нѣсколь-

кими десятками страниц рани поносил и проклинал Москву за взимание непосильных податей и поборов в Малороссии. Теперь оказалось, что до учреждения Малороссийской Коллегии, т. е. до 1722 г., никаких таких поборов и не было. Москва, действительно, ничего в свою пользу не получала, но малороссийский народ платил очень тяжелые подати в гетманскую казну. В 1722 году, все было оставлено попрежнему: финансы Украины, как и прежде, оставались отделенными от общероссийских финансов, но произошло нечто небывалое дотоле — Малороссийская Коллегия обложила налогом привилегированный слой казачества — старшину. Это и дало повод к жалобам на податное бремя. Вина Полуботка заключалась, якобы, в том, что он вместе со старшиной выступил перед Сенатом с просьбой об избавлении казачьих чинов от обложения. Сенат, по словам «Истории Русов», внял и освободил, но Петр, вернувшись из персидского похода, восстановил налоги, а самого Полуботка с его приспешниками вызвал в Петербург.

Когда они предстали перед царем и снова просили об избавлении от тягот и о возвращении старых привилегий, Петр, по внушению Меншикова, назвал их, будто бы, изменниками и «повелел истязать и судить Тайной Канцелярией». Тайная Канцелярия, после пыток раскаленным железом, осудила всех на пожизненное тюремное заключение с конфискацией всего имущества. Услышав такой приговор, Полуботок, по словам «Истории Русов», произнес перед царем смелую речь, обличая незаконность его поступка и несправедливость кары постигшей старшину. Он не только напомнил царю о невыносимых податях покорно выплачиваемых населением, но о строительстве крепостей, о рытье каналов и осушении болот, где гибнут тысячи малороссов от голода и усталости, напомнил о нарушении царскими чиновниками стародавних прав и обычаев малороссийских, о ненависти царских фаворитов, безжалостных врагов Украины, правящих ею на манер азиатских тиранов. «Я знаю, что нас ожидают цепи и мрак тюрьмы, где нас уморят голодом и лишениями, по московскому обычаю, но пока, я жив, я скажу тебе всю правду, государь».

Послѣ столь эффектной рѣчи дается мелодраматическое описаніе смерти Полуботка в Петропавловской крѣпости, куда к нему, якобы, пришел Петр Великій, чтобы попросить прощенія. Полуботок не простил его и умирая произнес еще одну блестящую рѣчь: «За неповинныя страданія мои и моих земляков будем судиться у нелицеприятнаго судьи, Бога нашего: скоро станем перед ним и он разсудит Петра и Павла».

Эти рѣчи Полуботка, сохраненныя нам «Исторіей Русов», пользовались необычайным успѣхом среди фрондирующей казачьей старшины, расходясь по рукам во множествѣ списков. Кромѣ «Исторіи Русов» онѣ попали в "Les annales de la Petite Russie" Бенуа Шерера, вышедшія в Парижѣ в 1788 г. Кромѣ того, портрет Полуботка с выгравированной под ним цитатой из его «рѣчи» висѣл чуть не в каждом полковничьем и сотническом домѣ. По мнѣнію позднѣйших изслѣдователей, изображен был на нем не Павел, а его отец Леонтій Полуботок, но это нисколько не мѣшало почитанію черниговскаго полковника, причисленнаго к лику національных героев.

Надо ли говорить о том, что исторія Полуботка, как всѣ аналогичные эпизоды, изложена «Исторіей Русов» в самом превратном видѣ, а рѣчи его сочинены?

Подложность их давно не вызывала сомнѣній, даже у самостійников. Один из них, Александр Оглоблин, признал это недавно совершенно открыто ¹⁰¹.

При спокойном разсмотрѣніи в свѣтѣ документальнаго матеріала, какой мы находим у таких историков, как С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, А. М. Лазаревскій ¹⁰², дѣло Полуботка и самая личность его выступают в совѣм ином видѣ. Не безкорыстный патріотизм, а печать все того же казачьяго хищничества лежит на них.

Конфликт «мѣстоблюстителя» гетманских клейнодов с Малороссійской Коллегіей был вызван не одним лишь обложеніем податями правящаго сословія, но разсылкой по полкам универсалов, предоставлявших право простым ка-

закам подавать в коллегию жалобы на притѣсненія со стороны старшины.

Мы уже видѣли, как в теченіе полустолѣтія старшина ожесточенно боролась против такого права. Она старалась всѣми силами изолировать простое казачество от царской администраціи, она хотѣла быть его высшим и полѣдным начальством. А теперь позволено было не только казакам жаловаться на своих полковников и сотников, но и крестьянам на помѣщиков. Крестьяне воспрянули духом, стали вести себя болѣе независимо, а кое гдѣ и побили помѣщиков. Жертвой таких расправ сдѣлался один из казачьих магнатов, извѣстный Забела. Тогда Полуботок с своими товарищами рѣшился на открытое нарушение царскаго приказа. А приказ запрещал кому бы то ни было издавать универсалы без согласія Малороссійской Коллегіи. Превысив власть, Полуботок, вкупѣ со старшиной, выпустил универсал направленный против Малороссійской Коллегіи и требовавшій от крестьян повиновенія своим помѣщикам. Петр усмотрѣлъ в этом рецидив старой казачьей крамолы и вызвал Полуботка с его приближенными в Петербург для объясненія. Прослышав об этом, стародубскіе и любецкіе поселенцы послали туда своих челобитчиков с жалобами на старшину и с просьбой замѣнить казачій суд имперским. Полуботок с товарищами объявили это посольство фальшивым, подстроеным Малороссійской Коллегіей. Петру, видимо, давно надоѣло положеніе, при котором обо всяком нестроеніи в Малой Россіи невозможно было имѣть яснаго представленія. Обнаруживался ли факт растущей безлошадности среди казаков, гетман объяснял это поставкой подвод проѣзжим великороссам, а сами казаки — работами, которыми утѣсняют их полковники; оказывалось ли, что в нѣкоторых городах ратуши «стали пусты», гетман винил в этом генералов и офицеров, расквартированных в данных городах и требовавших себѣ на кухни всяких запасов, а жители доносили, что хотя ратуши, дѣйствительно, снабжают войска продовольствіем, но для этой цѣли с народа идут поборы на ратуши, а бѣда лишь в том, что поборы значительно превышают то, что требует-

ея для прокорма гарнизонов, потому что «тѣмъ корыстуются полковники, сотники, атаманы и войты».

В случаѣ с Полуботком, царь рѣшил добиться болѣе объективной информации о положеніи на Украинѣ, он отправил туда Румянцева — довѣренное лицо, с цѣлью опроса населенія. Полуботок с товарищами, крайне заинтригованные наказом, данным царскому посланному, рѣшились на подкуп подъячих сенатской канцеляріи с цѣлью вывѣдать содержаніе секретной инструкціи. Когда это удалось, они отправили в нужныя мѣста ходоков, снабженных тоже инструкціей, предупреждавшей и указывавшей что дѣлать, как отвѣчать на вопросы Румянцева, какія свѣдѣнія давать, а каких не давать. Посланы были распоряженія о сожженіи документов. У самого Полуботка в домѣ, служанка Марья сожгла какія-то бумаги, а палачу, состоявшему в вѣдѣніи гетмана, приказано было эту Марью убить, да и еще кое кого, чьих доносов и показаній опасались. Полковникам и сотникам приказывалось спѣшно помириться с обиженными ими людьми и даже ублажить их чѣм можно. Сыну Полуботка Андрею приказывалось призвать сотника любецкаго и завѣрить его в полном удовлетвореніи, которое будет дано людям его сотни, лишь бы они, да и сам сотник, не жаловались Румянцеву на Полуботка. Велено писать жалобы на россіян, на их безчинства, на тяготы от постоя войск. От своих людей, находившихся в казачьих отрядах стоявших при границѣ на рѣкѣ Коломакѣ, удалось добиться составленія петиціи на царское имя с жалобами на притѣсненія великорусскаго начальства, его несправедливости и незаконные поборы. Все было сдѣлано, чтобы парализовать работу Румянцева и сбить его планы. Тѣм не менѣе, многое ему удалось узнать, а главное, убѣдиться в страшном недовольствѣ народа казачьим режимом. Еще до полученія от него донесеній, Петр узнал о продѣлках Полуботка, о подкупѣ подъячих, и приказал учинить слѣдствіе. Всѣ бумаги арестованных попали в руки властей, благодаря чему вскрылась не только картина их происков, но и многія беззаконія на Украинѣ, которыя хотѣли скрыть.

Ни одному из перечисленных выше авторов, просма-

тривавших историческій матеріал связанный с этим эпизодом, не попадалось свѣдѣній о пытках каленым желѣзом, да и вообще о каких либо пытках. Не найдено намёка и на знаменитыя рѣчи Полуботка. Странно было бы и предполагать, чтобы крѣпостник, ненавидимый собственным народом, мог морально торжествовать над царем, державшим в руках многочисленныя свідѣтельства народнаго недовольства старшиной и всеобщаго требованія упразднить ненавистныя старшинскіе порядки. Судя по сохранившимся извѣстіям о том, что Полуботку были показаны всѣ эти матеріалы, можно заключить об обратной картинѣ: не он укорял царя, а царь обличал его самого. Власти располагали документальными данными о его личных злоупотребленіях — скупкѣ казацких земель, незаконном закрѣпощеніи во время управления черниговским полком.

Сам Полуботок, не дождавшись конца слѣдствія, умер в крѣпости осенью 1724 года. Единомышленники его, Савич и Черныш, просидѣли еще около 2 лѣт и освобождены при Екатеринѣ I, по ходатайству «врага Украйны» кн. Меньшикова.

Дѣло Полуботка означает переломный момент в судьбѣ казацкой старшины. Она ясно стала понимать, что эпоха ея хозяйничанья в Малороссіи кончилась, что царь, раздраженный безконечными путчами и измѣнами, рѣшился прибѣгнуть к вѣрнѣйшему средству ея обузданія — поднять на нее постоянно кипѣвшую ярость народа. Боязнь все потерять была, повидимому, настолько сильна, что украинская аристократія перестает держаться за старинныя казачьи права и всѣ силы употребляет на удержаніе накопленных реальных выгод и цѣнностей. Она вступает на путь быстро превращенія в російское дворянство. Исторія полна метаморфоз и перевоплощеній; и это не первый случай, что насильническая буйная стихія становится, с теченіем времени своей полной противоположностью. Отбросив прежніе казачьи иллюзіи, степная вольница вступила на путь имперскаго строительства Малороссіи и всей Россіи. Из нея вышли великолѣпные государственные, военные и церковные дѣятели, множество ученых, писателей,

да едва ли не вся та интеллигенція, которая, вмѣстѣ с петербургской и московской, создала культуру мірового значенія.

Такое превращеніе облегчено было смертью Петра. Петр не шибко жаловал и великорусское дворянство. Бывали минуты, когда он задумывался над его упраздненіем. Безусловно, между великорусским и малорусским шляхетством образовалась нѣкая общность судьбы и общность интересов. Поэтому, возстановленіе гетманства в 1727 г. и упраздненіе Малороссійской Коллегіи надо разсматривать не иначе, как в связи с приходом к власти дворянства, открывшаго послѣ кончины Петра эру своего процвѣтанія. Характерно, что бригадира Вельяминова, главу Малороссійской Коллегіи, привлекли к отвѣтственности за какія-то «злоупотребленія». Не в злоупотребленіяхъ было дѣло, а в том, чтобы уничтожить петровскую политику, потворствовавшую крестьянину в ущерб помѣщику. Россійское дворянство помогло малороссійскому избавиться от этой грозной опасности, а малороссійское, в свою очередь, поняв ее, совершило быстрый «спуск на тормозахъ», отказавшись от прожняго казачьяго обличья и казачьяго самоуправленія. Гетманство Данилы Апостола, а потом Кирилла Разумовскаго, создано было как бы для того, чтобы облегчить эту эволюцію. Но и тут украинских помѣщиков не покидала строгая расчетливость. Они до самаго воцаренія Петра III туго шли на «превращеніе». Причина заключалась в неравенствѣ прав. Как ни прибѣднялось, ни хныкало малороссійское шляхетство, постоянно твердившее о каких-то «оковахъ», оно пользовалось гораздо большими вольностями и льготами, в смыслѣ государственной службы, чѣм его великорусскіе собратья. В этом отношеніи оно стояло ближе к польскому панству. Сливаться с великорусским благородным сословіем на основѣ его строгой и неукоснительной службы государству, ему не очень хотѣлось. Только когда Петр III и Екатерина, своими знаменитыми грамотами, освободили руссійское дворянство от обязанности служить, сохранив за ним, в то же время, всѣ права и блага помѣщичьяго сословія — у малороссов отпали всякія причины к обособленію. С этих пор они идут бы-

стро на полную ассимиляцію. Впоследствии, А. Чепя — один из друзей В. Полетики и, повидимому, инспиратор «Исторіи Русов», снабжавший ея автора необходимыми матеріалами и точками зрѣнія, — писал своему другу: пока «права дворян русских были ограничены до 1762 г., то малороссійское шляхетство почло за лучшее быть в оковах, чѣм согласиться на новые законы. Но когда поступили с ними по разуму и издан указ государя императора Петра III о вольностях дворян (1762 г.) и высочайшая грамота о дворянствѣ (1787), когда эти двѣ эпохи поровняли русских дворян в преимуществах с малороссійским шляхетством, тогда малороссійскіе начали смѣло вступать в россійскую службу, скинули татарскія и польскія пѣатья, начали говорить, пѣть и плясать по-русски»¹⁰³.

«Исторія Русов» извѣстна была сначала под именем «Лѣтописи Конисскаго», но уже в серединѣ XIX вѣка начали приходить к заключенію о неправдоподобности участія могилевскаго архіепископа в ея составленіи. Автора стали усматривать в том самом Григоріи Полетикѣ, которому, по утверженію Бодянскаго, Конисскій вручил лѣтопись. Григорій Полетика родился в 1725 году, в семьѣ одного из казацких старшин, слѣдовательно, хорошо помнил время усиленнаго закрѣпощенія крестьянства и, одновременно, непріязнь к Петру за ущемленіе им старшинскаго произвола. Человѣкъ суровый, холодный, беспощадный в обращеніи с подчиненными, как его характеризует один из самостійнических историков, он был ревностным сторонником насажденія крѣпостного права на Украинѣ и глашатаем исключительнаго господствующаго положенія казачьяго дворянства. Его перу принадлежат двѣ записки, развивающія эту идею.

Естественно, он стал центром притяженія ему подобных; вокруг него собрался тот кружок, из котораго вышла «Исторія Русов». Сын его Василій, подобно отцу, принимал близко к сердцу интересы своего сословія и составил «Записку о началѣ, происхожденіи и достоинствѣ ма-

лороссійскаго дворянства». Высказано мнѣніе, что он, а не отец его — истинный автор «Исторіи Русов»¹⁰⁴.

Вопрос об авторствѣ занимает нас меньше, чѣм другой; почему в концѣ ХУІІІ — в началѣ ХІХ вѣков все еще существовали люди недовольные имперским правительством и облакавшіе свое недовольство в старинныя казачьи формы? Казалось бы, запорожская вольница добилась всего, о чем мечтала — богатства, власти, земель, крѣпостных крестьян. Чѣм могли питаться теперь ея антирусскія настроенія? Для подавляющаго большинства прежней старшины — ничѣм.

Мы знаем, что оно прекратило всякую фронду и стало оплотом самодержавія наряду с великорусским дворянством. Но осталась кучка не до конца «устроенных». Чтобы понять ея недовольство, надо пристальнѣе присмотрѣться к «Исторіи Русов» с ея навязчивой идеей шляхетства-казачества. Это главная тема и политическій нерв произведенія.

«Шляхетство, по примѣру всѣх народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в землѣ пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством, заключающим в себѣ бояр, происшедших из княжеских фамилій, урядников по выборам и простых воинов, называемых казаками по породѣ, кои производят из себя всѣ чины выборами и их по прошествіи урядов возвращая в прежнее званіе, составляли одно рыцарское сословіе искони тако самым их статутным правом утверждаемое, и они имѣли вѣчистою собственностью своею однѣ земли с угодьями, а поспольством владѣли по правам и рангам и повинность посполитых была установлена правами. А владѣвшіе ими в отношеніи власти их над поспольством считались и назывались отчичами или вотчинниками, от слова и власти взятых по древним патриціям, то-есть отцам народным управлявшим первоначальными семействами и обществами народными, с кротостью и характером отеческими. Духовенство, выходя из рыцарства по избраніи достойных, отдѣлялось только на службу Божию, а по земству имѣло одно с ними право». Автор с возмущеніем отвергает мнѣніе, будто казаки судились по

каким-то собственным специально для них изданным законом, а не по обычному шляхетскому праву, «по статутным артикулам для шляхетства узаконенным».

Судя по тому, как часто, кстати и некстати, подчеркивается их рыцарское достоинство, к каким изощренным приемам фальши прибѣгает автор, чтобы утвердить за ними шляхетскія права, можно заключить о болѣзненной чувствительности этого пункта. Весь тон повѣствованія похож на страстный отвѣтъ кому-то, кто оспаривает казачье дворянство. Перед нами драма той части потомков Кошек Подков, Гамалиев, которая успѣла добиться всего, кромѣ прав благороднаго сословія.

Не было, кажется, случая, чтобы имперское правительство лишало малороссійскаго помѣщика земель и крестьянских душ только за то, что он не дворянин; помѣщики продолжали владѣть, де факто, тѣми и другими, но сами отлично знали, что это противозаконно. Страдало их самолюбіе и от таких «мелочей», как недопущеніе, на первых порах, в Шляхетный кадетскій корпус (открытый в 1731 г.) дѣтей малороссов, «поелику-де в Малой Россіи нѣтъ дворян». Казачество так быстро сдѣлало помѣщичью карьеру, что не успѣло еще изгладиться из памяти его происхожденіе. Граф Румянцев, в письмах к Екатеринѣ II, рассказывает, что при выборах в Комиссію по составленію Новаго Уложенія рѣдкое собраніе обходилось без саморазоблаченій; всегда кого нибудь собственные же сосѣди публично уличали в отсутствіи у него дворянскаго званія. Тогда обиженный вставал и начинал перечислять всѣх крупных вельмож — своих земляков, ведущих род либо «от мѣщан», либо «от жидов». Царское правительство смотрѣло на это сквозь пальцы, оно неуклонно вело политику превращенія мѣстных самочинных «аграріев» в російских дворян. Тѣ же выборы в екатерининскую комиссію 1767 г., проводившіеся в Малороссіи по сословному принципу, как во всей Россіи, означали фактическое признаніе тамошних помѣщиков за дворян. Со времен царя Алексѣя Михайловича началась практика выдачи всевозможных грамот, закрѣплявших за панами в вѣчное потомственное владѣніе земель и угодій. Совершенно ясное

узаконеніе малорусскаго дворянства произведено распространеніем на Малороссію (в 1782 г.) закона о губерніях и уравненіем крестьян и помѣщиков обѣих частей государства по указу 1783 г. Наконец, через два года явилась Жалованная Грамота Россійскому Дворянству, относившаяся в одинаковой мѣрѣ как к великоруссам, так и малоруссам.

Но одно дѣло — общее законодательство, а другое — бюрократическая практика. В скрипучей машинѣ необъятной имперіи колеса вертѣлись не всегда гладко. На Украинѣ оказалось столько отгѣнков и категорій панства, что их трудно было перевести на всероссійскую скалу.

Продолжал, также, дѣйствовать род государственнаго преступленія, учиненнаго Богданом Хмельницким, который, получив согласіе царя на небывало высокую цифру казачьяго реестра в 60.000 человек, так и не составил этого реестра. Когда заходила рѣчь о жалованьи казаками и московское правительство требовало списки, их не оказывалось. Никто не знал, сколько в Малороссіи казаков и неизвѣстно было, кто казак, а кто мужик. Вопрос этот рѣшался, обычно, по личному усмотрѣнію старшины.

Дворянское званіе закрѣпляли сначала за чинами войскового уряда, что было довольно просто, тѣм болѣе, что большинству этих тузов шляхетство давно было пожаловано либо польским королями, либо царями московскими. Сравнительно легко справились с полковой аристократіей, приравняв полковников к бригадирам, полковых есаулов, хорунжих и писарей — к ротмистрам, сотников — к поручикам и т. д. Но оставалось много званій, которых табель о рангах не предвидѣла и не вмѣщала. С ними были вѣчныя недоразумѣнія, усугубленныя дѣятельностью малороссійских депутатских дворянских собраній. Призванныя разбирать права своей страждущей братіи, они по словам А. Я. Ефименко, «завели чуть-что не открытую торговлю дворянскими правами и дипломами».

Все это способствовало недовольству и популярности того «ученія», согласно которому казацким потомкам вовсе не нужно доказывать свое шляхетство, поскольку казачество извѣку было шляхетским сословіем.

До какой степени проблема «прав» тревожила умы и

какой климат создавала она на Украинѣ, можно судить по тому, что еще в шестидесятых годах ХVIII вѣка южное дворянство, в массѣ своей, не могло предъявить никаких документов в подтвержденіе своего «благороднаго» происхожденія: объясняли это гибелью семейных архивов во время смут и войн. Однако, лѣтъ черезъ пятнадцать-двадцать, ко времени возникновенія комиссіи о разборѣ дворянскихъ прав в Малороссіи, до ста тысячъ дворян явилось с превосходными документами и с пышными родословными.

Оказалось, что Скоропадскіе, напримѣр, происходят от нѣкоего «референдарія над тогочасною Україною», Раславы — от польскихъ магнатовъ Ходкевичей, Карновичи — от венгерскихъ дворян, Кочубеи — от татарскаго мурзы, Афендики — от молдавскаго бурколаба, Капнисты — от мифическаго венеціанскаго графа Капнисты, жившаго на островѣ Зантѣ. Появились самыя фантастическіе гербы. Весь Бердичев трудился над изготовленіемъ бумагъ и грамот для потомковъ сѣчевыхъ молодцов. Поддѣльность ихъ гербовъ и генеалогій была настолько общеизвѣстна, что появились сатирическія поэмы вродѣ: «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны».

«Да вже ж наши дворяне гербы посилають,
А що я був дворянинъ, то-того й не знають».

Этотъ дворянинъ, еще недавно косившій, молотившій, жавшій и лишь в послѣднее время «трохи якъ розживсь» — сочинилъ себѣ тоже гербъ:

«Вон у мене гербъ який
В деревянемъ цвѣти
Ще ни в кого не було
В Остерскомъ повити.
Лопата написана
Держаломъ у гору,
Побачивши скаже всякъ,
Що воно безъ спору.
У середини грабли,
Выла и сокира,
Якими було роблю,
Хоть яка сквира».

В таком же духѣ написано прошеніе пана депутата Пдещинскаго, который просит его уволить от обязанностей выборной своей службы по той причинѣ, что он «посвятил всю свою жизнь шинковому промыслу»¹⁰⁵.

Когда до Герольдіи дошли свѣдѣнія о злоупотребленіях на почвѣ «посиланія» гербов, она стала придиричливой и затруднила доступ в дворянство тѣм, кто еще не успѣл попасть туда. Особенныя строгости начались с 1790 года.

В этот трудный для извѣстной части малороссійскаго шляхетства період, когда оно втайнѣ раздражено было против имперскаго правительства, возник рецидив казачьих настроеній, вылившійся в сочиненіи фантастической «Исторіи Русов».

Все, чѣм казачество оправдывало свои измѣны и «замятни», свою ненависть к Москвѣ, оказалось собранным здѣсь в назиданіе потомству. И мы знаем, что «потомство» возвело эту запорожскую политическую мудрость в символ вѣры. Стоит разговариваться с любым самостійником, как сразу обнаруживается, что багаж его «національной» идеологіи состоит из басен «Исторіи Русов», из возмущеній «проклятой» Екатериной II, которая «зачипала крюками за ребра и вишала на шибеници наших украинських казакив». Казачья идеологія сдѣлана національной украинской идеологіей. В противоположность европейским и американским сепаратизмам, развивавшимся, чаще всего, под знаком религіозных и расовых отличій либо соціально-экономических противорѣчій, украинскій не может основываться ни на одном из этих принципов. Казачество подсказало ему аргумент от исторіи, сочинив самостійническую схему украинскаго прошлаго, построенного сплошь на лжи, поддѣлках, на противорѣчіях с фактами и документами. И это объявлено, нынѣ, «шедевром украинской исторіографіи».

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Для первой половины XIX вѣка констатировано полное затуханіе казачьяго автономизма, что вполне понятно, если принять во вниманіе исчезновеніе самого казачества. Помимо горсти фрондеров типа Полетики, державшихся трусливо и ворчавших ничуть не грознѣе членов московскаго Аглицкаго клуба, никакого политическаго націонализма на Украинѣ, в то время, не существовало. По словам Грушевскаго, уже со времен Петра Великаго началось стираніе граней в культурном обликѣ малоруссов и великоруссов. Образованныя украинскія силы, особенно духовенство, широко были привлечены к строительству Россійской Имперіи. «Великорусскій языкъ входит в широкое употребленіе, не только в сношеніях с россійскими властями, но вліяет и на языкъ внутренняго украинскаго дѣлопроизводства, входит и в частную жизнь и в литературу Украйны»¹⁰⁶.

Этот «великорусскій» языкъ был, разумѣется, тѣм общероссійским языком, в выработкѣ котораго малоруссы приняли одинаковое, если не большее участіе вмѣстѣ с великоруссами. Именуя его великорусским, Грушевскій дѣлает вид, будто он, как нѣчто чуждое, принесен извнѣ государственным порядком, хотя ни фактов насильственнаго его внѣдренія не приводит, ни открытаго утвержденія в этом смыслѣ не позволяет себѣ. «По мѣрѣ того, — говорит он, — как культурная жизнь обновленной Россіи понемногу растет, с середины XVIII вѣка великорусскій языкъ и куль-

тура овладѣвают все сильнѣе и глубже украинским обществом. Украинцы пишут по-великорусски, принимают участие в великорусской литературѣ, и много их становится даже в первые ряды новаго великорусскаго литературнаго движенія, занимают в нем выдающееся и почетное положеніе».

Процесс слиянія малороссійскаго шляхетства с великорусским шел так быстро, что окончательное упраздненіе гетманства при Екатеринѣ не вызвало никакого сожалѣнія. Всѣ прочія переменны встрѣчены столь же легко, даже с сочувствіем. Если небольшая кучка продолжала твердить о прежних «правах», то очень скоро «желаніе к чинам, а особливо к жалованію» взяло верх над «умоначертаніями старых времен». Как только разрѣшился в благопріятную сторону вопрос о провѣркѣ дворянскаго званія, южно-русское шляхетство окончательно сливается с сѣверным и становится фактором общероссійской жизни. Забвеніе недавняго автономистскаго прошлаго было так велико, что по словам того же Грушевскаго «созиданіе національной жизни» пришлось начинать «заново на пустом мѣстѣ»¹⁰⁷.

Все, что подходило под понятіе національной жизни на Украинѣ в первой половинѣ XIX столѣтія, представлено было любителями народной поэзій и собирателями фольклора, добрая половина которых состояла из «кацапов», вродѣ Вадима Пассека, И. И. Срѣзневскаго, А. Павловскаго. Даже Н. И. Костомаров до двадцатилѣтняго возраста не знал, великорусс он или малорусс.

Что же до природных украинцев — М. А. Максимовича, А. Л. Метелинскаго, И. П. Котляревскаго, Е. П. Гребенки, то они не только не противопоставляли украинизма руссизму, но всячески подчеркивали свою общероссійскую природу, нисколько не мѣшавшую им быть украинцами. «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссіянину перед русским, ни русскому перед малороссіянином. Обѣ природы щедро одарены Богом и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себѣ то, чего нѣтъ в другой».

Эти слова Гоголя могут считаться выражающими настроенія подавляющаго числа тогдашних малороссійских патріотов. Весь их патріотизм заключался в простой, естественной, лишенной какой бы то ни было политической окраски, любви к своему краю, к его природѣ, этнографіи, к народной поэзи, к пѣсням и танцам. Самая дѣятельность их заключалась в собираніи этих пѣсен и сказок, в изученіи языка и быта, в сочиненіи собственных стихов и повѣстей на этом языкѣ. «Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цѣну народности, — писал Максимович в предисловіи к своему сборнику малороссійских пѣсен, — начинает уже сбываться желаніе: да создастся поэзія истинно русская».

Этот человек, любившій Украину, никогда не забывал, что она — русская земля. «Уроженец южной кievской Руси, гдѣ земля и небо моих предков, я преимущественно ей принадлежал и принадлежу донинѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но с тѣм вмѣстѣ, возмужавшій в Москвѣ, я также любил, изучал и сѣверную московскую Русь, как родную сестру нашей кievской Руси, как вторую половину одной и той же святой Владиміровой Руси, чувствуя и сознавая, что как их бытіе, так и уразумѣніе их одной без другой, недостаточны, односторонни».

Слова эти, сказанныя в отвѣт на привѣтствія по случаю 50-лѣтія его литературной дѣятельности в 1871 г., как нельзя лучше характеризуют всю жизнь Максимовича и всѣ его ученые труды. Его филологическія и историческія работы, журналы «Кіевлянин» и «Украинец», издававшіеся им в 40-60 годах, встрѣчались всегда одинаково благожелательно, как русским, так и малороссійским обществом. Когда основался кievскій университет св. Владиміра, Максимович, в то время совсѣм еще молодой профессор ботаники в Москвѣ, назначается его ректором.

Пост был чрезвычайно отвѣтственный. Правительство Николая I ставило задачей кievскому университету противодѣйствіе польскому вліянію в краѣ. Это были тѣ времена, когда среди поляков господствовала точка зрѣнія, выраженная Владиславом Мицкевичем — сыном поэта, со-

гласно которой спрашивать киевлян, хотят ли они жить с Польшей, все равно, что "demander aux habitants de Moscou et de Tver, s'ils sont Russes". К тому же и профессура нового университета состояла, на первых порах, преимущественно из поляков.

Максимович блестяще справился со своей задачей. Установив наилучшія отношенія со своими коллегами поляками, он в то же время противопоставил их культурному влиянію свое собственное — русское. Сам гр. С. С. Уваров — министр народнаго просвѣщенія — был в восторгѣ. Однажды, в 1837 г., он совершенно неожиданно прїѣхал в Кіев и сразу отправился в Университет. Там в это время происходил акт, на котором Максимович читал рѣчь «Об участіи и значеніи Кіева в общей жизни Россіи». Уваров так был захвачен этой рѣчью, что едва дал оратору закончить ее, бросившись к нему с горячим рукопожатіем¹⁰⁸. Эпизод этот — лучшее свидѣтельство того, какой національной жизнью жил этот выдающійся украинец того времени.

Таков же, примѣрно, был Амвросій Метелинскій (1814-1869) — профессор харьковскаго и кіевскаго университетов, — восторженный романтик и идеалист, страстный собиратель народной поэзіи. В предисловіи к своему сборнику южно-русских пѣсен, выпущенному в Кіевѣ в 1854 г., он писал все в том же духѣ единства русскаго народа и русскаго языка: «Я утѣшился и одушевился мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе их есть начало его общаго самопознанія, источник его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признак кровнаго единства и залог святой братской любви между его единовѣрными и единокровными сынами и племенами».

Русское столичное общество не только не враждебно относилось к малороссійскому языку и произведеніям на этом языкѣ, но любило их и поощряло, как интересное культурное явленіе. Центрами новой украинской словесности в XIX вѣкѣ были не столько Кіев и Полтава, сколько

Петербург и Москва. Первая «Грамматика малороссійскаго нарѣчія», составленная великоруссом А. Павловским, вышла в СПб, в 1818 году. В предисловіи, автор объясняет предпринятый им труд желаніем «положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству со мною народа, сих любезных моих соотчичей, сих от единыя со мною отрасли происходящих моих собратьев».

Первый сборник старинных малороссійских пѣсен, составленный кн. М. А. Цертелевым, издан в 1812 году в Петербургѣ. Слѣдующія за ним «Малороссійскія пѣсни», собранныя М. А. Максимовичем, напечатаны в Москвѣ в 1827 г. В 1834 году, там же вышло второе их изданіе. В Петербургѣ, печатались Котляревскій, Гребенка, Шевченко. Когда Н. В. Гоголь прибыл в Петербург, он и в мыслях не держал каких бы то ни было украинских сюжетов, — сидѣлъ над «Гансом Кюхельгартемом» и намѣревался идти дорогой тогдашней литературной моды. Но вот, через нѣсколько времени пишет он матери, чтобы та прислала ему пьесы отца. «Здесь всѣх так занимает все малороссійское, что я постараюсь попробовать поставить их на театрѣ». Живя в Нѣжинѣ, он не интересовался Малороссіей, а попав в москальскій Петербург стал засыпать родных письмами с просьбой прислать подробное описаніе малороссійскаго быта. В Петербургѣ поэтов писавших по-украински пригрѣвали, печатали, выводили в люди и создавали им популярность. Личная и литературная судьба Шевченко — лучшей тому примѣр. «Пока польское возстаніе не встревожило умов и сердец на Руси, — писал Н. И. Костомаров, — идея двух русских народностей не представлялась в зловѣщем видѣ, и самое стремленіе к развитію малороссійскаго языка и литературы не только никого не пугало призраком разложенія государства, но и самими великоруссами принималось с братской любовью».

Говоря о «національной жизни», Грушевскій имѣлъ в виду не таких людей, как Метелинскій и Максимович, и

не любовь к народу и к народной поэзии. Национальные его устои связаны с радами, бунчуками, с враждой к москвичинѣ. Но если этот национализм пришлось создавать «заново, на пустом мѣстѣ», то каким чудотворным словом поднят был из гроба Лазарь казачьяго сепаратизма? Штампованная марксистская теорія без труда отвѣчает на этот вопрос: — развитие капитализма, народное буржуазіи, борьба за рынки.

Кого сейчас способно удовлетворить такое объяснение? Не говоря уже о внутреннем банкротствѣ самой теоріи, не существует, сколько нам извѣстно, ни одной серьезной попытки приложенія ея к изученію капиталистическаго развитія на Украинѣ в XIX в. Капитализма собственно-украинскаго, отличнаго от общероссійскаго, невозможно обнаружить, до такой степени они слиты друг с другом. А о борьбѣ за «внутренній рынок», смѣшно говорить при видѣ украинских богачей, сидѣвших в Москвѣ и в Петербургѣ, как у себя дома.

Не экономикой, не хозяйственными интересами и потребностями, объясняется возрожденіе казачьяго автономизма послѣ полувѣкового мертваго періода. Пошел он не от цифр ярмарочной торговли, а от книги, от литературнаго наслѣдства.

Существует марокканская легенда, согласно которой все мужское еврейское населеніе было истреблено, однажды, арабами. Тогда жены убитых попросили позволенія посѣтить могилы мужей. Им это было разрѣшено. Посидѣвъ на кладбишѣ, онѣ забеременѣли от покойников и таким путем продолжили еврейскую народность в Марокко.

Украинскій націонализм XIX вѣка также получил жизнь не от живого, а от мертваго — от кобзарских «дум», легенд, лѣтописей и, прежде всего, — от «Исторіи Русов».

Это не единственный случай. Существовало лѣтъ сто тому назад ново-кельтское движеніе, поставившее цѣлью возродить кельтскій міръ в составѣ Ирландіи, Шотландіи, Уэльса и французской Бретани. Стимулом были древняя поэзія и преданія. Но рожденное не жизнью, а воображеніем, движеніе это дальше нѣкотораго литературнаго

оживленія, філологіческих и археологіческих изысканій не пошло.

Не получилось бы никаких всходов и на почвѣ увлеченія казачей словесностью, если бы садовник-исторія не совершила прививку этой, отрѣзанной от павшаго дерева вѣтки, к растенію, имѣвшему корни в почвѣ XIX вѣка.

Казачья идеологія привилась к древу російской революціи и только от него получила истинную жизнь.

То, что самостійники называют своим «національным возрожденіем», было не чѣм иным как революционным движеніем, одѣтым в казацкіе шаровары. Это замѣчено современниками. Н. М. Катков в 1863 г. писал: «Года два или три тому назад, вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всѣми другими отрицательными направленіями, которыя вдруг овладѣли нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества»¹⁰⁹ Украиннофильство XIX вѣка, дѣйствительно, представляет причудливую амальгаму настроеній и чаяній эпохи гетманщины с революционными программами тогдашней интеллигенціи.

Ни Гоголь, ни Максимович, ни один из прочих малороссов, чуждых революціонной закваски, не прельстился «Исторіей Русов», тогда как в сердцах революціонеров и либералов она нашла отклик. И еще любопытнѣе: самый горячій и самый ранній отклик послѣдовал со стороны не украинцев, а великороссов. М. П. Драгоманов, впоследствии, с нѣкоторой горечью отмѣчал, что «первая попытка в поэзіи связать европейскій либерализм с украинскими историческими традиціями, была предпринята не украинцами, а великоруссом Рылѣвым»¹¹⁰.

**

Кондратій Федорович Рылѣв — «неистовый Виссаріон» декабристскаго движенія, был из тѣх одержимых, которые пьянѣли от слов «свобода» и «подвиг». Они их читали независимо от контекста. Отсюда пестрота воспѣтых Рылѣвым героев: — Владимір Святой, Михаил Твер-

ской, Ермак, Сусанин, Петр Великій, Воляинскій, Артамон Матвѣев, Царевич Алексѣй. Всѣх дѣятелей русской исторіи, которых лѣтопись или молва объявили пострадавшими за «правду», за родину, за высокій идеал, он награждал поэмами и «думами».

Берясь за историческіе сюжеты, он никогда с ними не знакомился сколько нибудь обстоятельно, довѣрял первой попавшейся книгѣ или просто баснѣ. Не трудно представить, каким кладом оказались для него «Исторія Русов» и казачьи лѣтописи, гдѣ что ни имя, то герой, что ни измѣна, то непремѣнно борьба за вольность, за «права».

Пусть гремящей, быстрой славой,
Разнесет вездѣ молва,
Что мечом в битвѣ кровавой
Приобрѣлъ казак права!

Едва ли не большее число его «дум» посвящено украинскому казачеству: Наливайко, Богдан Хмельницкій, Мазепа, Войнаровский — всѣ они борцы за свой край, готовые жертвовать за него кровью.

Чтоб Малороссіи родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу.
Грѣхи татар, грѣхи жидов,
Отступничество уніатов,
Всѣ преступленія сарматов
Я на душу принять готов.

Так говорит Наливайко в «Исповѣди». Ему же вложены в уста ставшіе знаменитыми стихи:

Извѣстно мнѣ: погибель ждет
Того, кто первый возстает
На притѣснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Но гдѣ скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Не менѣ благородныя и возвышенныя чувства звучат в «Войнаровском», гдѣ измѣна Мазепы разсматривается, как «борьба свободы с самовластьем».

Войнаровский, такой же карьерист и стяжатель, как его дядюшка Мазепа, представлен пылким энтузіастом свободы, ринувшимся на ея защиту.

Так мы свои разрушив цѣпи
На глас свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Нигдѣ больше, ни в русской, ни в украинской литературѣ образ Малороссіи и казачьих предводителей не овѣяет такой романтикой высокаго подвига, как в поэмах и «думах» Рылѣва. «Думы и поэмы великорусса Рылѣва, — замѣчает Драгоманов, — сѣяли в цѣлой Россіи и в Украинѣ не однѣ либеральныя идеи, но, безспорно, поднимали на Украинѣ и національное чувство. Еще в 50-х годах, я помню, «Войнаровский» и «Исповѣдь Наливайки» переписывались в наших тайных тетрадях рядом с произведеніями Шевченко и читались с одинаковым жаром»¹¹¹.

Шевченко шел по тропѣ проложенной Рылѣвым и был его прямым учеником. Даже руссофобія, которой насыщена его поэзія, — не оригинальна, она встрѣчается у Рылѣва. Это тѣ стихи в «Войнаровском», что посвящены женѣ его казачкѣ, стоически переносящей выпавшія на ея долю невзгоды.

Ея тоски не зрѣл москаль,
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть.

Если не считать небольшой группы казакоманов типа Полетики, то не только в простом народѣ, но и в образованном малороссійском обществѣ времен Рылѣва рѣдко встрѣчались люди способные назвать москаля «врагом страны своей родной». Не трудно отсюда заключить о роли поэм «великорусса Рылѣва». Облаченный им в римскую тогу казачій автономизм пріобрѣтал новизну и привлекательность, роднился с европейским освободительным движеніем, льстил мѣстному самолюбію. Алчныя казачьи страсти прикрывались ризой гражданских добродѣтелей, сословные путчи гетманской эпохи возводились в ранг жертвенных подвигов во имя свободы, а добычники и разбойники выступали в обличіи Брутов и Кассіев. Какой живительной водой вспрыскивала такая поэзія чахлые остатки поборников казачьих идеалов!

«Примите выраженія признательности моей и моих соотечественников, которых я знаю», писал Рылѣву Н. Маркевич, автор одной из «Исторій Малороссіи», — «Исповѣдь Наливайко глубоко запала в наши сердца... Мы не забыли еще высокія дѣла великих людей Малороссіи... Вы еще найдете у нас дух Полуботка»¹¹². Не один дух Полуботка, но и дух Мазепы разбужен Рылѣвым. Силует гетмана, виднѣющійся на заднем планѣ поэмы «Войнаровский» и в других думах, очерчен с несомнѣнной симпатіей. Это человекъ высокихъ помыслов, могучихъ сил. Можно сказать, что не Войнаровский, а он истинный герой поэмы. Войнаровский готов жертвоватъ Украинѣ всѣм, что у него есть:

... странѣ родимой
Отдам дѣтей с женой любимой;
Себѣ одну оставлю честь.

Мазепа же готов ей и честью жертвовать. Образ его овѣян трагизмом и жестокой, но благородной драмой. Поэт не судит его за измѣну; лежала ли в основѣ ея правда или ложь — все равно; важно, что он весь предан Украинѣ.

И Петр и я — мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.

Сколько извѣстно, никто из литературовѣдов занимавшихся творчеством Рылѣва не придавал національнаго значенія казачьим сюжетам его поэм. В них видѣли, только, образцы «гражданской лиры». Попадись что нибудь похожее из татарской либо турецкой исторіи, оно было бы воспѣто с одинаковым пылом. Дѣйствительно, украинофильство нашего поэта до того книжное, начитанное, что в какое нибудь политическое его значеніе не вѣрится. И все же, есть основаніе думать, что оно не случайно.

Не надо забывать, что Рылѣв — декабрист, а декабристскій заговор, в значительной мѣрѣ, и может быть в большей, чѣм мы предполагаем, был заговором украинско-польским. Эта его сторона наименѣе изучена, но игнорировать ее нельзя.

Что в Польшѣ, задолго до декабристов, существовали тайные патриотическіе организациі и что эти организациі готовились к возстанію против русскаго правительства — хорошо извѣстно. Граф Солтык и полковник Крыжановскій засвидѣтельствовали на слѣдствии, что мысль о необходимости войти в контакт с русскими тайными обществами возникла у них в 1820 году¹¹³. Из показаній М. П. Бестужева-Рюмина перед слѣдственной комиссіей видно, что между Директоріей южного декабристскаго общества и обществом польским заключено было в 1824 г. формальное соглашеніе, по которому, поляки обязывались «возстать в то же самое время, как и мы» и координировать свои дѣйствія с русскими повстанцами¹¹⁴. Но в этом сказала только одна из сторон польской заинтересованности в русском бунтѣ. Поляки много работали над разжиганіем едва тлѣвшаго под золой уголька казачьей крामолы и над объединеніем ея с декабристским путчем. Дѣлалась ставка на возвращеніе Польшѣ, если не всей Малороссіи, то, на первый случай, значительной ея части. По

договору 1824 г., Южное общество обнадеежило их получением Волынской, Минской, Гродненской и части Виленской губерній¹¹⁶. Но главныя польскія чаянія связывались с украинским автономистским движением. По словам С. Г. Волконскаго, поляки питали «большую надежду на содѣйствіе малороссійскихъ дворян, предлагая им отдѣленіе «Малороссіи от Россіи»¹¹⁶. От союза с малороссійскимъ дворянством ожидали большаго, чѣм от офицерскаго возстанія, но в массѣ своей, южные помѣщики оказались вполне лояльными по отношенію к самодержавію. Только очень небольшая кучка встала на путь декабризма и связаннаго с ним украинскаго сепаратизма.

Здѣсь не приходится придавать значенія наличію среди главарей «Союза Благоденстія» Муравьевых-Апостолов, потомков гетмана Данилы, но пройти мимо Общества Соединенныхъ Славянъ вряд ли возможно. И это не потому, что в числѣ его членовъ былъ большой процент малороссійской шляхты. Ни М. В. Нечкина, ни новѣйшій изслѣдователь Соединенныхъ Славянъ Жоржъ Луціани не находятъ у нихъ ни малѣйшаго намека на «украинофильство»¹¹⁷. Но, незамѣтно для самихъ себя, они вовлечены были в русло націоналистической идеологіи желательной полякамъ. Своимъ, если не возникновеніемъ, то направленіемъ, обязаны они поляку Ю. К. Люблинскому, связанному с патриотическими польскими организаціями. Это онъ подсказалъ имъ названіе и идею «Соединенныхъ Славянъ».

Идея, хоть и старинная; мало общаго имѣла с балканскимъ панславизмомъ XVIII вѣка, представленнымъ Гундуличемъ, Крижаничемъ. Не было у поляковъ сколько нибудь крѣпкихъ связей и с чехами, за исключеніемъ развѣ литературныхъ. Практически, ни Сербія, ни Далмація, ни Чехія ихъ не интересовали. Зато Малая Русь, входившая нѣкогда в составъ Рѣчи Посполитой, была предметомъ страстныхъ вожделѣній. Нигдѣ пропаганда общности славянъ и федеративнаго всеславянскаго государства не велась такъ настойчиво, какъ здѣсь. Можно думать, что лозунгъ «соединенныхъ славянъ», провозглашавшій независимость каждой страны, сочиненъ былъ специально для пробужденія казачь-

яго автономизма. Нигдѣ в других краях он не насаждается с таким стараніем.

В 1818 г. основывается в Кіевѣ масонская ложа «Соединенных Славян», а через четверть вѣка, в Кіевѣ же — «Кирилло-Мефодіевское Братство», поставившее во главу угла своей программы, все то же общеславянское федеративное государство. Даже во второй половинѣ XIX вѣка, идеей всеславянской федераціи увлекался Драгоманов. И нигдѣ, кромѣ Малороссіи, не видим столь ясно выраженнаго польскаго вліянія и польской опеки в отношеніи подобных организацій. Так, надпись “Jednosc . Slowianska”, украшавшая знак ложи «Соединенных Славян», не оставляет сомнѣній в польском ея происхожденіи. Основателем и первым ея правителем был поляк Валентин Росцишевскій, управляющим мастером другой поляк Франц Харлинскій, а в числѣ членов — Юсиф Проскура, Шимановскій, Феликс Росцишевскій и многие другіе мѣстные помѣщики-поляки ¹¹⁸. А. Н. Пыпин и послѣдующіе историки считают эту ложу идейной матерью одноименнаго декабристскаго общества, хотя прямой связи между ними не установлено.

Существовали в Малороссіи другія масонскія организаціи инспирированныя или прямо созданныя поляками. Была в Житомирѣ ложа «Разсвѣяннаго мрака» и ложа «Тамплиеров»; в Полтавѣ — ложа «Любовь к истинѣ», в Кіевѣ — «Польское патриотическое общество», возникшее в 1822 г. и, тотчас же, как эхо, появившееся вслѣд за ним «Общество малороссов», состоявшее из поборников автономизма, «Гдѣ восходит солнце?» — гласил его пароль, и отвѣт: «В Чигиринѣ».

Из дѣл слѣдственной комиссіи о декабристах видно, что резиденціей «Общества Малороссов» был Борисполь, а «большая часть членов онаго находятся в Черниговской губерніи, а нѣкоторые в самом Черниговѣ» ¹¹⁹. М. П. Бестужев-Рюмин не очень выгодно о них отзывается: руководитель общества В. Л. Лукашевич «нравственности весьма дурной, в губерніи презираем и я слышал, что общество его составлено из людей его свойства» ¹²⁰. Это тот самый Лукашевич, что поднимал, когда то, бокал за побѣду На-

полеона над Россіей ¹²¹. Он был одной из самых дѣятельных фигур в декабристско-малороссійско-польских взаимоотношеніях. Кромѣ «Союза Благоденствія» и «Малороссійского общества», мы его видим в ложѣ «Соединенных Славян», в полтавской ложѣ «Любовь к истинѣ» и говорили, также о его членствѣ в польских ложах.

Масонскіе ложи признаны были, повидимому, наиболее удобной формой встрѣч и единенія двух россійских фронд — декабристской и украинствующей.

Особенный интерес, в этом смыслѣ, представляет полтавская ложа, гдѣ наряду с членами Союза Благоденствія М. Н. Новиковым, Владимиром Глинкой и М. Муравьевым-Апостолом, представлены были малороссы, вродѣ губернскаго судьи, Тарновскаго, екатеринославскаго дворянскаго предводителя Алексѣева, С. М. Кочубея, И. Котляревскаго и многих других. Был там, конечно и Лукашевич. Первым ея руководителем значился Новиков, начальник канцеляріи кн. Репнина. По словам Муравьева-Апостола, «он в оную принимал дворянство малороссійское, из числа коих способнѣйших помѣщал в общество называемое Союз Благоденствія. Полтавскую ложу Муравьев прямо именует «разсадником тайнаго общества» ¹²². Послѣ Новикова, руководство перешло к Лукашевичу, про котораго Бестужев-Рюмин сказал, что «цѣль онаго (сколь она мнѣ извѣстна), присоединеніе Малороссіи к Польшѣ». На одном из допросов, Бестужев показал, будто Лукашевич «адресовался к Ходкевичу, полагая его значущим членом польскаго общества, предлагая присоединиться к оному и соединить Малороссію с Польшею» ¹²³.

Основой и направляющей силой южнаго масонства являлись поляки, которым принадлежала в тѣ дни культурная гегемонія во всем малороссійском краѣ, а в нѣкоторых губерніях (Кіевской, на примѣр) — большая часть земельной владѣній.

На слѣдствіи, Рылѣву был задан вопрос о связях декабристов с польскими тайными обществами. Он отговорился своей слабой освѣдомленностью на этот счет, но признался, что слышал о них от Трубецкаго и от Корниловича, который дня за два до 14 декабря, приносил Тру-

бецкому копію какого-то договора между поляками и южным обществом декабристов, касательно будущих русско-польских границ. От Трубецкого он слышал, будто «Южное общество через одного из своих членов имѣет с оными (поляками) постоянныя сношенія, что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от Россіи завоеванныя провинціи Литву, Подолію и Волынь»¹²⁴.

Согласно С. Н. Щеголеву, в 1824 г. кн. Яблоновскій, представитель «Польскаго патріотическаго общества», начал особенно энергичные переговоры с декабристами. Результатом его усилій явился съѣзд польских и русских заговорщиков в Житомирѣ в началѣ 1825 года. На этом «славянском собраніи» присутствовал, будто бы, и К. Ф. Рылѣев. На съѣздѣ поставлен был и одобрен вопрос о независимости Малороссіи, каковую поляки считали необходимой «для дѣла общей свободы».

Фома Падурра, главный оратор на эту тему, не придумал для украинскаго націонализма никакого другого обличья, кромѣ стараго казачьяго. По его мнѣнію, вѣрным средством поднять народ было — напомнить ему «казачью славу». В этом планѣ он и начал потом, вкупѣ с другим помѣщиком Ржевусским («атаман Ревуха»), пропаганду среди украинскаго населенія. В Саврани они основали «школу лирников», обучая собранных «народных» пѣвцов игрѣ на инструментѣ и текстам патріотических казачьих пѣсен, сочиненных Падуррой и положенных на музыку Ржевусским. Подготовив цѣлую партію таких пѣвцов, они пустили их по кабакам, вечерницам и прочим сборищам простого люда¹²⁵.

К сожалѣнію, Щеголев, описавшій этот эпизод, пользовался источниками недоступными нам здѣсь, за границей, в силу чего, мы лишены возможности провѣрить степень основательности всего им рассказаннаго.

Как бы то ни было, можем не сомнѣваться в одном: Рылѣев был давнишним полонофилом, состоявшим в литературных и идейных связях с польскими націоналистами и вряд ли будет ошибкой сказать, что своими казачьими сюжетами он обязан больше полякам чѣм украинцам. Не-

сомнінно также, что в декабристской средѣ был усвоен взгляд на Малороссію как на жертву царской тираніи, а на казачьих главарей как на борцов и мучеников за свободу. Имена Дорошенко, Мазеп, Полуботков ассоціировались с дѣлом народнаго освобожденія. Фигуры их окутывались флером романтики и в таком видѣ подносились интеллигентной публикѣ и позднѣйшим поколѣніям. «Я не знаю, как в моих руках очутилась «Исповѣдь Наливайки» Рылѣва, — пишет в своих воспоминаніях Вѣра Засулич, — она стала для меня самой священной вещью»¹²⁶. Мог ли в представленіи этой женщины, ничего кромѣ социалистической литературы не читавшей, выдержать соперничество с романтическим героем исторической Наливайко — грубый разбойник и кондотьер, бунтовавшій во имя расширенія привилегій реестровых казаков, требовавшій земель под Брацлавом и готовый рѣзать носы и уши хлопам, которые захотѣли бы втереться в казачье сословіе и уйти от своих панов?

Казакоманія декабристов была не простым литературным явленіем и ею отличался не один Рылѣв. Декабристы, можно сказать, стояли у власти на Украинѣ. Генерал-губернатором малороссійским был в то время кн. Н. Г. Репнин — брат виднаго декабриста С. Г. Волконскаго и сам большой либерал. Его дѣд, фельдмаршал Репнин, подозрѣвал его в причастности к убійству Павла I. Стремясь быть «отцом» ввѣреннаго ему края и, в то же время, человѣком «новых вѣяній», он собирал вокруг себя все выдающееся, что было на Украинѣ, — привлек И. П. Котляревскаго, перваго поэта начавшаго писать по-украински, учредил малороссійскій театр в Полтавѣ, приглашал к себѣ в дом людей свободомыслящих, среди которых первое мѣсто занимали члены декабристских южных обществ. У него можно было встрѣтить и Пестеля, и Орлова, и Бестужева-Рюмина. Но к числу свободомыслящих он относил, также, людей типа Василія Полетики, «свободомысліе» которых вызывалось незакончившеюся к тому времени про-

вѣркой дворянских прав. Эти стародубскіе и лубенскіе маркизы Позы постоянно вертѣлись при генерал-губернаторском дворѣ, который до извѣстной степени может разсматриваться как один из центров «возрожденія» украинскаго сепаратизма.

Дочь кн. Репнина, Варвара Николаевна, благоговѣвшая перед подвигом своего дяди С. Г. Волконскаго и насквозь проникнутая духом декабризма, была в то же время почитательницей и покровительницей Тараса Шерченко. Тот и другой были для нея явленіями одного порядка. Существует предположеніе, что Репнин был одним из вдохновителей «Исторіи Русов». Такое подозрѣніе высказал М. А. Максимович, человекъ очень освѣдомленный.

На этом примѣрѣ видно, какъ россійскій космополитическій либерализмъ преобразался на украинской почвѣ в мѣстный автономизмъ. Декабристы первые отождествили свое дѣло с украинизмомъ и создали традицію для всего послѣдующаго русскаго революціоннаго движенія. Герцен и Огаревъ подражали им, Бакунинъ на весь міръ провозгласилъ требованіе независимой Польши, Финляндіи и Малороссіи, а петрашевцы, при всей неясности и неопредѣленности ихъ плана преобразованія Россіи, тоже успѣли подчеркнуть свой союзъ с сепаратизмами, в том числѣ с малороссійскимъ. Это одна изъ закономѣрностей всякаго революціоннаго движенія. В. А. Маклаковъ, один изъ лидеров демократическаго лагеря, находясь уже в эмиграціи, выразилъ это такъ: «Если освободительное движеніе в войнѣ противъ самодержавія искало всюду союзниковъ, если его тактикой было раздувать всякое недовольство, какъ бы оно ни могло стать опаснымъ для государства, то можемъ ли мы удивляться, что для этой цѣли и по этимъ мотивамъ оно привлекло к общему дѣлу и недовольство «національных меньшинствъ»?»¹²⁷

Только немногимъ удалось устоять противъ этой логики, и первымъ среди нихъ надо назвать Пушкина. Онъ тоже былъ «декабристомъ» и лишь случайно не попалъ на Сенатскую площадь. «Исторія Русовъ» была ему отлично знакома. Онъ напечаталъ отрывокъ изъ нея в своемъ «Современникѣ» но онъ не поставилъ дѣла Мазепы выше дѣла Петра и не воспѣлъ

ни одного запорожца, как борца за свободу. Произошло это не в силу отступничества от увлеченій своею молодости и от перемѣны взглядов, а оттого, что Пушкин с самаго начала оказался проникательнѣе Рылѣва и всего своего поколѣнія. Он почувствовал истинный дух «Исторіи Русов», ея не національную украинскую, а сословно-помѣщичью сущность. Думая, что автором ея, дѣйствительно, был архіепископ Г. Конисскій, Пушкин замѣтил: «Видно, что сердце дворянина еще бьется под иноческой рясою».

На языкѣ либерализма «сердце дворянина» звучало как «сердце крѣпостника». Теперь, когда нам извѣстны вполне корыстные интересы, вызвавшіе рецидив казачьих страстей породивших «Исторію Русов», можно только удивляться прозорливости Пушкина.

Революционная русская интеллигенція, в своем отношеніи к сепаратизму, пошла путем не Пушкина, а Рылѣва. «Украинофильство», под которым разумѣлась любовь не к народу малороссійскому, а к казацкой фрондѣ, сдѣлалось обязательным признаком русскаго освободительнаго движенія. В развитіи украинскаго сепаратизма оно было заинтересовано больше самих сепаратистов. Шевченко у великорусских революціонеров почитался больше, чѣм на Украинѣ. Его озлобленная казакоманія приходилась русскому «подполью» больше по сердцу, чѣм европейскій социализм Драгоманова.

При всем обиліи легенд, облѣпивших имя и исказивших истинный его облик, Шевченко может считаться наиболѣе ярким воплощеніем всѣх характерных черт того явленія, которое именуется «украинским національным возрожденіем». Два лагеря, внѣшне враждебные друг другу, до сих пор считают его «своим». Для одних он — «національный пророк», причисленный чуть не к лику святых; дни его рожденія и смерти (25 и 26 февраля) объявлены украинским духовенством церковными праздниками. Даже в эмиграціи ему воздвигаются памятники при содѣйствіи партій и правительств Канады и США. Для дру-

гих, он предмет такого же идолопоклонства и этот другой лагерь гораздо раньше начал ставить ему памятники. Как только большевики пришли к власти и учредили культ своих предтеч и героев — статуя Шевченко в числѣ первых появилась в Петербургѣ. Позднѣе, в Харьковѣ и над Днѣпром, возникли гигантскіе монументы, величиной уступающіе, развѣ только, статуям Сталина. Ни в Россіи, ни за границей, ни один поэт не удостоился такого увѣковѣченія памяти. «Великій украинскій поэт, революціонер и мыслитель, идейный соратник русских революціонных демократов, основоположник революціонно-демократическаго направленія в исторіи украинской общественной мысли» — такова его офіціальная аттестація в совѣтских словарях, справочниках и энциклопедіях. Она унаслѣдована еще от подпольнаго періода революціи, когда у всѣх интеллигентских партій и направленій он считался пѣвцом «народнаго гнѣва».

Даже произведенія его толкуются в каждом лагерѣ по-своему. «Заповіт», наприклад, расцѣнивался в свое время в русском подпольѣ, как нѣкій революціонный гимн. Призыв поэта к потомкам — возстать, порвать цѣпи и «вражю злою кровью вольность окропити» понимался там, как соціальная революція, а под злой кровью — кровь помѣщиков и классовых угнетателей.

Совѣм иную трактовку дает самостійнический лагерь. В 1945 г., в столѣтнюю годовщину со дня написанія «Заповіта», он отмѣтил его появленіе, как величайшую вѣху в развитіи національной идеи, как призыв к национальной рѣзнѣ, ибо «кровь ворожа», которую Днѣпр «понесе з України у синее море», ничѣй как москальской, великорусской, быть не может.

Приводим этот примѣр не для оцѣнки правильности или неправильности обоих толкованій, а как характерный случай переплетенія у «великаго кобзаря» черт русской революціонности с украинским націонализмом.

Правда, и та, и другой были поставлены лѣт 80 тому назад под большое сомнѣніе таким видным социалистом и украинофильским дѣятелем, как М. П. Драгоманов. Шевченко ему казался величиной дутой в литературном и в

политическом смыслѣ. Революціонность его он не высоко ставил и никогда бы не подписался под сочетаніемъ словъ «революціонер и мыслитель». Он полагал, что с мыслью-то, какъ раз, и обстояло хуже всего у Тараса Григорьевича.

Из Академіи Художеств Шевченко вынесъ только поверхностное знакомство с античной мифологіей, необходимою для живописца, да с нѣкоторыми знаменитыми эпизодами из римской исторіи. Никакими систематическими знаніями не обладал, никакого цѣльнаго взгляда на жизнь не выработал. Он не стремился, даже, в противоположность многимъ выходцамъ изъ простаго народа, восполнять отсутствіе школы самообразованіемъ. По словамъ близкаго знавшаго его скульптора Микешина, Тарасъ Григорьевичъ не шибко жаловалъ книгу. «Читать онъ, кажется, никогда не читалъ при мнѣ; книгъ, какъ и вообще ничего не собиралъ. Валялись у него на полу и по столу растерзанныя книжки «Современника», да Мицкевича на польскомъ языкѣ». Такая отрасль знанія, какъ исторія, къ которой ему часто приходилось обращаться в выборѣ сюжетовъ — что дало основаніе Кулишу в 50-хъ годахъ объявить его «первымъ историкомъ» Украины — оставляла желать много лучшаго в смыслѣ усвоенія. «Россійскую общую исторію, — пишетъ тотъ же Микешинъ, — Тарасъ Григорьевичъ зналъ очень поверхностно, общихъ выводовъ изъ нея дѣлать не могъ; многіе ясныя и общеизвѣстные факты или отрицалъ или не желалъ принимать во вниманіе; этимъ оберегалась его исключительность и непосредственность отношеній ко всему малорусскому». Нѣкоторыхъ авторовъ, о которыхъ писалъ, онъ и в руки не бралъ, какъ напримѣръ, Шафарика и Ганку. Главный способъ пріобрѣтенія знаній заключался, очень часто, в прислушиваніи къ тому, о чемъ говорили в гостиныхъ болѣе свѣдущіе люди. Подхватывая на лету обрывки свѣдѣній, поэтъ «мотавъ соби на уса, та перероблювавъ соби своимъ умомъ»¹²⁸.

Не вѣрилъ Драгомановъ и в его хожденіе в народъ, в пропаганду на Подолѣ, в Кирилковѣ и под Каневомъ, о которой сейчасъ пишутъ в каждой біографіи поэта совѣтскіе историки литературы, но которая сплошь основана на домыслахъ. Кромѣ кабацкихъ рѣчей о Божіей Матери, никакихъ образцовъ его пропаганды не знаемъ. Достойна развѣнчанія

и легенда о его антикрѣпостничествѣ. Дворовый человек, чье дѣтство и молодость прошли в унижительной роли казачка в барском домѣ, не мог, конечно, питать теплых чувств к крѣпостному строю. Страдал и за родных, которых смог выкупить из неволи лишь незадолго до смерти. Но совершенно ошибочно дѣлать из него, на основаніи этих біографических фактов, пѣвца горя народнаго, сознательнаго борца против крѣпостнаго права. Крѣпостной крестьянин никогда не был ни героем его произведеній, ни главным предметом помыслов. Ничего похожаго на некраковскую «Забытую деревню» или на «Размышленія у параднаго подѣзда» невозможно у него найти. Слово «панщина» встрѣчается чрезвычайно рѣдко, фигуры барина-улетателя совсѣм не видно и вся его деревня выглядит не крѣпостной. Люди там страдают не от рабства, а от несчастной любви, злобы, зависти, от общечеловѣческих пороков и бѣдствій. Тарасу Григорьевичу суждено было дожить до освобожденія крестьян. Начиная с 1856 года, вся Россія только и говорила, что об этом освобожденіи, друзья Шевченко, кирилло-мефодіевцы, ликовали; один он, бывшій «крипак», не оставил нам ни в стихах, ни в прозѣ выраженія своей радости.

Не было у него и связей с русскими революціонными демократами; он, попросту, ни с кѣм из них не был знаком, если не считать петрашевца Момбелли, виденнаго им, как-то раз, на квартирѣ у Гребенки. Да и что представляли собой революціонные демократы того времени? Мечтатели, утописты, послѣдователи Фурье и Сэн-Симона, либо только что нарождавшіеся поборники общиннаго социализма. Найдите в литературном наслѣдіи Шевченко хоть какой нибудь слѣд этих идей. Даже причастность его к Кирилло-Мефодіевскому Братству, послужившая причиной ареста и ссылки, была болѣе случайной, чѣм причастность Достоевскаго к кружку Петрашевцев.

Но если не социалист и не «революціонный демократ» то гайдамак и пугачевец глубоко сидѣли в Шевченко. Ем было много злобы, которую поэт, казалось, не зналъ на кого и на что излить. Он воспитался на декабристской традиціи, называл декабристов не иначе, как «святыми»

мучениками», но воспринял их якобинизм не в идейном, а в эмоциональном плане. Ни об их конституциях, ни о преобразовательных планах ничего, конечно, не знал; не знал и о вдохновлявшей их западно-европейской идеологии. Знал только, что это были люди дерзнувшие возстать против власти, и этого было достаточно для его симпатий к ним. Не в трактатах Пестеля и Никиты Муравьева, а в «царевубийственных» стихах Рылѣва и Бестужева увидѣл он свой декабризм.

Уж как первый-то нож
На бояр, на вельмож,
А второй-то нож
На попов, на святош,
И молитву сотворя,
Третій нож на царя!

В этом плане и воздавал он дань своим предшественникам.

... а щоб збудить
Хиренну волю, треба міром
Громадою обух сталить,
Та добро выгострить сокиру
Та й заходиться вже будить.

Особенно сильно звучит у него нота «на царя!».

Царив, кровавих шинкари
У пута кутіи окуй,
В склипу глибоком замуруй!

Здѣсь мы вряд ли согласимся с оцѣнкой Драгоманова, не высоко ставившаго такую продукцію поэта. С литературной точки зрѣнія, она в самом дѣлѣ не заслуживает вниманія, но как документ политическаго настроенія, — очень интересна.

Драгоманов судил о Шевченко с теоретических высот европейскаго социализма, ему нужны были не обличенія

«неправд» царей на манер библейских пророков, а протест против политической системы самодержавия. Шевченко не мог, конечно, подняться до этого, но духовный его «якобинизм» от этого не умаляется.

На русскую шестидесятическую интеллигенцию стихи его действовали гораздо сильнее, чем методические поучения Драгоманова. Он — образец революционера не по разуму, а по темпераменту.

Кромѣ «царей», однако, никаких других предметов его бунтарских устремлений не находим. Есть один-два выпада против своих украинских помещиков, но это не бунт, а что-то вроде общественно-политической элегии.

И доси нудно, як згадаю
Готическій с часами дом;
Село обидране кругом,
И шапочку мужик знімає,
Як флаг побачить. Значит пан
У себе з причетом гуляє.
Оцей годованый кабан,
Оце лядащо-щирый пан
Потомок гетмана дурного.

При всей нелюбви, Тарас Григорьевич не призывает ни рѣзать, ни «у пута кутіи» ковать этих панов, ни жечь их усадьбы, как это дѣлали великорусские его учителя — «революционные демократы». На кого же, кромѣ царей, направлялась его ненависть?

Для всякаго, кто дал себѣ труд прочесть «Кобзарь», всякія сомнѣнія отпадают: — на москалей.

Напрасно Кулиш и Костомаров силились внушить русской публикѣ, будто шевченковскія «понятія и чувства не были никогда, даже в самыя тяжелыя минуты жизни, оскорнены ни узкою грубою неприязнью к великоросской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости, ни малѣйшей тѣни чего нибудь

подобнаго не проявилось в его поэтических произведениях»¹²⁹. Они оспаривали совершенно очевидный факт. Нѣтъ числа непрязненным и злобным выпадам в его стихах против москалей. И невозможно истолковать это, как ненависть к одной только правящей царской Россіи. Всѣ москали, весь русскій народ ему ненавистны. Даже в чисто любовных сюжетах, гдѣ украинская дѣвушка страдает, будучи обманута, обманщиком всегда выступает москаль.

Кохайтеся чернобривы,
Та не з москалями,
Бо москали чужи люди
Роблять лихо з вами.

Жалуясь Основьяненку на свое петербургское житье («кругом чужи люди»), он вздыхает: «тяжко, батько, жити з ворогами». Это про Петербург, выкупившій его из неволи, давшій образованіе, приобщившій к культурной средѣ и вызволившій его впоследствии из ссылки.

Друзья давно пытались смягчить эту его черту в глазах русскаго общества. Первый его биограф М. Чалый объяснял все вліяніем польской швеи — юношеской любви Шевченко, но вряд ли такое объясненіе можно принять. Антируссизм автора «Заповита» не от жизни и личных переживаній, а от книги, от національно-политической проповѣди. Образ москаля, лихого человѣка, взят цѣликом со страниц старой казацкой письменности.

В 1858 г., возмущаясь Иваном Аксаковым, забывшим упомянуть в числѣ славянских народов — украинцев, он не находит других выраженій, кромѣ как: «Мы же им такіе близкіе родичи: как наш батько горѣл, то их батько руки грѣл!» Даже археологическія раскопки на югѣ Россіи представлялись ему грабежом Украины — поисками казацких кладов.

Могили вже розривають,
Та грошей шукають!

Сданный в солдаты и отпавленный за Урал, Тарас Григорьевич, по словам Драгоманова, «живучи среди москалей солдатиков, таких же мужиков, таких же невольников, как сам он, — не дал нам ни одной картины доброго сердца этого «москаля», какія мы видим у других ссыльных... Москаль для него и в 1860 г. — только «пройдисвіт», как в 1840 г. был только «чужой человек» 130

Откуда такая руссофобія? Личной судьбой Шевченко она, во всяком случаѣ, не объяснима. Объясненіе ѣ его поэзиі.

Поэтом он был не «гениальным» и не крупным; три четверти стихов и поэм подражательны, безвкусны, провинциальны; все их значеніе в том, что это дань малороссійскому языку. Но и в оставшейся четверти значительная доля цѣнилась не любителями поэзиі, а революціонной интеллигенціей. П. Кулиш когда-то писал: если «само общество явилось бы на току критики с лопатою в руках, оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стихов Шевченко в житницу свою; остальное бы было в его глазах не лучше сору, его же возметает вѣтр от лица земли». Ни одна из его поэм не может быть взята цѣликом в «житницу», лишь из отдѣльных кусков и отрывков можно набрать скромный, но душистый букет, который имѣет шансы не увянуть.

Что бы ни говорили совѣтскіе литературовѣды, лира Шевченко не «гражданская» в том смыслѣ, в каком это принято у нас. Она глубоко ностальгична и безутѣшна в своей скорби.

Украино, Украино!
Сирце мое, ненько!
Як згадаю твою долю
Заплаче серденько!

Называя ее «сиромахой», «сиротиной», вопрошая «защо тебе сплюндровано, защо, мамо, гинеешь?» — поэт

имѣет в виду не современную ему живую Украину, которая «сплюндрована» ничуть не больше всей остальной Россіи. Это не оплакиваніе страданій закрѣпощеннаго люда, это скорбь о ея невозвратном прошлом.

Де подилось казачество,
Червоны жупаны,
Де подилась доля-воля,
Бунчуки, гетманы?

Вот истинная причина «недоли». Исчез золотой вѣкъ Украины, ея идеальный государственный строй, уничтожена казачья сила. «А що то за люди були тии запорожци! Не було й не буде таких людей!». Полжизни готов он отдать, лишь бы забыть их «незабутни» дѣла. Волшебныя времена Паліев, Гамаліев, Сагайдачных владѣют его душой и воображеніем. Истинная поэзія Шевченко — в этом фантастическом никогда не бывшем мірѣ, в котором нѣтъ исторической правды, но создана правда художественная. Всѣ его остальные стихи и поэмы, виѣсть взятыя, не стоят тѣх строк, гдѣ он бредит старинными степями, Днѣпром, морем, безчисленным запорожским войском, проходящим, как видѣніе.

О будущем своего края Тарас Григорьевич почти не думал. Раз, как-то, слѣдуя шестидесятнической модѣ, упомянул о Вашингтонѣ, котораго «ждемся таки колись», но втайнѣ никакого устройства, кромѣ прежняго казачьяго, не хотѣл.

Оживут гетманы в золотом жупани,
Прокинеться воля, казак заспива
Ни жида, ни ляха, а в степях Украйны
Дай то Боже милый, блисне булава.

Перед нами пѣвец отошедшей казачьей эпохи, влюбленный в нее, как Дон Кихот в рыцарскія времена. До самой смерти, героем и предметом поклоненія его был казак.

Верзется гришному усатый
З своєю волею мени
На черном вороном кони.

Надо ли послѣ этого искать причин руссофобіи? Всякое пролитіе слез над руинами Чигирина, Батурина и прочих гетманских резиденцій неотдѣлимо от ненависти к тѣм, кто обратил их в развалины. Любовь к казачеству — оборотная сторона вражды к Москвѣ.

Но и любовь и ненависть эти — не от жизни, не от современности. Еще Кулишем и Драгомановым установлено, что поэт очень рано, в самом началѣ своего творчества попал в плѣн к старой казачьей идеологии. По словам Кулиша, он пострадал от той первоначальной школы, «в которой получил то, что в нем можно было назвать *faute de mieux* образованіем», он долго сидѣл «на сѣдалищѣ губителей и злоязычников»¹⁸¹.

Повидимому, уже в Петербургѣ, в концѣ 30-х годов нашлись люди просвѣтившіе его по части Мазеп, Полуботков и подсунувшіе ему «Исторію Русов». Без вліянія этого произведенія трудно вообразить то прихотливое сплетеніе революціонных и космополитических настроеній с мѣстным націонализмом, которое наблюдаем в творествѣ Шевченко. По словам Драгоманова, ни одна книга, кромѣ Библии, не производила на Тараса Григорьевича такого впечатлѣнія, как «Исторія Русов». Он брал из нея цѣлыя картины и сюжеты. Такія произведенія, как «Подкова», «Гамалія», «Тарасова Нич», «Выбир Наливайка», «Невольник», «Великій Лях», «Чернец» — цѣликом навѣяны ею.

Прошлое Малороссіи открылось ему под углом зрѣнія «Лѣтописи Конисскаго»; он воспитался на ней, воспринял ее, как откровеніе, объяснявшее причины невзгод и бѣдствій родного народа. Даже на самый чувствительный для него вопрос о крѣпостном правѣ на Украинѣ, «лѣтопись» давала свой отвѣт — она приписывала введеніе его москалям. Не один Шевченко, а всѣ кирилломефодіевцы вынесли из нея твердое убѣжденіе в москальском происхожденіи крѣпостничества. В «Книгах Бытія Украинского Народу» Костомаров писал: «А нимка царица Катерина, кур-

ва всевитная, безбожница, убійница мужа своего, востанне доканала казачтво и волю, бо одибравши тих, котри були в Украини старшими, надилела их панством и землями, понадовада им вильну братію в ярмо и поробила одних паннами, а других невольниками»¹³². Если будущій ученый историк позволял себя такія рѣчи то что можно требовать от необразованнаго Шевченко? Москали для него стали источником всѣх бѣдствій.

Ляхи були — усе взяли,
Кровь повыпивали,
А москали и свит Божий
В путо закували.

По канвѣ «Исторіи Русов» он разсыпается удивительными узорами, особенно на тему о Екатеринѣ II.

Есть у Шевченки повѣсть «Близнецы», написанная порусски. Она может служить автобиографическим документом, объясняющим степень воздѣйствія на него «Исторіи Русов». Там разсказывается о нѣкоем Никифорѣ Федоровичѣ Сокирѣ — мелком украинском помѣщикѣ, большом почитателѣ этого произведения.

«Я сам, будучи его хорошим пріятелем, часто гостил у него по нѣскольку дней и кромѣ лѣтописи Конисскаго, не видал даже бердичевского календаря в домѣ. Видѣл только дубовый шкаф в комнатѣ и больше ничего. Лѣтопись же Конисскаго, в роскошном переплетѣ, постоянно лежала на столѣ и всегда заставал я ее раскрытою. Никифор Федорович нѣсколько раз прочитывал ее, но до самаго конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчья польскія, шведскую войну, Биронова брата, который у стародубских матерей отнимал дѣтей грудных и давал им щенят кормить грудью для свой псарни — и это прочитывал, но как дойдет до голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнет, закроет книгу и еще раз плюнет».

Переживанія героя этого отрывка были, несомнѣнно, переживаніями самого Шевченко. «Исторія Русов» с ея собраніем «мерзостей» трансформировала его мужицкую ненависть в ненависть національную или, по крайней мѣрѣ,

тѣсно их переплела между собой. Кромѣ «Исторіи Русов», сдѣлавшейся его настольной книгой, поэт познакомился и со средой, из которой вышло это евангеліе націонализма. Приѣхав, в серединѣ 40-х годов, в Кіев, он не столько вращался там в университетских кругах среди будущих членов Кирилло-Мефодіевскаго Братства, сколько гостил у хлѣбосольных помѣщиков Черниговщины и Полтавщины, гдѣ его имя было извѣстно и пользовалось популярностью, особенно среди дам. Нѣкоторыя из них сами пописывали в «Отечественных Записках».

Мужское общество чаще всего собиралось на почвѣ «мочемордія», как именовалось пьянство. А. Афанасьев-Чужбинскій, сам происходившій из лубенских помѣщиков, красочно описывает тамошнія празднества в честь Бахуса. По его словам, пьянство процвѣтало, главным образом, на почвѣ скуки и бездѣлія, сами же по себѣ помѣщички представляли «тѣсный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположеніем». В этом обществѣ можно было встрѣтить и тѣх оставшихся в живых сподвижников и друзей В. Г. Полетики, из чьей среды вышла «Исторія Русов». Встрѣчи с ними происходили также при дворѣ генерал-губернатора кн. Репнина, с которым Шевченко познакомился через А. В. Капниста, сына поэта. О Мазепѣ, о Полуботкѣ, о Петрѣ и Екатеринѣ, а также о присоединеніи Малороссіи, как печальной датѣ в исторіи края, он мог наслушаться здѣсь вдоволь. Недаром именно на эти годы близости с черниговскими и полтавскими помѣщиками падают самыя непріязненныя его высказыванія о Богданѣ Хмельницком.

Во всей эпопѣе Хмельничины он видѣл только печальный, по его мнѣнію, факт присоединенія к Москвѣ, но ни страданій крестьянскаго люда под «лядским игом», ни ожесточенной борьбы его с Польшей, ни всенароднаго требованія воссоединенія с Россіей знать не хотѣл. Величайшая освободительная война украинскаго крестьянства осталась вовсе незамѣченной вчерашним крѣпостным.

В московском періодѣ исторіи, его опять печалит судьба не крестьянства, а казачества. Он плачет о разгонѣ Стѣ-

чи, а не о введеніи новаго крѣпостного права. Возмущаясь тѣм, что «над дѣтьми казацкими поганци пануютъ», он ни разу не возмущился пануваньемъ дѣтей казацкихъ над его мужицкими отцами и дѣдами, да и над ним самимъ. Періодъ послѣ присоединенія къ Россіи представляется ему сплошнымъ обдираніемъ Украины. «Москалики що заздрили то все очухрали».

Драгомановъ не безъ основанія полагалъ, что черниговскія и полтавскія знакомства оказали на Шевченко гораздо болѣе сильное вліяніе, чѣмъ разговоры съ Гулакомъ, Костомаровымъ и Кулишемъ. Патріотизмъ его сложился, главнымъ образомъ, въ лѣвобережныхъ усадьбахъ «потомковъ гетмана дурного», гдѣ его носили на рукахъ, гдѣ онъ былъ объявленъ надеждою Украины, національнымъ поэтомъ, гдѣ нашлась, даже, почитательница, готовая на собственный счетъ отправить его на три года въ Италію.

«Национальнымъ поэтомъ» объявленъ онъ не потому, что писалъ по-малороссійски и не потому, что выражалъ глубины народнаго духа. Этого, какъ разъ, и не видимъ. Многіе до и послѣ Шевченко писали по-украински, часто, лучше его, но только онъ признанъ «пророкомъ». Причина: — онъ первый воскресилъ казачью ненависть къ Москвѣ и первый воспѣлъ казачьи времена, какъ національныя. Костомарову не удастся убѣдить насъ, будто «Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, если бъ его народное чувство могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души»¹⁸³. Поэзія его интеллигентская, городская и направленческая. Бѣлинскій, сразу же по выходѣ въ свѣтъ «Кобзаря», отмѣтилъ фальшъ его народности:

«Если господа Кобзари думаютъ своими поэмами принести пользу низшему классу своихъ соотчичей, то въ этомъ они очень ошибаются; ихъ поэмы, несмотря на обиліе самыхъ вульгарныхъ и площадныхъ словъ и выраженій, лишены простоты вымысла и разсказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всѣмъ плехимъ пїитамъ, часто нисколько не народны, хотя и подкрѣпляются ссылками на исторію, пѣсни и преданія, слѣдовательно, по всѣмъ этимъ признакамъ — онѣ непонятны простому народу и не имѣютъ въ себѣ ничего съ нимъ симпатизирующаго».

Лѣтъ через сорокъ, то же самое повторил Драгоманов, полагавшій, что «Кобзарь» «не может стать книгою ни вполне народною, ни такой, которая бы вполне служила проповѣди «новой правды» среди народа».

Тот же Драгоманов свидѣтельствует о полном провалѣ попыток довести Шевченко до народных низов. Всѣ опыты чтенія его стихов мужикам кончались неудачей. Мужики оставались холодны¹³⁴.

Подобно тому, какъ казачество, захватившее Украину, не было народным явленіем, так и всякая попытка его воскрешенія, будь то политика или поэзія, — ненародна в такой же степени.

Несмотря на всѣ пропагандныя усилія самостійнической клики, вкупѣ с совѣтской властью, Шевченко был и останется не національным украинским поэтом, а поэтом націоналистическаго движенія.

ПЕРВЫЯ ОРГАНИЗАЦІИ

Слово «организация» плохо вяжется с маленьким кружком, известным под именем «Кирилло-Мефодіевскаго Братства», возникшим в Кіевѣ при университетѣ Св. Владиміра, в 1846-1847 г. Он не успѣл ни организовать, ни начать дѣйствовать, как был ликвидирован полиціей, усмотрѣвшей в нем революціонное общество, вродѣ декабристскаго. Идеи насильственнаго ниспроверженія государственнаго строя у его членов не было, но успѣли выработаться кое какіе взгляды на будущее устройство Россіи и всѣх славянских стран. Это устройство представлялось на манер древних вѣчевых княжеств — Новгорода и Пскова. В бумагах Н. И. Костомарова, самаго восторженнаго из членов братства, сохранилась запись: «Славянскіе народы воспрянут от дремоты своей, соединятся, соберутся со всѣх концов земель своих в Кіев, столицу славянскаго племени, и представители всѣх племен, воскресших из настоящаго униженія, освободятся от чужих цѣпей, возсядут на горах (кіевских) и загремит вѣчевой колокол у Св. Софіи, суд, правда и равенство воцарятся. Вот судьба нашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно с Кіевом»¹⁸⁵.

«Матери городов русских» предстояла роль матери всѣх славянских городов.

Не трудно в этом отрывкѣ уловить все тот же мотив «Соединенных славян», звучащій в названіях одного из декабристских обществ и кіевской масонской ложи. При

этом не обязательно предполагать, как это часто дѣлают, идейную преемственность между декабристами и кирилло-мефодіевцами. Гораздо вѣрнѣе допустить, что тѣ и другіе имѣли общаго учителя панславизма в лицѣ поляков. Недаром «Книги бытія украинскаго народа», написанныя Костомаровым, как нѣкое подобіе «платформы» братства, хранят на себѣ ясный слѣд вліянія «Книг польскаго народа и польскаго пилигримства» Мицкевича. Кромѣ того, во время их написанія, в 1846 г., Костомаров часто встрѣчался с поляком Зеновичем — бывшим профессором Кременецкаго лица, разсадника польскаго націонализма. Зенович был ревностным поборником идеи всеславянскаго государства.

Главные принципы Кирилло-Мефодіевскаго кружка давно выяснены и сформулированы. А. Н. Пыпин дает краткую их сводку в таком видѣ: освобожденіе славянских народностей из под власти иноплеменников, организація их в самобытныя политическія общества федеративно связанныя между собою, уничтоженіе всѣх видов рабства, упраздненіе сословных привилегій и преимуществ, религиозная свобода мысли, печати, слова и научных изысканій, преподаваніе всѣх славянских нарѣчій и литератур в учебных заведеніях¹⁸⁶ К этому надо прибавить, что такая всеславянская федерація мыслилась не монархической, а республиканской, демократической. Про царя говорили, что он «хочь якій буде розумний, а як стане самодержавно панувати, то одуриє». Всѣми общими дѣлами должен завѣдывать «общій славянскій собор из представителей всѣх славянских племен».

Малороссія мыслилась в числѣ независимых славянских стран, «как равная с равными» и даже чѣм то вродѣ лидера федераціи.

Независимая украинская государственность основывалась, таким образом, на европейском демократическом міровоззрѣніи. На этом же строилась «внутренняя» политика, в частности, преподаваніе в школах на простонародном разговорном языкѣ. Оправдывалась эта мѣра соображеніями культурнаго прогресса. Главной цѣлью был не язык сам по себѣ, а мужицкая грамотность. Поднять образова-

тельный уровень простого народа считали возможным только путем преподавания на том нарѣчїи, на котором народ говорит.

Идея эта — западнаго происхожденія; там она горячо обсуждалась и породила обширную литературу. Отголоском ея в Россїи были учебники на тульском нарѣчїи, которые писал впоследствии Л. Н. Толстой, для своей яснополянской школы. То же собиралось дѣлать вятское земство. Члены братства не связывали с этим намѣренія отдѣлиться от общерусскаго литературнаго языка; напротив, преподаваніе на своем нарѣчїи способствовало бы, по их мнѣнію, скорѣйшему приобщенію малорусса к литературному языку и к сокровищам общерусской культуры.

В 1847 г., по доносу одного студента, подслушавшаго разговоры братчиков, они были арестованы и разосланы по болѣе или менѣе отдаленным мѣстам. Только к концу 50-х годов выходят из ссылки и съѣзжаются в Петербург. Общества своего не возобновляют, но образ их мыслей, попрежнему, — «прогрессивный». Это и дало основаніе Каткову не дѣлать различія между украинофильством и всѣми другими «бродячими» элементами русскаго общества.

Если не считать довольно блѣдных Гулака и Бѣлозерскаго, то самыми видными фигурами Кирилло-Мефодіевскаго Братства были Шевченко, Кулиш и Костомаров. Шевченко «видным» был, больше, как поэт, чѣм как член братства, с которым был очень слабо связан. Вдохновителем, «теоретиком» и душой всей группы был Н. И. Костомаров — молодой в то время профессор исторїи кїевского университета.

Из «Автобіографїи» его можно заключить, что любовь к малороссійскому народу явилась у него, в значительной степени, случайно и объяснялась тѣм, что никакого другого поблизости не было. До 18 лѣтъ будущій украинскій патріот не знал даже малороссійскаго языка. По крови он был полувеликорусс-полумалорусс. Отец его, воронежскій помѣщик, был русским, но мать — украинка и происходила из крѣпостных. Костомаров сам рассказывает, как отец его, будучи уже пожилым человѣком, облюбовал се-

бѣ из числа своей дворни жену, бывшую в то время маленькой дѣвочкой, отправил ее в Петербург учиться, помѣстил в институт для благородных дѣвиц и когда она по окончаніи его вернулась образованной, воспитанной барышней — женился на ней. Будущій историк, таким образом, родился и вырос в семьѣ совершенно русской по духу и по культурѣ. Малороссійскія симпатіи появились у него в Харьковѣ, по окончаніи университета, в 1836-1837 г. и внушены были, главным образом, И. И. Сръзневским — тоже великоруссом, увлекшимся собираніем украинской народной поэзіи и выпустившим в 30-х годах свои знаменитыя «Запорожскія Древности». «Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому, — признавался Костомаров. — Я вздумал писать по-малорусски, но как писать? Нужно учиться у народа, сблизиться с ним. И вот я стал заговаривать с хохлами, ходил на вечерницы и стал собирать пѣсни». Однажды на такой вечернице хлопцы чуть не побили молодого народолоубца, приревновав его к дѣвицам.

Ко времени своего хожденія в народ, Костомаров был уже демократом и поборником прав крестьянства. Демократическія страсти наложили печать и на его занятія исторіей, которую он полюбил больше всѣх других наук. Он рано задался вопросом: «отчего это во всѣх исторіях толкуют о выдающихся государственных дѣятелях, иногда о законах и учрежденіях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бѣдный мужик земледѣлец, труженик, как будто не существует для исторіи».

«Скоро я пришел к убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвым лѣтописям и запискам, а и в живом народѣ. Не может быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатывались в жизни и воспоминаніях потомков; нужно только приняться, поискать и вѣрно найдется многое, что до сих пор упущено наукой. Но с чего начать? Конечно с изученія своего русскаго народа, а так как я жил тогда в Малороссіи, то и начать с малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня к чтенію народных памятников. Первый раз в жизни добыл я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 г., великорусскія пѣсни Сахарова и при-

нялся читать их. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи, я никак и не подозревал, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были в произведеніях народа столь близкаго ко мнѣ и о котором я, как увидѣлъ, ничего не зналъ»¹⁸⁷. Костомаров признается, что была еще одна причина любви его к малороссійскому народу — старинное его общественное устройство, совпадавшее с демократически-республиканскими идеалами историка. Казачество с его «радами» — общими сходками, на которых рѣшались важнѣйшіе вопросы, с его выборным начальством, со своим судоустройством, с полным отсутствіем какой бы то ни было аристократіи или автократіи, представлялось той республикой, к которой так лежало сердце будущаго кирилломефодіевца. Мы уже приводили в одной из первых глав цитату из его «Книгъ бытія украинскаго народу» восхваляющую казаков за их порядки и обычаи. Распространеніе их на всю Украину представлялось ему величайшим прогрессом и благодѣніем для народа. «Незабаром були б на Украинѣ уси казаки, уси вильни и ривни, и не мала б Украина над собою ни царя, ни пана, оприч Бога единого, и дивлячись на Украину так бы зробилось и в Польци, а там и в другихъ словянскихъ краяхъ»¹⁸⁸. «Республиканское» казачье устройство в большей мѣрѣ, чѣм народныя пѣсни привязало Костомарова к Украинѣ. Сильнаго соперника имѣла она только в лицѣ Господина Великаго Новгорода. Перед этой древнерусской республикой Костомаров благоговѣлъ настолько, что когда его, послѣ слѣдствія по дѣлу кирилломефодіевцев, отправляли из Петербурга в ссылку, он, проѣзжая мимо Новгорода и завидѣвъ издали купола св. Софіи, встал в коляскѣ, снял шляпу и разразился такими шумными привѣтствіями древней колыбели народоправства, что сидѣвшій с ним рядом жандарм пригрозилъ вернуть его снова в Третье Отдѣленіе, если он не сядет и не перестанет витійствовать¹⁸⁹. Сѣвернорусским народоправствам, во главѣ которых стоялъ Новгород, посвящена была впослѣдствіи одна из лучших его монографій.

Костомаров разрывался в своей любви между Новгоро-

дом и Украиной, и трудно сказать, кого из них любил больше. В сочинениях его ясно проступает тенденция сблизить между собою обѣ эти симпатичныя ему земли и найти между ними національное сходство. «В натурѣ южно-русской — по его словам — не было ничего насилующаго, нивелирующаго, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути к предназначенной цѣли. То же самое является на отдаленном сѣверѣ в Новгородѣ». Найдя в словарѣ Даля нѣсколько слов записанных в Новгородской Губерніи и бытовавших также на Украинѣ, он заключил об общей языковой основѣ у ильменских и днѣпровских славян. Прибавив к этому нѣсколько других наблюдений, построил теорію, по которой «между древними ильменскими славянами и южноруссами было гораздо большее сходство, чѣм между южно-руссами и другими славянскими племенами русскаго материка». По его мнѣнію, «часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстных нам теперь обстоятельств, удалилась на сѣвер и там водворилась со своим нарѣчіем и с зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ»¹⁴⁰. Этот опыт удачнаго присоединенія Новгорода к Украинѣ, а вслѣд за Новгородом — Пскова и Вятки, как филиалов древней республики, лучше всяких разсуждений уясняет нам стимулы политической мысли и дѣятельности Костомарова.

Причиной, по которой его республиканско-демократическія мечтанія вылились в украинофильскія формы, были все тѣ же легенды и лѣтописи казачества, «открывшія глаза» историку на запорожскій республиканизм, на старинную тягу украинцев к свободѣ и независимости, и на душителя этой свободы — московскаго царя, того самаго, что нѣкогда уничтожил «Річь Посполиту Новгородску вильну и ривну». «Побачила Украина що попалась у неволю, бо вона по своей простотѣ не пизнала, що такое було царь московскій, а царь московскій усе ривно було що идол и мучитель»¹⁴¹.

Еще раз, надо вспомнить и юный возраст кирилломефодіевцев, и романтизм породившій повальное увлеченіе этнографіей, филологіей, исторіей, — вспомнить полную

неизученность украинской истории, чтобы понять почему даже такие люди, как Костомаров, составившие себя впоследствии ученое имя, попали в плен к фальсифицированной истории. Человек пылкий, увлекающийся, он всей душой принялся служить тому евангелию, в которое увверовал. Здесь мы не собираемся давать очерка его трудов, отметим лишь, что в них можно найти все основные положения «Истории Русов», начиная с тезиса об Украинѣ, как издревле обособленной странѣ. Он пишет статью «О двух русских народностях», усматривая национальную разницу между ними с незапамятных времен. Он считает, что русское имя принадлежало первоначально югу, Киевщинѣ, и только потом перенесено на сѣверо-восточные области, представлявшія собой, как бы, колонии Киева. Украина представляется разсадником «федеративнаго начала», которое она несомнѣнно распространила бы на всю древнюю Русь, если бы не монгольское нашествіе. Национальный дуализм Литовско-Русскаго государства и послѣдующая инкорпорация его в состав короны польской разсматриваются, как природное влеченіе украинцев к федеративным формам государственнаго устройства. Таким же влеченіем отмѣчена и политика гетманскаго періода, «когда казаки, освободившись от господства панов, думали сохранить свою самостоятельность, вступивши в союз с какой нибудь из сосѣдних стран, то с Польшей с которой так недавно рѣзались, то с Турціей, полагаясь на ея обѣщаніе хранить неприкосновенность их вѣры и народности, несмотря на то, что судьба христіанских народов, находившихся уже под турецкой властью, должна была заставлять их ожидать себѣ иной участи, — то с Московским Государством, с которым сознательно связывались узами единовѣрія и с которым дѣйствительно соединились, только на началах полнаго подчиненія»¹⁴² Демократическія идеи Костомарова-федералиста нашли здѣсь удачное сочетаніе с извѣстной нам тезой «Истории Русов» о том, что малороссы никогда никѣм не завоевывались, но всегда соединялись с другими народами по своей волѣ, «как равные с равными».

Не менѣе удачное сочетаніе наблюдается и в вопросѣ о

народоправствѣ. По «Исторіи Русовъ», на Украинѣ, от самой древности, «князья или верховные начальники избираемы были от народа в одной особѣ, но на всю династію, и потомство избраннаго владѣло по наслѣдію». Костомаров подхватил этот мотив связав его с дѣятельностью вѣча, как органа верховной народной власти, и с выборностью должностных лиц у казаков. Казачья рада представилась ему продолженіем традицій древняго вѣча, прообраза исконных демократических порядков.

Всѣ эти раннія статьи Костомарова написаны без достаточнаго знакомства с предметом и совершенно не аргументированы. Порой кажется, что их писал не историк. Первое глубокое погруженіе его в историческіе источники произошло в 50-х годах, когда он начал работать над исторіей Богдана Хмельницкаго. Знакомство с документальным матеріалом не могло не обратить его вниманія на легендарный характер соответствующих страниц «Исторіи Русовъ», но это еще не послужило стимулом к критикѣ тенденціознаго памятника. Во множествѣ послѣдующих работ он продолжал разсматривать присоединеніе Малороссіи к Москвѣ, как печальный факт, а пятидесятилѣтній період гетманщины — самым свѣтлым временем. В этом смыслѣ, он долго оставался вѣрен своему кирилломефодіевскому манифесту — «Книгам Бытія Украинскаго Народу». А там, про эту эпоху измѣн и междоусобій сказано: «и есть то найсвятѣйша и найславнѣйша война за свободу». Даже в «Руинѣ», гдѣ приводимый им яркій матеріал говорит сам за себя и рисует гетманскій період, как черную страницу в исторіи края, — Костомаров ретуширует картину в духѣ «Исторіи Русовъ». Он медленно освобождался от духовнаго плѣна этого произведенія. Окончательно освободился только под конец жизни. Демократом и народолюбом остался навсегда, но занятія малороссійской исторіей произвели в его украинско-націоналистических воззрѣніях цѣлый переворот. Хищныя крѣпостническія устремленія казачества открылись ему в полной мѣрѣ и мы уже не слышим под конец жизни историка восторженных гимнов запорожскому рыцарству. Ясна стала несправедливость и нападок на Екатерину II, как главную винов-

ницу закрѣпощенія украинскаго крестьянства. Под конецъ Костомаровъ вынужденъ былъ назвать «Исторію Русовъ» «вреднымъ» произведеніемъ. Вытаскивая изъ своего ученаго мышления одну за другой занозы вонзившіяся туда в молодости, Костомаровъ незамѣтно для себя ощипалъ все свое національно-украинское опереніе. Оставшись украинцемъ до самой смерти онъ, тѣмъ не менѣе, подвергъ очень многое строгой ревизіи. Даже царь московскій перестаетъ быть «идоломъ и мучителемъ». В. 1882 г., въ статьѣ «Задачи Украинифильства»¹⁴⁸, онъ упоминаетъ о царѣ в совсѣмъ иномъ тонѣ: «Малоруссъ вѣренъ своему царю, всей душой преданъ государству; его патріотическое чувство отзывчиво и радостью и скорбью къ славѣ и къ потерямъ русской державы ни на волосъ не менѣе великорусса, но в своей домашней жизни, в своемъ селѣ или хуторѣ, онъ свято хранитъ завѣты предковской жизни, всѣ ея обычаи и пріемы, и всякое посягательство на эту домашнюю святыню будетъ для него тяжелымъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ». Здѣсь историкъ какъ бы возвращается къ юношескому, къ харьковскому періоду своей жизни, и отбросивъ все политическое, что было привнесено «Исторіей Русовъ», оставляетъ одни романтическіе элементы любви къ малороссійскому народу. Подъ старость, онъ перестаетъ приписывать малороссамъ несуществовавшую у нихъ враждебность къ единому россійскому государству, перестаетъ возбуждать и натравливать ихъ на него. Политическій націонализмъ представляется ему, отнынѣ, дѣломъ антинароднымъ, разрушающимъ и коверкающимъ духовный обликъ народа. Таковы, напримѣръ, его высказыванія противъ упорнаго стремленія нѣкоторыхъ круговъ искусственно создать новый литературный языкъ на Украинѣ.

Сходную съ Костомаровымъ эволюцію совершилъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Правда, взгляды его излагать очень трудно по причинѣ непостоянства. Онъ часто и круто мѣнялъ свои точки зрѣнія на украинскій вопросъ. Зато в государственно-политическихъ воззрѣніяхъ оставался болѣе или менѣе твердъ: подобно прочимъ кирилломедфодіев-

цам, никогда не отрекался от республиканско-федералистических убеждений.

Так же, как Костомаров, он начал с этнографіи, с увлеченія народной поэзіей и, первоначально, его украинство мало чѣм отличалось от украинства Метелинскаго или Максимовича. Недаром Максимович оказывал ему всяческую поддержку и покровительство. Годом к 20-ти Кулиш начал печататься у него в «Кіевлянинѣ»; писал по-русски историческіе романы из украинской жизни.

Кирилло-мефодиевская идеологія отразилась, впервые, в его «Повѣсти об украинском народѣ», напечатанной в 1846 г. Это «вольный» очерк исторіи Украины с ясно фрустуяющей мыслью, что она могла бы быть в прошлом самостоятельной, если бы не измѣна малороссійскаго дворянства и не московское владычество. С симпатіей говорится в этом сочиненіи о казачествѣ как лучшей части малороссійскаго народа.

Видно, что не однѣ поэмы Рылѣва или поддѣльные kobzarskія «думы», но и лѣтопись Грабянки и «Исторія о презельной брани» и «Исторія Русов» в то время извѣстны были ему. Лѣт через 10 — он уже законченный націоналист казачьяго толка. Двухтомныя «Записки о южной Руси», вышедшія в 1856-1857 г., — памятник этого второго періода его писательства. Казакам в нем воскуряется фиміям, как вождям южно-русскаго народа.

Это они привили ему чувство собственнаго достоинства и раскрыли глаза на нелѣпыя притязанія и спесь польской шляхты. Случилось это потому, что «нося оружіе и служба отечеству наравнѣ со шляхтою, казаки создавали себѣ тѣм же путем, что и она, понятіе о своем благородствѣ и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой или польской шляхты». Будучи «двигателями народных возстаній», они передали эти чувства народу. Хмельничина представлялась в то время Кулишу не борьбой крестьянства с помѣщиками, а «едва ли не единственным примѣром войны из за оскорбленнаго чувства челоѣческаго достоинства».

Превращеніе Кулиша из романтическаго Савла в апо-

стола казачьяго евангелія ярче всего проявилось в разницѣ оцѣнок повѣстей Гоголя. Первоначально, онѣ вызывали у него шумное восхищеніе.

«Надобно быть жителем Малороссіи, или лучше сказать малороссійских захолустій, лѣтъ тридцать назад, чтобы постигнуть до какой степени общій тон этих картин вѣрен дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чувствуешь знакомый склад рѣчей, слышишь родную интонацію разговоров, но видишь лица собесѣдников и обоняешь напитанную запахом пирогов со сметаной или благуханіем сотов атмосферу, в которой жили эти прототипы гоголевской фантазіи»¹⁴⁴.

Но уже в 1861 г., в «Основѣ», можно прочесть:

«Мы всѣ тѣ, кто в настоящее время имѣет драгоцѣнное право называться украинцем, объявляем всѣм кому о том вѣдать надлежит, что разобранные и упомянутые мною типы гоголевых повѣстей — не наши народные типы, хотя в них кое что и взято с природы и угадано великим талантом, но в главнѣйших своих чертах они чувствуют, судят и дѣйствуют не по украински, и что поэтому при всем уваженіи нашем к таланту Гоголя, мы признать их земляками не можем»¹⁴⁵.

К этому же времени относятся антирусскіе выпады в духѣ «Исторіи Русов», обвиненіе имперскаго правительства во введеніи «неслыханнаго в Малороссіи закрѣпощенія свободных поселян», в безчисленных притѣсненіях простого народа, в грабежѣ земель, во «введеніи в малороссійскій трибунал великорусских членов», слѣдствіем чего явились «сцены насилій и ужасов, от которых становится волю дыбом у историка».

По словам Костомарова, в 60-х годах Кулиша «считали фанатиком Малороссіи, поклонников казаччины; имя его неотцѣпно прилипало к так называемому украинфильству». Послѣ этого происходит метаморфоза. Лѣтъ десять он умолкает, сходит со страниц печати и только в 1874 г. снова появляется. В этом году вышла первая книга его трехтомнаго сочиненія «Исторія воссоединенія Руси».

Продолжительное молчаніе объяснялось занятіями по исторіи Малороссіи. Кулиш подверг разсмотрѣнію важнѣйшее событіе в ея судьбѣ — возстаніе Хмельницкаго и присоединеніе к Москвѣ. Он поднял гору матеріала, перебрал и передумал прошлое своего края и, по словам того же Костомарова, «совершенно измѣнил свои воззрѣнія на все малорусское, и на прошедшее, и на современное». Широкое знакомство с источниками, критическое отношеніе к фальсификаціям, представили ему казачество в неожиданном свѣтѣ. Рыцарскіе доспѣхи, демократическія тоги были совлечены с этого разбойнаго антигосударственнаго сборища. Друзья, в том числѣ и Костомаров, были недовольны таким слишком открытым сокрушеніем кумиров, которым служили всю свою жизнь, но серьезных возраженій против приведенных Кулишем данных — не сдѣлали. Развѣнчав казачество, он по иному оцѣнил и поэзію своего друга Шевченко.

В украинофильских домах портреты Кулиша и Шевченко всегда висѣли вмѣстѣ, как двух апостоловъ «національнаго возрожденія». Теперь один из них называет музу своего покойнаго друга — «полупьяною и распущенною». Тѣнь поэта, по его словам, «должна скорбѣть на берегах Ахерона о былом умоизступленіи своем». Под умоизступленіем разумѣлась національная ненависть, главным образом руссофобія, разлитая в стихах Шевченко. Тут и поношеніе имен Петра, Екатерины и всѣ выпады против москалей.

Только освободившись сам от обольщеній казачей лжи и фальши, Кулиш понял, как портит эта ложь поэзію «кобзаря», котораго он сравнивал нѣкогда с Шекспиром и Вальтер Скоттом. По его словам, отверженіе многого, что написано Шевченко в его худшее время, было бы со стороны общества «актом милосердія к тѣни поэта».

Появился стихотворный отпор ему по поводу славы Украины. Творец «Заповита» считал ее казацкой славой, которая никогда не «поляже». Кулиш увѣрял, что она «поляже», что казаки не украшеніе, а позор украинской исторіи.

Не герои правды и воли.
В камыши ховались
Та з татином дружили,
З турчином еднались.

.
Павлюкивци й Хмельничане,
Хижаки — пьяници,
Дерли шкуру з Украины
Як жида з телици,
А зидравши шкуру, мясом
З турчином делились,
Поки вси поля кистками
Білими покрылись.

Осудил Кулиш и свою прежнюю литературную дѣятельность. Про «Повѣсть об украинском народѣ», гдѣ впервые ярко проявились его націоналистическіе взгляды, он выразился сурово, назвав ее «компиляціей тѣх шкодливых для нашего разума выдумок, которыя наши лѣтописци выдумывали про ляхов, да тѣх, что наши кобзари сочиняли про жидов, для возбужденія или для забавы казакам пьяницам, да тѣх, которыя разобраны по апокрифам старинных будто бы сказаній и по поддѣланным еще при наших прадѣдах историческим документам. Это было одно из тѣх утопических и фантастических сочиненій без критики, из каких сшита у нас вся исторія борьбы Польши с Москвою»¹⁴⁶. Надобно знать благоговѣніе, с которым Кулиш в ранніе свои годы произносил слова «кобзарь» и «думы», чтобы понять глубину происшедшаго в нем переворота.

Вызван он не одними собственными его изысканіями, но и появленіем трудов, вродѣ «Критическаго обзора разработки главных русских источников до исторіи Малоросіи относящихся» проф. Г. Карпова. Сами украинифилы немало сдѣлали для разоблаченія поддѣлок. Стало извѣстно, напримѣр, что «Дума о дарах Баторія», «Дума о чигиринской побѣдѣ, одержанной Наливайкой над Жолкевским», «Пѣсня о сожженіи Могилева», «Пѣсня о Лободѣ», «Пѣсня о Чураѣ» и многія другія — поддѣланы в ХУІІІ и в

XIX вв. По заключенію Костомарова, спеціально занимавшагося этим вопросом, нѣтъ ни одной малороссійской «думы» или пѣсни, относящейся к борьбѣ казаков с Польшей, до Богдана Хмельницкаго, в подлинности которой можно быть увѣренным¹⁴⁷.

Замѣчено, что украинскія поддѣлки порождены не любовью к поэзіи и не страстью к стилизаціи. Это не то, что «Оссіан» Макферсона или «Пѣсни западныхъ славянъ» Мериэ. Онѣ преслѣдуютъ политическія цѣли. Сфабрикованы онѣ тѣми же кругами, которые фабриковали фальшивые документы из исторіи казачества, сочиняли историческія легенды, включали их в лѣтописи казацкія и создали «Исторію Русовъ». Весьма возможно, что нѣкоторыя пѣсни были поддѣланы в оправданіе и подкрѣпленіе соотвѣтствующихъ страницъ «Исторіи Русовъ».

Узнавъ все это, Кулишъ началъ с такимъ же пыломъ ополчаться на прежнихъ своихъ идоловъ, с какими нѣкогда служилъ им. Недостатокъ образованія, недостатокъ научныхъ знаній в области отечественной исторіи сталъ в его глазахъ величайшимъ порокомъ и преступленіемъ, котораго онъ не прощалъ націоналистически настроенной интеллигенціи своего времени. Тонъ его высказываній об этой интеллигенціи становится язвительнымъ и раздраженнымъ. Попавъ в началѣ 80-хъ годовъ в Галицію, онъ приходитъ в ужасъ от тамошнихъ украинофиловъ, увидѣвъ тотъ же ложный патріотизмъ основанный на псевдонаукѣ, на фальсифицированной исторіи, еще в большей степени, чѣмъ в самой Украинѣ. Дѣятели галиційскаго національнаго движенія потрясли его своимъ духовнымъ и интеллектуальнымъ обликомъ. В книгѣ «Крашанка», выпущенной в 1882 г. во Львовѣ, онъ откровенно пишетъ об этихъ людяхъ, не способныхъ «подняться до самоосужденія, будучи народомъ систематически подавленнымъ убожествомъ, народомъ послѣднимъ в цивилизаціи между славянскими народами». Онъ обращается к мѣстной польской интеллигенціи с призывомъ «спасать темныхъ людей отъ легковѣрія и псевдо-просвѣщенныхъ отъ гайдамацкой философіи».

Окончательно порвать с украинизмомъ, которому они посвятили всю жизнь, ни Кулишъ, ни Костомаровъ не нашли в себѣ силъ, но во всей ихъ поздней дѣятельности чувству-

ется стремленіе исправить грѣхи молодости, направить поднятое ими движеніе в русло пристойности и благоразумія.

До 1861 г., когда в Петербургѣ начал выходить журнал «Основа», никакой групповой дѣятельности, украинофилов не наблюдается. Но и «Основа» просуществовала лишь до 1862 года. По словам И. Франко, она закрылась «не от злоключеній, а от истощенія сил»¹⁴⁸. Хотя она посвящена была украинской темѣ, печаталась не только по-русски, но и по-украински, тѣм не менѣе, политики там не было.

В литературѣ, часто можно встрѣтить утвержденія, будто журнал этот дал толчек к возникновенію націоналистическаго кружка в Кіевѣ, под именем «Громада». Какое-то оживленіе украинской мысли он мог вызвать, но у «Громады» были, повидимому, другіе вдохновители в лицѣ неизмѣнных польских патріотов. Недаром она появилась накануне польскаго возстанія и вмѣстѣ с его подавленіем замерла до 1868 года. Этот ранній період «Громады» очень темен. К концу же 60-х годов она выглядѣла собраніем университетской молодежи, увлеченной этнографіей, статистикой, археологіей и всяческим изученіем своего края. В 1873-1874 г. ей удается открыть в Кіевѣ «Юго-Западный Отдѣл Русскаго Географическаго Общества», в котором и сосредоточилась ея дѣятельность.

Но под академической внѣшностью таился все тот же дух европейских либерально-демократических мечтаній и вкусов.

Надо, впрочем, сказать, что дух этот сидѣлъ непрочно и не глубоко в большинствѣ, если не во всѣх членах «Громады». Только один был вполне и до конца им захвачен, по каковой причинѣ и приобрѣлъ руководящее положеніе в кружкѣ. Это был молодой профессор древней исторіи в кіевском университетѣ, Михаил Петрович Драгоманов. Не исключена возможность, что он приходился родственником тому декабристу Драгоманову, что упоминается в чис-

лѣ членов «Общества Соединенных Славян». Семейныя ли преданія или влїянїя среды были тому причиною, но тяготивнїе к политикѣ и к революціонно-соціалистическим идеалам появилось у него чуть не на школьной скамьѣ. К концу 60-х годов он был уже человѣком не только овладѣвшим европейской литературой в этой области, но и успѣвшим выработать свои собственныя убѣжденїя. Они до того своеобразны, что многіе до сих пор не знают, к какому из существовавших в XIX вѣкѣ соціалистических направленїй слѣдует его относить. Отсутствїе направленчества, столь выгодно отличавшее его от всѣх русских революціонеров того времени, как раз и было его первой характерной чертой. Нелюбовь к догмам, к застывшим схемам, трезвость в оцѣнках и сужденїях, врожденная неприязнь к утопіям и политическим фантазіям, все это в соединенїи с глубокими знанїями, широким теоретическим горизонтом дѣлало фигуру Драгоманова рѣдким явленїем среди російской интеллигенціи. П. Б. Струве называл его «подлинно научным соціалистом». Будучи убѣжденным противником абсолютизма, он не только не одобрял цареубїйств и прочих видов революціоннаго террора, но и насильственнаго ниспроверженїя самодержавїя путем возстанїя никогда не проповѣдывал. Соціалистическое преобразование міра связывалось у него не с кровавой революціей, а с рядом постепенных реформ. Національный вопрос, точно так же, имѣл не доминирующее, а подчиненное значенїе. Оставаясь всю жизнь патріотом роднаго края, он ничего не ставил выше соціализма, космополитизма и всего того, что по его словам не разъединяет, а связывает людей. Он и землякам своим предлагал называться «европейцами украинской націи». Національный украинскїй вопрос мыслился им как вопрос либерально-соціалистическаго переустройства общества. Прежде всего, он был средством вовлеченїя в политическую жизнь широких слоев населенїя. Національныя движенїя представлялись Драгоманову движенїями массовыми, в которых принимают участїе трудящіеся классы населенїя, «хранители духовнаго типа каждой національности». «Рабочее сословіе уже вошло в сферу международной жизни... вы-

ступленіе на политическую сцену просвѣщеннаго крестьянства только усилит движеніе начатое рабочим классом».

Раз сдвинутая с мертвой точки, посредством «національнаго пробужденія», народная толща неминуемо должна будет подойти к разрѣшенію соціальных проблем и к преобразованію государственно-политическаго строя. «Космополитизм в идеях и цѣлях, національность в основѣ и формѣ культурной работы» — так выразил Драгоманов свою украинскую «платформу»¹⁴⁹. Сущим обскурантизмом и кустарщиной, с его точки зрѣнія, было бы выведеніе общественно-политических и государственных форм «з почуття національнаго, з души этнографичной». Подобно тому, как космографія Коперника и Ньютона не могла вырасти из національнаго чувства, так и в области социально-политических идей все значительное могло возникнуть и возникло не на узко-національной, а на широкой международной основѣ. Ничѣм не ограниченное народное волеизъявленіе, свобода и неприкосновенность личности, свобода совѣсти, слова, печати, собраній, которыя он хотѣл видѣть у себя на родинѣ, — столь же украинскія, сколь и французскія, англійскія, американскія. Против сепаратизма, как такового, он ничего не имѣл. В принципѣ, признавал право на свободное государственное существованіе не только за каждой націей или племенем, но «за каждым селом». Понимая столь широко начало самоопредѣленія он, в то же время, требовал не меньшей широты ума в его примѣненіи. Он был упорным противником бессмысленнаго, никакими реальными потребностями не вызваннаго отдѣленія одного народа от другого. Прогрессивное значеніе исторически сложившихся великих европейских государств было ему ясно в полной мѣрѣ; раздробленіе их он считал великим политическим и культурным бѣдствіем. В существованіи таких государств заинтересованы, по его мнѣнію, всѣ населяющіе их народы; надо только, чтобы ни один народ не чувствовал себя там чужим, и чтобы всѣ имѣли полную возможность ничѣм не стѣсненнаго національнаго развитія.

Такая постановка вопроса предполагала не столько отдѣленіе того или иного народа от общаго государства,

сколько преобразование его на началах приемлемых для каждого живущего в нем племени. Разрешение национальной проблемы мыслилось в плоскости общественно-политической. Для Украины в особенности. Драгоманов отрицал наличие в ней сепаратизма или каких бы то ни было тенденций к отдѣлению от Россіи. Вся масса народа об этом не помышляет, если же какая-то кучка и питает подобное намѣреніе, то это до того ничтожное меньшинство, что его и во вниманіе принимать не приходится¹⁵⁰. То же самое он внушал, позднѣе, галиційским украинофилам. Да если бы сепаратизм и существовал, это нисколько не изменило бы его отношенія к вопросу об отдѣлении. «Отдѣленіе украинскаго населенія от других областей Россіи в особое государство (политическій сепаратизм), — есть вещь не только во всяком случаѣ очень трудная, если не невозможная, но при извѣстных условіях вовсе ненужная для каких бы то ни было интересов украинскаго народа». Он указывает на тысячу нитей, духовно и матеріально связывающих Украину с Россіей, порывать которыя без особой нужды было бы безуміем и величайшим ущербом для народа. Своих національных свобод Украина может полнѣе и успѣшнѣе добиться не на путях сепаратизма, а в нѣдрах Россійскаго Государства и эти свободы суть тѣ же самыя, за которыя борется революціонная русская интеллигенція. Россійская Имперія представлялась Драгоманову обветшалым зданіем, неспособным существовать далѣе в прежнем видѣ. Ея централизація, при необъятной территоріи, превращается в тормаз для культурнаго, экономическаго и всякаго иного развитія народа. Таким же тормазом представлялось ему неограниченное самодержавіе, противодѣйствовавшее росту народнаго самоуправления. Не побѣдив этих двух препятствій, Украина не может мечтать ни о каких національных задачах, а побѣдить их можно только вкупѣ со всеми россійскими народами и, прежде всего, с великоруссами. Драгоманов поэтому от своего имени и от имени своих послѣдователей заявлял: «Люди, посвятившіе себя освобожденію украинскаго народа, будут самыми горячими сторонниками преобразования всей

Россіи на началах наиболѣе благоприятных для свободы развитія всѣх ея народов»¹⁵¹.

«Политическая свобода есть замѣна національной независимости». Достаточно добиться в полной мѣрѣ прав челоуѣка и гражданина, чтобы тѣм самым оказалась приобрѣтенной и большая часть прав національных, а если к этому прибавить широкое самоуправленіе общинное, уѣздное и губернскае, то никакого другого огражденія неприкосновенности мѣстных обычаев, языка, школьнаго обученія и всей національной культуры искать не приходится. Децентрализація управленія Россійской Имперіей — вот то, над чѣм упорно работает мысль Драгоманова. В своем «Опытѣ украинской політико-соціальной программы» он дѣлит всю Россію на 20 областей по принципу экономическому, географическому и соціальному. Малороссійская народность, по этой схемѣ, оказывается раздѣленной между областями Полѣвской, Кіевской, Одесской, Харьковской. Области дѣлятся на уѣзды и волости представляющія собой самоуправляющіяся общины. Всѣ хозяйственныя, культурныя и бытовыя дѣла рѣшаются самим народом; к компетенціи общероссійскаго правительства относятся лишь дѣла общія всѣм областям. При таком строѣ украинцам никто абсолютно не помѣшает создавать собственную литературу, театр и музыку, ни сохранять старинные обычаи, ни устраиваться экономически с наибольшей для себя выгодой.

Значеніе Драгоманова не в том, что он был соціалист, а в том, что среди соціалистов являл рѣдкій примѣр трезваго, уравновѣшеннаго и широко образованнаго челоуѣка. При его направляющей роли украинское движеніе имѣло шанс приобрѣсти характер разумнаго и привлекательнаго движенія. Сдѣлавшись вождем, он имѣл возможность сдерживать гайдамацкія проявленія украинизма в стилѣ Шевченко и давать ему культурное направленіе. Авторитет его среди громадян был безспорный и его воззрѣнія безмолвно принимались всей группой. Но эта безмолвность озна-

чала не столько единомыслие, сколько отсутствие политической мысли. То были хорошие этнографы и статистики, вроде Чубинского и Рудченко, хорошие филологи и литературоведы, вроде Житецкого, Михальчука, Антоновича; они наполнили «Записки» киевского отдѣла Русскаго Географическаго Общества цѣнными трудами, но в политическом отношеніи были людьми малоразвитыми. Драгомановскій социализм принимали потому, что ничего ни изобрѣсти, ни противопоставить ему не могли.

Но было очевидно, что такой политической облик кружка мог удерживаться до тѣх пор пока сам «мѣтр» оставался во главѣ его. Стоило ему в 1877 г. уѣхать за границу, как этнографы, филологи, любители народных пѣсен остались без политическаго компаса.

Отъѣзд Драгоманова, в какой-то степени, — знаменательное событіе, вѣха, означающая новый этап в исторіи украинизма. Но событіе это получило превратное толкованіе в самостійнической литературѣ. Его связывают с притѣсненіями украинофильства в Россіи, особенно с гоненіями на малороссійскій язык.

Тому, кто когда нибудь перелистывал самостійническія брошюры и книги, хорошо извѣстно, какое мѣсто удѣляется в них темѣ «знищенія вкраинської мовы».

Сам Драгоманов, по выѣздѣ из Россіи опубликовал письмо писательскому конгрессу в Париже с жалобой на запрещеніе украинской литературы русским правительством¹⁶². Повод к такой демонстраціи дан двумя правительственными указами 1863 и 1876 гг.

Современный русскій читатель так мало освѣдомлен об этом важном эпизодѣ, что многое, связанное с ним, будет ему непонятно без нѣкоторых необходимых справок.

Из предыдущих глав видно, что не только вражды правящей Россіи к малороссійскому языку не существовало, но была опредѣленная благожелательность. Петербургскія и московскія изданія на украинском языкѣ — лучшее тому свидѣтельство. Благожелательность эта усилилась в царствованіе императора Александра II.

В 1861 г. возникла идея печатанія официальных государственных документов по-малороссійски и первым таким

опытом должен был быть манифест 19 февраля об освобождении крестьян. Инициатива исходила от П. Кулиша и была положительно встрѣчена на верхах. 15 марта 1861 г. послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на перевод. Но когда перевод был сдѣлан и через мѣсяц представлен на утвержденіе Государственнаго Совѣта, его не сочли возможным принять. Кулиш еще до этого имѣл скандальный случай перевода Библии с его знаменитым «Хай дуфает Сруль на Пана» (Да уповаает Израиль на Господа). Теперь, при переводѣ манифеста, сказалось полное отсутствіе в малороссійском языкѣ государственно-политической терминологии. Украинфильской элитѣ пришлось спѣшно ее сочинят. Сочиняли путем введенія полонизмов или коверканья русских слов. В результатѣ получилось не только языковое уродство, но и совсѣм непонятный малороссійскому крестьянину текст, по крайней мѣрѣ, менѣе понятный, чѣм обычный русскій. Напечатанный впоследствии, в «Кіевской Старинѣ», он служил матеріалом для юмористики.

Но когда, в 1862 г., Петербургскій Комитет Грамотности возбуждает ходатайство о введеніи в Народных школах Малороссіи преподаванія на мѣстном нарѣччі, оно принимается к разсмотрѣнію и сам министр народнаго просвѣщенія А. В. Головнин поддерживает его. По всей вѣроятности, проект этот был бы утвержден, если бы не начавшееся польское возстаніе, встревожившее правительство и общественные круги.

Выяснилось, что повстанцы дѣлали ставку на малороссійскій сепаратизм и на разжиганіе крестьянских аграрных волненій на югѣ Россіи, посредством агитаціонных брошюр и прокламацій на простонародном нарѣччі. И тут замѣчено было, что нѣкоторые украинфильы охотно сотрудничали с поляками на почвѣ распространенія таких брошюр. Найденные при обысках у польских главарей бумаги обнаружили прямыя связи украинских націоналистов с возстаніем. Извѣстен случай с Потемней, двоюродным братом знаменитаго языковѣда, присоединившимся к повстанцам. Едва ли не главными информаторами, раскрывшими правительству глаза на связь украинскаго націонализма с возстаніем, были сами же поляки, только не тѣ, что гото-

вили возстаніе, а другіе — помѣщики праваго берега Днѣпра. Сочувствуя возстанію и налаживая связи его вожаков с украинофилами (с учителями воскресныхъ школ, со слушателями «Временной педагогической школы»), они пришли в величайшее смятеніе, когда узнали, что повстанцы берут курс на разжиганіе крестьянскихъ бунтов на Украинѣ. Лозунг генерала Марославскаго о пробужденіи «нашей запоздавшей числомъ Хмельничины» былъ для нихъ настоящимъ ударомъ. Пришлось выбирать между освобожденіемъ Польши и цѣлостью своихъ усадеб. Они выбрали послѣднее.

Собравъ такимъ путемъ свѣдѣнія о характерѣ украинофильства, в Петербургѣ рѣшили «пресѣчь» крамолу. Будь это в какой нибудь богатой политическимъ опытомъ европейской странѣ, вроде Франціи, администрація уладила бы дѣло без шума, не дав повода для разговоровъ и не вызывая ненужнаго недовольства. Но русская правящая среда такой тонкостью приѣмовъ не отличалась. Кромѣ циркуляровъ, приказовъ, грозныхъ окриковъ, полицейскихъ репрессій, в ея инструментаріи не значилось никакихъ другихъ средствъ. Проекту преподаванія на малороссійскомъ языкѣ не дали ходу, а печатаніе малороссійскихъ книгъ рѣшили ограничить.

18 іюля 1863 года министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ обратился с «отношеніемъ» къ министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину, увѣдомляя его, что с монаршаго одобренія онъ призналъ необходимымъ, временно, «впредь до соглашенія с министромъ народнаго просвѣщенія, обер-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и шефомъ жандармовъ» — дозволить к печати только такія произведенія на малороссійскомъ языкѣ, «которыя принадлежатъ к области изящной литературы», но ни книгъ духовнаго содержанія, ни учебниковъ, ни «вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа» — не допускать. Это первое ограниченіе самимъ министромъ названо было «временнымъ» и никакихъ серьезныхъ послѣдствій не имѣло — отпало на другой же годъ. Но оно приобрѣло большую славу по причинѣ словъ: «малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ», употребленныхъ Валуевымъ. Слова эти, выхваченныя изъ текста

документа и разнесенная пропагандой по всему свѣту, служили как бы доказательством презрѣнія и ненависти официальной Россіи к украинскому языку, как таковому. Большинство не только читателей, но и писавших об этом эпизодѣ, ничего о нем, кромѣ этой одіозной фразы, не знало, текста документа не читало. Между тѣм, у Валуева не только не видно презрѣнія к малороссійскому языку, но он признает ряд малороссійских писателей на этом языкѣ «отличившихся болѣе или менѣе замѣчательным талантом». Он хорошо освѣдомлен о спорах вѣдущихся в печати относительно возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы, но сразу же заявляет, что его интересует не эта сторона проблемы, а исключительно соображенія государственной безопасности.

«В послѣднее время вопрос о малороссійской литературѣ получил иной характер, вслѣдствіе обстоятельств чисто политических, не имѣющих никакого отношенія к интересам собственно литературным». Прежняя малороссійская письменность была достояніем одного лишь образованнаго слоя, «нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ из них, которые стремятся к осуществленію своих политических замыслов, принялись под предлогом распространенія грамотности и просвѣщенія за изданіе книг для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматик, географій и т. п. В числѣ подобных дѣятелей находилось множество лиц, о преступных дѣйствіях которых производилось слѣдственное дѣло в особой комиссіи». Министра безпокоит не распространеніе малороссійскаго слова, как такового, а боязнь антиправительственной пропаганды на этом языкѣ среди крестьян. Не слѣдует забывать, что выступленіе Валуева предпринято было в самый разгар крестьянских волненій по всей Россіи и польскаго возстанія. Его и пугает больше всего активность поляков: «Явленіе это тѣм болѣе прискорбно и заслуживает вниманія, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхожденіем, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и потому, что большая часть ма-

лороссійских сочиненій дѣйствительно поступает от поляков».

Ни в «отношеніи» Валуева, ни в каких других высказываніях членов правительства, невозможно найти враждебных чувств к малороссійскому языку. А. В. Головинн, министр народнаго просвѣщенія, открыто возражал против валуевского запрета. Впослѣдствіи, в эпоху второго указа, министерство земледѣлія печатало аграрныя брошюры по-малороссійски, не считаясь с запретами.

Что же касается знаменитых слов о судьбах малороссійскаго языка, то необходимо привести полностью всю ту часть документа в которой они фигурируют. Тогда окажется, что принадлежат они не столько Валуеву, сколько самим малороссам. Министр ссылается на затрудненія, испытываемыя петербургским и кievским цензурными комитетами, в которые поступает большинство перечисленных им книг «для народа» и учебников. Комитеты бояться их пропускать по той причинѣ, что все обученіе в малороссійских школах ведется на общерусском языкѣ и нѣтъ еще разрѣшенія о допущеніи в училищах преподаванія на мѣстном нарѣчій. «Самый вопрос о пользѣ и возможности употребленія в школах этого нарѣчія не только не рѣшен, но даже возбужденіе этого вопроса принято большинством малороссіян с негодованіем, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не может и что нарѣчіе их, употребляемое простонародьем, есть тот же русскій язык, только испорченный вліяніем на него Польши; что общерусскій язык так же понятен для малороссов, как и для великороссіян и даже гораздо понятнѣе, чѣм теперь сочиняемый для них нѣкоторыми малороссами и в особенности поляками, так называемый украинскій язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных Россіи и гибельных для Малороссіи»¹⁵⁸.

Из этого отрывка видно, что выраженное в нем сужденіе о малороссійском языкѣ принадлежит не самому Валуеву, а представляет резюмэ соотвѣтствующих высказы-

ваній «большинства малороссіян». Очевидно, это «большинство» не воспринимало правительственные запреты, как «національное угнетеніе».

Валуевскій запрет продолжался недолго, но через тринадцать лѣтъ, в 1876 году, снова издан указ запрещавшій появленіе газет, духовной, общественно-политической литературы, а также концертов и театральных представленій на украинском языкѣ. Только историческіе памятники и беллетристику можно было, попрежнему, печатать невозбранно. Этому предшествовало закрытіе кіевскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, считавшагося центром украинофильства.

Опять, как в случаѣ с Валуевым, русское общество отвѣтило на правительственное мѣропріятіе протестами и демонстраціями. Петербургскій профессор Орест Миллер плакал, однажды, на публичном собраніи по поводу, того, что «нашим южным братьям не дают Божьяго слова читать на родном языкѣ». Но, как и при Валуевѣ, указ 1876 г. преслѣдовал все ту же цѣль государственной безопасности. На этот раз, паника перед призраком развала государства началась среди самих украинцев.

Появленіе указа связано с именем М. В. Юзефовича — большого патріота своего края и любителя народнаго слова. Никаким противником роднаго языка его нельзя представить. Он был причастен к литературным начинаніям «Громады» и под его редакціей вышло нѣсколько томов Актов по исторіи южной Россіи. В 1840 г. он занимал должность помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа, но к началу 70-х гг. жил на покоѣ, в отставкѣ. Подозрѣвать его в карьеризмѣ, в желаніи выслужиться, вряд ли возможно, он, просто, досмерти боялся революціи и расчлененія Россіи. Это он автор, ставшаго знаменитым, выраженія «Единая недѣлимая Россія», написаннаго по его предложенію на памятникѣ Богдану Хмельницкому. Нападая с такой злобой на этот лозунг, самостійники, видимо, не подозрѣвают о его украинском происхожденіи. Усмотрѣвъ за невинной, по внѣшности «культурнической» дѣятельностью «Громады» призрак отдѣленія Малороссіи от Россіи, а в Драгомановѣ почувствовав противника су-

шествующаго строя, он піднімає тривогу и не успокаивается до тѣх пор, пока власти не учреждаютъ в 1875 г. особой комиссіи по разслѣдованію этого дѣла. Приглашенный в комиссію он представляетъ свѣдѣнія о связяхъ громадянъ с галиційскими «дѣячами» и об участіи ихъ в польско-австрійской интригѣ, направленной к отторженію Малороссіи.

Мы сейчасъ полагаемъ, что никакого серьезнаго участія в этой интригѣ они не принимали, но человѣку того времени не такъ просто было в этомъ разобраться. Даже Драгомановъ, писавшій в 1873 г. разъяснительныя статьи в «Правдѣ», с цѣлью убѣдить галичанъ в полномъ отсутствіи на Украинѣ сепаратизма, тѣмъ болѣе австрофильской партіи, долженъ былъ признать наличие «двухъ-трехъ масокъ размахивающихъ картонными мечами». Какіе-то, пусть ничтожныя по численности, элементы связанные с галицкими дѣятелями, существовали среди громадянъ. Знал, быть можетъ, Юзефовичъ об ихъ дѣятельности такое, чего мы еще не знаемъ. В особенности же напуганъ онъ былъ тѣмъ, что галицкая народо-вская печать запестрѣла, с нѣкоторыхъ пор, статьями и замѣтками о народномъ недовольствѣ в Малороссіи и о желаніи ея присоединиться к Австріи. Дошло до того, что по словамъ Драгоманова начали примѣривать к Украинѣ корону св. Стефана Угорскаго, заводили рѣчи о «Кіевскомъ Королевствѣ»; Сичинскій в засѣданіяхъ сейма говорилъ «про возможность *Ukrainiam convertere* политично до Австріи, якъ религійно до Риму»¹⁸⁴.

Результатомъ разслѣдованія было закрытіе кіевскаго отдѣла Географическаго Общества, лишеніе Драгоманова кафедры в университетѣ и ограниченіе малороссійской печати.

Какъ ни убѣдительно звучитъ версія, объясняющая эмиграцію Драгоманова этими репрессіями, она не имѣетъ под собой основаній. Несмотря на шумъ поднятый вокругъ Указа 1876 г., никакимъ ударомъ для украинскаго движенія онъ не былъ. На практикѣ онъ почти не соблюдался. Спектакли

устраивались под носом у полиціи без всякаго разрѣшенія, листки и брошюры печатались при полном попустительствѣ властей. Нѣкій Тарас Новак имѣлъ случай бесѣдовать в 1941 г. с престарѣлой вдовой драматурга Карпенко Караго — Софьей Виталиевной Тобилевич, вспоминавшей с восторгом о гастролях театра Кропивницкаго, как раз, в годы «реакціи». Театр, встрѣчал великолѣпный пріем по всей Россіи, особенно в Москвѣ и в Петербургѣ. Его пригласили ко двору, в Царское Село, гдѣ сам император Александр III наговорил актерам всяческих комплиментов. Когда же Кропивницкій пожаловался одному из великих князей на кievскаго генерал-губернатора, не допускавшаго (во исполненіе указа) спектаклей театра в Кіевѣ, то великій князь успокоил: об «этом старом дуракѣ» он поговорит с министром внутренних дѣл. Послѣ этого препятствій не случилось нигдѣ ¹⁵⁵.

Хотя, формально и официально, всѣ ограниченія украинской печати отпали только в 1905 году, фактически они не соблюдались с самаго начала.

Не успѣли опубликовать указ, как началось постепенное его аннулированіе. Сама кievская и харьковская администрація подняла перед правительством вопрос о ненужности и нецѣлесообразности запретов ¹⁵⁶.

Вскорѣ, вмѣсто закрытых «Записок» Географическаго Общества, стал выходить журнал «Кіевская Старина», вокруг котораго собрались тѣ же силы, что работали в Географическом Обществѣ.

Указ 1876 г. никому кромѣ самодержавія вреда не принес. Для украинскаго движенія он оказался манной небесной. Не причиняя никакого реального ущерба, давал ему долгожданный вѣнец мученичества. Надобно послушать рассказы старых украинцев, помнящих девяностые и девяностые годы, чтобы понять всю жажду гоненій, которую испытывало самостійничество того времени. Собравшись в праздник в городском саду, либо на базарной площади, разряженные в національные костюмы, «сусильники» с заговорщицким видом затягивали «Ой на горѣ та жнеци жнуть»; потом с дѣланным страхом оглядывались по сторонам в ожиданіи полиціи. Полиція не являлась. Тогда

чей нибудь зоркіи глаз различал вдали фигуру скучающаго геродового на посту — такого же хохла и, может быть, большого любителя народных пѣсен. «Полиція! Полиція!». Синіе шаровары и пестрыя плахты устремлялись в бѣгство «никѣм же гонимы». Эта игра в преслѣдованія означала неудовлетворенную потребность в преслѣдованіях реальных. Благодаря правительственным указам она была удовлетворена.

Мотивы, по которым Драгоманов покинул Россію, ничего общаго с преслѣдованіями не имѣли. Как ни странно, его пугали земскія реформы Александра II, которыя он привѣтствовал вмѣстѣ со всей интеллигенціей. Лѣтъ через 10 послѣ их осуществленія, онѣ ему показались опасными для социалистическаго дѣла. «Практическая будущность на ближайше время, — писал он, — принадлежит в Россіи тѣм, своего рода политическо-соціальным оппортунистам, которые не замедлят в ней появиться среди земств, и для которых теперешніе социалисты-революціонеры только расчищают дорогу». Он предложил всѣм «чистым» социалистам теперь же перенести свою дѣятельность в страны, гдѣ предстоящій Россіи политической вопрос, так или иначе, уже рѣшен»¹⁸⁷.

Но был еще один мотив. О нем, обычно, не говорится, но он подразумевается во всѣх рѣчах и дѣйствіях Драгоманова.

Дѣло в том, что украинофильство, в лучшія свои времена, насчитывало до того ничтожное количество послѣдователей и представляло столь малозамѣтное явленіе, что приводило, порой, в отчаяніе своих вожаков. Простой народ абсолютно не имѣл к нему касательства, а 99 процентов интеллигенціи относилось отрицательно; в нем видѣли «моду» — внѣшнее подражаніе провансальскому, ирландскому, норвежскому сепаратизмам, либо глупость, либо своеобразную форму либерально-революціоннаго движенія. Но в этом послѣднем случаѣ, монархически-охранительная часть, типа Юзофовича, обнаруживала нескрываемую вражду к нему, а другая, не чуждая сама революціи и либерализма, шла не в «громады» и «спилки», а в лавризм, в нечаевщину, в народовольчество, в черные пе-

редѣлы. Общероссійское революціонное движеніе, как магнит, втягивало в свое поле всѣ частицы металла, оставляя украинофильским группировкам шлак и аморфныя породы. Никакой украинской редакціи освободительнаго движенія малороссійская интеллигенція не признавала. За это и снискала лютую ненависть. Можно сказать, что у самостійников не было большаго врага, чѣм своя украинская интеллигенція. Даже у Драгоманова, чуждаго проявленій всяких недостойныхъ чувствъ, прорывались порой горькія сѣтованія по ея адресу. Это она сдѣлала украинофиловъ «иностранными у себя дома». Но когда онъ попробовалъ, однажды, упрекнуть в чем-то подобномъ земляка Желябова, то получилъ отповѣдь в видѣ саркастическаго вопроса: «Гдѣ же ваши феніи? Парнелль?»¹⁵⁸

Незадолго до отъѣзда Драгоманова, произошло событіе, явившееся для него настоящимъ ударомъ. Подобно кирилломефодіевцамъ, онъ былъ послѣдователемъ идеи славянской федераціи. И вотъ пришло время послужить этой идеѣ по-настоящему. На Балканахъ вспыхнуло возстаніе славянъ противъ турокъ. Извѣстно, какъ реагировало на это русское общество. Со всѣхъ концовъ Россіи, в том числѣ из Малороссіи, устремились тысячи добровольцевъ на помощь возставшимъ. Громада заволновалась. На квартирѣ у Драгоманова устроено было собраніе, гдѣ рѣшено послать на Балканы отрядъ, который бы не смѣшиваясь съ прочими волонтерами, явился туда подъ украинскимъ флагомъ.

Принялись за организацію. Дебагорій-Мокриевичъ поѣхалъ для этой цѣли в Одессу, остальные занялись вербовкой охотниковъ в Кіевѣ. Результатъ былъ таковъ: Дебагорію удалось «захватить» всего одного добровольца, а в Кіевѣ подъ украинскій флагъ встало шесть человекъ, да и то это были люди «нелегальные», искавшіе способа сбѣжать за границу¹⁵⁹.

Знать, что дѣло которому посвятилъ жизнь, непопулярно в своей собственной странѣ — одно изъ самыхъ тяжелыхъ переживаній. Отъѣздъ Драгоманова означалъ не невозможность работы на родинѣ, а молчаливое признаніе неудачи украинофильства в Россіи и попытку добиться его успѣха в Австріи.

Но если для Драгоманова этот мотив был не единственным и, может быть, не главный, то для остальных украинофилов, ѣздивших в Галицію, он был главным. Поѣздки туда начались задолго до указа 1876 г., даже до валуевского запрета 1863 г. И печататься там начали до этих запретов. Печаталась, прежде всего, та категория авторов, которая ни под один из запретительных указов не подпадала, — беллетристы. Это лучшее свидѣтельство несправедливости мнѣнія, будто перенесеніе центра дѣятельности «за кордонъ» было результатом преслѣдованій царскаго правительства.

Поведеніе беллетристов Драгоманов объясняет их бездарностью. Ни Чайченко, ни Конисскаго, ни Панаса Мирнаго, ни Левицкаго-Нечуя никто на Украинѣ не читал. Нѣкоторые из них, как Конисскій, испробовали всѣ способы в погонѣ за популярностью — сотрудничали со всѣми русскими политическими лагерями, от крайних монархистов до социалистов, но нигдѣ не добились похвал своим талантам. В Галиціи, гдѣ они рѣшили попробовать счастья, их тоже не читали, но галиційская пресса, по дипломатическим соображеніям, встрѣтила их ласково. Они-то и стали на Украинѣ глашатаями лозунга о Галиціи, как втором отечествѣ.

В то время, как Герцен, с которым Драгоманова часто сравнивают, покинув Россію, обрѣд в ней свою читательскую аудиторію и сдѣлался на родинѣ не просто силой, но «властью», — Драгоманова на Украинѣ забыли. Произошло это, отчасти, из-за ложнаго шага, выразившагося в избраніи полем дѣятельности Галиціи, но главным образом потому, что лишив днѣпровскую группу своего «социалистическаго» руководства, он оставил ее один на один с «Исторіей Русов», с кобзарскими «думами», с казачьими легендами. Казакоманія заступила мѣсто социализма. Все рѣже стали говорить о «федерально-демократическом панславизмѣ» и все чаще — спивать про Сагайдачнаго. Кирилло-мефодіевская фразеологія понемногу вышла из употребленія. То была расплата за страстное желаніе видѣть в Запорожской Сѣчи «коммуну», а в гетманском урядѣ — образец европейской демократіи. Продолжительное воспѣ-

ваніе Наливаек, Дорошенок, Мазеп и Полуботков, как рыцарей свободы, вѣдравшаяся десятилѣтїями ненависть къ Москвѣ не прошли безслѣдно. Драгоманову не на кого было пенять, он сам вырос казакоманом. Наряду с высококультурными, учеными страницами, в его сочиненїях встрѣчаются вульгарныя, возмущенїя по поводу раздачи панам пустых степных пространств «принадлежавших» Запорожской Сѣчи, а также жалобы на обрусѣніе малороссов, вызванное, будто бы, «грубым давленїем государственной власти». Ни одного примѣра давленїя не приводится, но утвержденїе высказывается категоричное.

С поразительной для ученаго человѣка слѣлотой, он полагал, что свѣтлая память о гетманщинѣ до сих пор живет в народѣ и что нѣтъ лучшаго средства возстановить украинскаго крестьянина против самодержавїя, как напомнить ему эту эпоху свобод и процвѣтанїя. Он даже набросал проект прокламаціи къ крестьянам: «У нас были вольные люди казаки, которые владѣли своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; всѣ украинцы хотѣли быть такими казаками и возстали из-за того против польских панов и их короля; на бѣду только старшина казацкая и многіе казаки не сумѣли удержаться в согласїи с простыми селянами, а потому казакам пришлось искать себѣ помощи против польской державы у московских царей, и поступили под московскую державу, впрочем не как рабы, а как союзники, с тѣм, чтоб управляться у себя дома по своей волѣ и обычаям. Цари же московскїе начали с того, что поставили у нас своих чиновников, неуважавших наших вольностей, ни казацких, ни мѣщанских, а потом подѣлили Украину с Польшей, уничтожили всѣ вольности украинскїя казацкїя, мѣщанскїя и крестьянскїя, затѣм цари московскїе роздали украинскую землю своим слугам украинским и чужим, закрѣпостили крестьян, ввели подати и рекрутчину, уничтожили почти всѣ школы, а в оставшихся запретили учить на нашем языкѣ, завели нам казенных, невыборных попов, пустили къ нам вновь еврейских арендаторов, шинкарей и ростовщиков, которых было выгнали казаки, — да еще отдали на корм этим евреям только нашу землю, запретив:

им жить в землѣ московской... Теперь... хотим мы быть всѣ вновь равными и вольными казаками»¹⁶⁰.

Если принять во вниманіе, что писано это в 1880 г., двадцать лѣт спустя послѣ освобожденія крестьян, когда, чтобы быть вольным, вовсе не обязательно было становиться казаком, то курьезность исторического маскарада станет особенно ясна.

Сам Драгоманов так и остался дуалистом в своем политическом мировоззрѣніи, но кievскіе его пріятели быстро обрѣли полную «цѣльность», выбросив из своего умственного багажа все несозвучное с так называемым «формальным націонализмом». Термин этот — связан с ростом числа неразсуждающих патриотов, для которых утверждение «национальных форм» стало главной заботой. Национальный костюм, национальный тип, национальная поэзія, «национальне почуття», заступили всякія идеи о народном благѣ, о «найкращем» общественно-политическом устройствѣ. Происходит быстрое отдѣленіе казачьяго украинизма от либерально-революціонной російской общественности.

Но если, как уже говорилось, идеологія умершаго словія могла существовать в XIX вѣкѣ благодаря, лишь, прививкѣ к порожденному этим столѣтіем общественному явленію, то что могло ее ожидать в 80-х и 90-х годах? Оторвавшись от русской революціи, она привилась к австро-польской реакціи. Теперь уже не Костомаровы и Драгомановы, а галиційское «народовство» берет на буксир лишившуюся руля днѣпровскую ладью. Украинофильство попадает в чужія, неукраинскія руки; Кіев склоняется перед Львовом.

С отъѣздом Драгоманова кончается собственно-украинскій період движенія и начинается галиційскій, означающій не продолженіе того, что зародилось на русской почвѣ, а нѣчто иное по духу и цѣлям.

ГАЛИЦИЙСКАЯ ШКОЛА

Уже к концу прошлаго столѣтія Галицію стали называть «украинским Пьемонтом», уподобляя ей роль той, которую Сардинское королевство сыграло в объединеніи Италіи. Несмотря на претенціозность, это сравненіе оказалось, в какой-то степени, вѣрным. С конца 70-х годов, Львов становится штаб-квартирой движенія, а характер украинизма опредѣляется галичанами. Здѣсь выдаются патенты на истинное украинофильство и здѣсь вырабатывается кодекс поведенія всякаго, кто хочет трудиться на нивѣ національнаго освобожденія. Широко пропагандируется идея національнаго тождества между галичанами и украинцами; Галицію начинают именовать не иначе, как Украиной. Сейчас, благодаря совѣтской власти, это имя столь прочно вошло в употребленіе, что только историки знают о незаконности такого присвоенія. Если на самой Украинѣ оно возникло лишь в концѣ ХУІ, в началѣ ХУІІ вѣка и до самага 1917 г. жило на положеніи прозвища, не имѣя надежды вытѣснить историческое имя Малороссіи, то в Галиціи ни народ, ни власти слыхом не слыхали про Украину. Именованіе се так начала кучка интеллигентов в концѣ ХІХ вѣка.

Несмотря на всѣ ея усилія, «Украина» и «украинец» дальше страниц партійной прессы не распространялись. Было ясно, что без чьей-то мощной поддержки чужое имя не привьется. Возникла мысль ввести его государственным путем. У кого она возникла раньше, у галицких украин-

нофилов или у австрийских чиновников — трудно сказать. Впервые, термин «украинский» употреблен был в письмѣ императора Франца Юсифа от 5 июня 1912 г. парламентскому русинскому клубу в Вѣнѣ. Но поднявшіеся толки, особенно в польских кругах, вынудили барона Гейнольда, министра внутренних дѣл, выступить с разъясненіем, согласно которому термин этот употреблен случайно, в результатѣ редакціоннаго недосмотра. Послѣ этого, официальные вѣнскіе круги воздерживались от повторенія подобнаго опыта¹⁶¹. Только в глухой Буковинѣ, откуда вѣсти не проникали в широкій мір, завели, примѣрно с 1911 г., обычай требовать от русских богословов, кончавших семинарію, письменнаго обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отнынѣ не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем». Священникам, не подписавшим такою документа, не давали прихода¹⁶².

В 1915 г., членам австрийскаго правительства представлена была записка отпечатанная в Вѣнѣ в небольшом количествѣ экземпляров под заглавіем «Denkschrift über die Notwendigkeit ausschliesslichen Gebrauches des Nationalnamen "Ukrainer"».

Австрийцев соблазняли крупными политическим выгодами могущими послѣдовать в результатѣ переименованія русинов в украинцев. Но имперскій кабинет не прельстился такими доводами. Весьма возможно, что на его позицію повліяло выступленіе знаменитаго вѣнскаго слависта академика Ягича. «В Галиціи, Буковинѣ, Прикарпатской Руси, — заявил Ягич, — эта терминологія, а равно все украинское движеніе, является чужим растеніем, извнѣ занесенным продуктом подражанія... О всеобщем употребленіи имени «украинец» в заселенных русинами краях Австріи не может быть и рѣчи; даже господа подписавшіе меморандум едва ли были бы в состояніи утверждать это, если бы они не хотѣли быть обвиненными в злостном преувеличеніи»¹⁶³.

Другая подобная же попытка относится к 1923 году, когда Галиція находилась в составѣ возродившагося польскаго государства. Исходила она от Науковаго Товариства

им. Шевченко во Львовѣ, которое особым меморандумом просило отменить запрет наложенный кураторией львовскаго учебнаго округа на названія «Украина» и «украинец» в отношеніи Галиціи и русинов¹⁸⁴. Демарш этот, так же, как в 1915 г., никакого успѣха не имѣл. Утвердили и узаконили за Галиціей названіе Украины большевики, в 1939 г., послѣ раздѣла Польши между Сталиным и Гитлером. Они еще задолго до захвата Галиціи начали именовать ее «Западной Украиной», что оказалось чрезвычайно удобным с точки зрѣнія послѣдовавшаго «возсоединенія».

Но не только по именам, а и по крови, по вѣрѣ, по культурѣ, Галиція и Украина менѣе близки между собой, чѣм Украина и Бѣлоруссія, чѣм Украина и Великоруссія. Из всѣх частей стараго кievскаго государства, Галицкое княжество раньше и прочнѣе других подпало под иноземную власть и добрых 500 лѣтъ пребывало под Польшей. За эти 500 лѣтъ ея русская природа подверглась величайшим насиліям и испытаніям. Ее колонизовали нѣмецкими, мадьярскими, польскими и иными нерусскими выходцами. Особенно жестоким был их наплыв при Людовикѣ Венгерском, когда Галиція (Червоная Русь) отдана была в управленіе силезскому князю Владиславу Опольскому, челоуѣку совершенно онѣмеченному. Он роздал нѣмцам и венграм множество урядов, земельных владѣній, населил ими русскіе города, развил широкую сельскую колонизацію, посадив на галиційскія земли нѣмецких крестьян, дав им важныя льготы по сравненію с коренным населеніем. Пусть не этим «привилегированным» удалось онѣмечить галиційцев, а сами они руссифицировались, но с тѣх пор в жилах галичан течет не мало чужой крови.

К расовым отличіям надлежит прибавить отличія религіозныя. Галиція первая из древних русских земель отступила от православія и приняла Унію.

Наконец, язык ея совсѣм не тот, что в Надднѣпряниѣ. Даже наслѣх созданная «литерацка мова», объявленная общеукраинской, не способна скрыть существованія двух языков, объединенных только орфографіей.

Это не трудно установить положив книжки Квитки-Основяненко, Шевченко, Марко Вовчка рядом с произведе-

ніями Вагулевича, Гушалевича, Ивана Франко и других галиційских писателей. До послѣдней четверти XIX вѣка, ни галиційская литература на Украинѣ, ни украинская в Галиціи — не были извѣстны. Взаимное ознакомленіе началось послѣ того, какъ возникло панукраинское движеніе. Только тогда в Галиціи стали популяризировать Шевченко, а на Украинѣ русинскихъ авторов.

Извѣстный историкъ литературы А. Н. Пыпин в свое время писал: «Галиційской литературѣ не принадлежатъ произведенія той нашей литературы малорусской, которая развивалась уже в періодѣ раздѣленія западнаго и восточнаго края южной Руси, под вліяніемъ жизни и образованности общерусской. Начиная с Котляревскаго и даже еще раньше, условія нашей малорусской литературы были уже иныя, чѣмъ условія книжности галицко-русской, и произведенія малорусскія усваиваются галичанами опять с извѣстной долей искусственности». То же утверждаетъ и Драгомановъ, полагающій, что галицкую и украинскую литературы «треба вважати, коли не за зовсім окремы, то же дуже одмінны одна від другої»¹⁶⁶.

Нельзя забывать и о школѣ. Украина училась в общерусскихъ школахъ, читала русскія книги и впитывала русскую образованность, Галиція училась по-польски, а потом, в XIX вѣкѣ, по-нѣмецки. Несмотря на сильное развитіе руссофильства, во второй половинѣ XIX вѣка, каждый образованный галичанинъ гораздо меньше имѣлъ понятія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ, Гончаровѣ, Толстом, Достоевском, чѣмъ о Мицкевичѣ, Словацкомъ, Выспянскомъ, Сенкевичѣ. Замѣчено, что даже свѣдѣнія о Россіи и Украинѣ почерпались галичанами, чаще всего, из нѣмецкой печати. Удивительно ли, что ко многимъ вопросамъ кардинальной важности украинцы и галичане относились и относятся по разному? Трудно, напримѣр, найти образованнаго украинца, который бы порицалъ кн. Владиміра Святого за насажденіе на Руси византійской культуры. Для галичанъ — это одіозная личность. Онъ для нихъ, прежде всего, не «святой», а только «великій», а историческая его миссія всячески осуждается: онъ далъ Руси не ту вѣру и не ту культуру, которую слѣдовало бы...

«Лихий вплив (вляніє) православного Царьгороду не дав нашим силам сконсулидуватися, викликував революції, деморалізував тим самим населення». Так писав, о. Степан С. Шавель в канадській газеті «Українські Вести»¹⁶⁶. Царьград і Москва — два злих генія. «Москва вчила нас, як бунтуватися проти гетманів, Царьгород бунтував одного князя проти другого. Ни вид Москви, ни вид Царьгороду нічого доброго ми не навчилися, бо сами вони нічого доброго не посадили. Ни Царьгород, ни Москва не посадили принципів на яких моглаб була розвинути українська культура». Галичани не люблять культурного прощляго южной Руси. Нелюбовь эту можно встрѣтити не только в писаніях простого уніатского священника, но на страницах ученых произведений галиційских професоров, вродѣ Омельяна Огоновского.

С тѣх пор, как послѣ раздѣла Польши Галиція перешла под власть Австро-Венгріи, она представляла глубокую провинцію, гдѣ племя русинов или рутенов, как его называли австрійцы, насчитывавшее в XIX в. менѣе двух миллионів душ, жило вперемежку с поляками. Преобладающее, попросту говоря, господствующее положеніе принадлежало полякам. Они были и наиболѣе богатыми, и наиболѣе образованными; представлены, преимущественно, помѣщиками, тогда как русины почти сплошь крестьяне и мѣщане. Драматическій момент во взаимоотношеніях между Русью и Польшей заключается в том, что там, гдѣ эти двѣ народности тѣсно сожительствовали друг с другом, первая всегда находилась в порабощеніи и в подчиненіи у второй. Русинская народность стояла накануне полной потери своего національного обличья. Все, что было сколько нибудь интеллигентнаго и просвѣщеннаго (а это было, преимущественно, духовенство), говорило и писало по-польски.

Для богослужебных цѣлей имѣлись книги церковно-славянской печати, а всѣ запросы свѣтскаго образования удовлетворялись исключительно польской литературой. Путешественники посѣщавшіе Галицію в 60-х годах отмѣ-

чают, что бесѣда в домѣ русинскаго духовенства, во Львовѣ велась не иначе, как на польскомъ языкѣ. И это в то время, когда в Галиции появились признаки «пробужденія» и начали говорить о созданіи собственнаго языка и литературы. Что же было в первой половинѣ столѣтія, когда ни о какихъ національных идеях помину не было? Лучше всего об этомъ рассказываютъ сами галичане. Передъ нами воспоминанія Якова Головацкаго ¹⁶⁷ — одного изъ авторовъ знаменитой «Русалки Днѣстровой». Онъ происходилъ изъ семьи униатскаго священника и признается, что отецъ с матерью всегда говорили по-польски и только с дѣтьми по-русски. Отецъ его читалъ иногда проповѣди в церкви «изъ тетрадокъ писанныхъ польскими буквами». «В то время, — говоритъ Головацкій, — почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи. Когда же отецъ служилъ в Пернякахъ, и в церкви бывала графиня с дворскими паннами, или кто нибудь изъ подпанков, то отецъ говорилъ проповѣдь по-польски». Самого Головацкаго отецъ училъ грамотѣ «по печатному букварю церковнославянскаго азбукѣ — то называлось читати по-русски, но писати по-русски я не научился, такъ какъ ни отецъ ни дьякъ не умѣли писати русскою скорописью». Тотъ же Головацкій рассказываетъ эпизодъ изъ времени своего пребыванія во львовской семинаріи. Власть польскаго языка и польской культуры выступаетъ в этомъ рассказѣ с предѣльной выразительностью. «Пасторалисты дали себѣ слово не говорить проповѣдей, даже во львовскихъ церквахъ иначе, только по-русски. Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви — ну подумайте, якова была сила предубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышелъ на амвонъ, перекрестился, сказалъ славянскій текстъ и, посмотрѣвъ на интеллигентную публику, онъ не могъ произнести русскаго слова. Смущенный до крайности, онъ взялъ тетрадку и заикаясь переводилъ свою проповѣдь и с трудомъ кончилъ оную. В семинаріи рѣшили, что во Львовѣ нельзя говорить русскихъ проповѣдей, развѣ в деревняхъ».

Такихъ случаевъ робости было не мало. Когда Добрянскій составилъ для своихъ слушателей грамматику старославянскаго языка, онъ издалъ ее (в 1837 г.) по польски, и толь-

ко в 1851 г. вышла она в русском переводѣ по просьбѣ «собора ученых русских» собравшагося во Львовѣ в 1848 г. Статья его о введеніи христіанской вѣры на Руси тоже напечатана была по-польски (1840 г.) и потом уже по-русски (1846).

Ни о каком знакомствѣ с русской литературой говорить не приходится. Русскія книги знакомы были немногим находившим их лишь в больших библіотеках, либо получавших по знакомству из Россіи от Погодина и Бодянского. То же и с малороссійской книгой. Несмотря на то, что нарождавшаяся украинская литература имѣла к тому времени, кромѣ Котляревскаго, Гребенки, Гулака, также — Квитку, Кулиша и Шевченко, она не была извѣстна в Галиціи. Знакомство с нею состоялось значительно позднѣе, в результатѣ долгих усилій панукраинских дѣятелей. Русинское самосознаніе спало глубоким сном и народ медленно, но неуклонно вросал в польскую народность.

Здѣсь не мѣсто рассказывать, как произошло его національное пробужденіе. Тут и неизмѣнные собиратели народных пѣсен — Вацлав Залѣсскій, Лука Голембѣвскій, Жегота Паули (все сплошь поляки); тут же и знаменитая «Русалка Днѣстровая» — первый литературный сборник на русинском нарѣчїи, вышедшій в 1837 году.

Важно: — что это было за пробужденіе? Отвѣтъ дан давно, о нем можно прочесть даже у Грушевскаго.

Пробужденіе было русское.

Во всѣх австро-венгерских владѣніях населенных осколками русскаго племени — в Галиціи, в Буковинѣ, в Угорской Руси — національное возрожденіе понималось как возвращеніе к общерусскому языку и к общерусской культурѣ.

Затираемое поляками, венграми, румынами, нѣмцами, населеніе этих земель стихійно тяготѣло к Россіи, как к своей метрополїи. Совершенно гипнотизирующее дѣйствіе произвело на него движеніе стотысячной арміи Паскевича в 1849 г., шедшей на подавленіе венгерскаго возстанія. Она не только ослѣпила его своей мощью и окружила образ Россіи нимбом непобѣдимости, но простой народ, жившій в деревнях и мѣстечках, был глубоко взволнован

тѣм, что вся эта армада говорила на совершенно понятномъ почти мѣстномъ языкѣ. Для угорскихъ русинъ, пришествіе русскихъ было величайшимъ торжествомъ.

Придавленные мадьярскимъ засильемъ они видѣли в Паскевичѣ своего освободителя. Среди нихъ давно уже началось броженіе противъ мадьяръ, и одинъ изъ дѣятелей этого движенія — Адольфъ Добрянскій, вынужденъ былъ даже бѣжать в Галицію, гдѣ его засталъ приходъ русской арміи. Добрянскому удалось добиться назначенія его императорскимъ австрійскимъ комиссаромъ при русской арміи, в какомъ званіи онъ и прибылъ къ себѣ на родину. По его инициативѣ была послана в Вѣну депутація съ изложеніемъ національныхъ нуждъ угорскихъ русиновъ — съ просьбой о выдѣленіи ихъ земель в особія «столицы», съ учрежденіемъ в нихъ мѣстной русинской администраціи и русскаго языка в управленіи и в школахъ. Просили даже основать в Унгварѣ русскую академію. Императоръ, напуганный венгерскимъ возстаніемъ и видѣвшій, в тотъ моментъ, в русинахъ своихъ естественныхъ союзниковъ, на все отвѣчалъ согласіемъ. Добрянскій былъ назначенъ «над-жупаномъ» (намѣстникомъ) четырехъ столицъ, учредилъ русскую гимназію, завелъ дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ и широко повелъ распространеніе въ краѣ русской культуры. Ни малѣйшихъ колебаній в выборѣ между неразвитымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ и русскимъ литературнымъ языкомъ не существовало. Закарпатская Русь с самаго начала встала на путь общерусской культуры. То же наблюдалось в болѣе глухой, неразвитой Буковинѣ, совсѣмъ лишенной собственной интеллигенціи.

Но продолжался этотъ ренессансъ недолго. Какъ только венгерское возстаніе кончилось, какъ только австрійское правительство помирилось съ мадьярами и венгерская аристократія снова пріобрѣла вліяніе в государственныхъ дѣлахъ, началось преслѣдованіе всего русскаго. Самъ Добрянскій былъ устраненъ, а мѣстная интеллигенція подверглась гоненію.

Что же касается Галиціи, то тамъ произошло подлинное чудо. Несмотря на многовѣковое вытравливаніе всякой памяти о ея русскомъ прошломъ, несмотря на усиленную иноземную колонизацію, в ней восторжествовало руссофиль-

ство. Хотя там сдѣлана была попытка разработки мѣстнаго нарѣчія, но никто иной, как сам Яков Головацкій, инициатор этого дѣла, пришел к заключенію о ненужности таких опытов, при наличіи развитого русскаго языка.

Для него, как и для подавляющаго большинства культурных галичан, выбор предстоял не между мѣстным русинским нарѣчіем и русским языком, а между польским и русским. Галичанин должен быть либо поляком, либо русским — средняго нѣт. Стали издаваться газеты на русском языкѣ. Одной из них, «Слову», выпала роль столпа, вокруг котораго стали собираться всѣ «москвофилы». Редактировал ее Яков Головацкій. Разумѣется, язык, как этой, как и других газет оставлял многоаго желать с точки зрѣнія русской грамотности, но редактора и писатели старательно работали над овладѣніем ею. В. Дзедзицкій выпустил брошюру: «Как малороссу в один час научиться говорить порусски». Еще в 1866 г. в «Словѣ» появилась статья разсматривавшая русинов и русских, как один народ и доказывавшая, что между украинцами и великороссами нѣт никакой разницы. Вся Русь, по словам газеты, должна употреблять единый литературный русскій язык. Статья эта сдѣлалась как бы манифестом «москвофилов». Кромѣ Якова Головацкаго к ним примыкало не мало видных людей, из коих необходимо особо упомянуть Наумовича, бывшаго сначала польским патріотом, а потом прошедшаго тот же путь, что и Я. Головацкій — через увлеченіе галиційским народничеством к москвофильству.

Причины подобнаго тяготѣнія к Россіи в странѣ, гдѣ польское просвѣщеніе, польскій язык сдѣлали такіе успѣхи и гдѣ интеллигентный слой людей представлен исключительно униатским духовенством, были бы необъяснимы, если бы не церковно-славянскій язык. Униатская Церковь служила на этом языкѣ и он-то спас галичан от окончательной колонизации. Он постоянно напоминал о едином русском корнѣ, о прямой преемственности русскаго литературнаго языка с языком кievской Руси. Вот почему вожаки украинства так ненавидѣли и ненавидят «церковно-славянщину».

Москвофилы не ограничились пропагандой русскаго

языка и культуры, но начали проповѣдь полного объединенія Галиціи с Россіей, по каковой причинѣ их прозвали также «объединителями». Они заводили связи с русским образованным обществом, главным образом через М. П. Погодина, выпускали русскія книги, издали сочиненія Пушкина, а в концѣ 90-х годов во Львовѣ образовалось литературное общество имени А. С. Пушкина. Инициаторы движенія, вродѣ Головацкаго, Плещинскаго, Наумовича, до такой степени прониклись сознанием необходимости слиянія русин с русскими, что сами, впоследствии, переселились на жительство в Россію, гдѣ продолжали заниматься научно-литературной дѣятельностью.

Сколь велико было руссофильство галичан во второй половинѣ XIX вѣка, свидѣтельствует «сам» Грушевскій. «Москвофильство, — по его словам, — охватило почти всю тогдашнюю интеллигенцію Галиціи, Буковины и закарпатской Украины»¹⁶⁸. Другим свидѣтельством может служить дѣятельность Драгоманова. Сам он хоть и не проживал в Галиціи (за исключеніем короткаго времени), но слѣдил за нею внимательно, и когда убѣдился во всеобщих симпатіях к Россіи, стал через своих друзей и единомышленников учреждать в Галиціи русскія бібліотеки и распространять русскую книгу. «Смѣло могу сказать, говорил он впоследствии, — ни один московскій славянофил не распространил в Австріи столько московских книг, как я, украинскій сепаратист». Преслѣдуя, в первую голову, задачу социалистической пропаганды и просвѣщенія, и не будучи узким націоналистом, он понял, на каком языкѣ можно успѣшнѣе всего добиться результатов в этом направленіи. В 1893 г. он обращал вниманіе своих надднѣпряньских читателей на факт неизмѣннаго перевѣса москвофилов на всѣх выборах в Сейм и в Рейхстаг. До самой войны 1914 г. москвофильство пользовалось симпатіями большинства галичан и если бы не эта мировая катастрофа, неизвѣстно, до каких бы размѣров разрослось оно. Но аресты и избѣненія в началѣ войны, а особенно послѣ кратковременнаго пребыванія в Галиціи русских войск, нанесли ему тяжелый удар. Руссофильская интеллигенція оказалась уничтоженной¹⁶⁹. Морально ее доканала большевицкая ре-

волюція в Россіи, открыто принявшая сторону самостіини-
ческаго антирусскаго меньшинства.

Это антирусское меньшинство называлось «народовст-
вом», но, как часто бывает в политикѣ, названіе не только
не выражало его сущности, а было маской, скрывавшей
истинный характер и цѣли объединенія. Ни по происхож-
денію, ни по духу, ни по роду дѣятельности оно не было
народным и самое бытіе свое получило не от народа, а от
его національных поработителей.

Поляки, истинные хозяева Галиціи, были чрезвычайно
напуганы ростом москвофильства. Пользуясь своим пер-
венствующим положеніем и связями с австрійской бюро-
кратіей, они сумѣли внушить вѣнским кругам боязнь опа-
сности могущей произойти для Австріи от москвофиль-
скаго движенія и требовали его пресѣченія. Австрійцы
вняли.

Какого нибудь твердаго взгляда на галичан в Вѣнѣ до
тѣх пор не было; до середины 30-х годов их просто не за-
мѣчали. Когда вышла «Русалка Днѣстровая», директор ав-
стрійской полиціи Пейман воскликнул: «Нам поляки со-
здают хлопот по горло, а эти глиняныя головы хотят еще
похоренную рутенскую народность возрождать!» Но вско-
рѣ «рутенская» народность прилась кстати.

В 1848 г., когда польское движеніе приняло угрожаю-
щій для австрійцев характер, галичане были натравлены
на поляков. Такое же натравливаніе едва не произошло в
1863 г., когда галичанам было сказано, что пора “*den
Herren Polen einbeizen*”. Каждый раз такое обращеніе к ру-
синам сопровождалось ласками и предоставленіем различ-
ных привилегій. В 1848 г., по инициативѣ австрійцев была
создана «Головна Руска Рада» — нѣкое подобіе русин-
скаго парламента. Рада издавала «Зорю Галицкую» и осно-
вала Народный Дом в Львовѣ, но будучи искусственно
порожденной, просуществовала недолго. В 1851 г. поля-
кам удалось сговориться с австрійцами и тѣ перестают
поддерживать русин. Рада распадается. Эта слабость и

беспомощность перед поляками усиливала москвофильское движение.

Особенный подъем русских симпатій начался с 1859 г., когда полякам удалось захватить управление Галиціей полностью в свои руки и встать в качествѣ средостѣнія между русинами и австрійским правительством.

Назначенный намѣстником Галиціи польскій граф Голоуховскій повел систематическое преслѣдованіе всего, что мѣшало колонизаціи края. Жертвами его стали, прежде всего, дѣятели руссофильской партіи, в частности Я. Ф. Головацкій, занимавшій с 1848 г. кафедру русскаго языка и литературы во Львовском университетѣ. Голоуховскій вытѣснил его не только из университета, но удалил, также, из двух львовских гимназій и запретил к употребленію составленные им учебники. В значительной мѣрѣ под влияніем этих преслѣдованій, Головацкій переселился в 1867 г. в Россію, гдѣ сдѣлался предсѣдателем комиссіи для разбора и изданія древних актов в Вильнѣ. Такова же судьба нѣкоторых других видных руссофилов, вродѣ Наумовича. Но наибольшее впечатлѣніе на русин произвел выдвинутый Голоуховским проект введенія в галицкой письменности латинскаго алфавита, так называемаго «абцадла», грозившаго им окончательной колонизаціей. Все русское с этих пор стало пользоваться особенной популярностью, а русская азбука и церковно-славянскій язык стали знаменем в борбѣ с воинствующим колонизмом.

Поляки, впрочем, скоро поняли, что колонизація галичан в условіях Австрійской Имперіи — дѣло нелегкое. Нашлись люди доказавшіе, что оно и ненужное. Украинизація сулила больше выгод; она не столь одіозна, как ополчиваніе, народ легче на нее подается, а сдѣлавшись украинцем — уже не будет русским.

В этом духѣ началась обработка вѣнскаго правительства, которому идея украинизаціи нравилась тѣм, что позволяла перейти из оборонительнаго положенія в наступательное.

Обруствіе галичан чревато было опасностью отдѣленія края, украинизаціі не только не несла такой опасности, но сама могла послужить орудіем отторженія Украин-

ны от Россіи и присоединенія ея к Галиціи. Полагали, что хорошей приманкой в этом отношеніи станет конституція 1868 г., по которой всѣ населявшія Австрійскую Имперію національности получили равноправіе и культурную автономію. Галичанам ставилась задача: прельстить Украину этой конституціей. «Русско-украинское слово, — писал львовскій профессор О. Огоновскій, — замолкло в южной Россіи и пользуется мирным приютом только в монархіи австро-венгерской, гдѣ конституція дает отдѣльным народностям свободу оберегать исконныя народныя права.»

Австрійцы, повидимому, до такой степени увлеклись мечтами об отторженіи Украины, что с теченіем времени возникла идея подыскать для будущаго украинскаго королевства достойнаго кандидата на трон, какового нашли в лицѣ принца Вильгельма Габсбургскаго, названнаго Василем Вышиваным. В Вѣнѣ и в Львовѣ заинтересованные круги убѣдили «Василя» перейти из латинскаго обряда в Унію. Сам наслѣдник австрійскаго престола Франц-Фердинанд принял горячее участіе в этой авантюрѣ.

Как только польскій план в Вѣнѣ получил санкцію, в Галиціи тотчас возникла «народная» партія в противовѣс «объединителям» (москвофилы) и цѣлый вспомогательный аппарат в лицѣ О-ва «Просвита», газет «Правда», «Дило», «Зоря», «Батькивщина» и многих других.

Ядро и основу «народной» партіи составило уніатское духовенство. Унія, в свое время, задумана была в цѣлях денационализаціи подвластнаго Польшѣ русскаго населенія, но цѣли своей не достигла. Через нѣсколько поколѣній послѣ насильственнаго обращенія, галицкое населеніе стало разсматривать свою новую Церковь, как «національную», отличную от польской. Но то обстоятельство, что уніаты находились в юрисдикціи Ватикана, испытывая постоянное вліяніе іезуитов, вѣнских и краковских папских миссій, не могло не наложить печати на галицкое духовенство. Оно не могло выйти из русла общественно-политических идей католицизма и сдѣлалось распространителем ультрамонтанства в краѣ. Осебенно ревностно служил этим цѣлям «Русскій Сіон» — орган львовских церковников. Он же стал одним из органов «народовства» и даже начал с

нѣкоторых пор печататься в типографіи «Науковаго Товариства им. Шевченка», а о. Качали, политическій руководитель униатскаго духовенства, сдѣлался предсѣдателем этого «товариства» — любимаго дѣтища народовой организации. «Правда», главный орган народовцев, не только оказывала всяческое почтеніе «Русскому Сіону», но в 1873 году распространяла предвыборный манифест клерикалов. Немало молодых людей из духовенства вступило в ряды народовцев.

Свѣтская народовская интеллигенція чрезвычайно довольна была таким союзом. Драгоманову приходилось неоднократно слышать от львовских украинофилов, что Унія — «саме украинська віра бо вкупи и православна и не москивська». Эта свѣтская интеллигенція представлена была большею частью поэтами, литераторами, учителями, чиновниками. Среди них встрѣчалось не мало поляков, умѣло прикидывавшихся друзьями галиційскаго народа и рьяно поддеживавших украинизацію.

Уже из этих кратких свѣдѣній можно заключить об общественно-политическом и культурном лицѣ народовства. Оно задумано как строго охранительное, с точки зрѣнія австрійской государственности и польских аграріев. Униатское ультрамонтанство придало ему колорит, явившійся полной неожиданностью для Драгоманова, стремившагося изо всѣх сил в Галицію — обѣтованную землю свободы. Как раз в тот год, когда ему удалось вырваться из фараонской Россіи, в Галиціи разыгрался любопытный эпизод. Туда пришло из Праги новое двухтомное изданіе «Кобзаря», в которое попали стихи и поэмы дотолѣ неиздававшіеся. Это было в пятнадцатую годовщину смерти Шевченко. Нынѣшній читатель, знающій, каким ореолом святости окружен у галичан «пророк и мученик Украины-Руси», подумает, что «Кобзарь» был встрѣчен с колокольным звоном. Встрѣча, однако, вышла совсѣм иной. Весь клерикальный Львов кипѣлъ возмущеніем. Требовали отмены вечеров и празднеств, назначенных по случаю траурной годовщины. Профессор Омельян Огоновскій написал в «Русском Сіонѣ»: «Заявляю публично, що если бы я був знав, що в Станиславови устроється вечер в память Шев-

ченко, то будбим учеником моим таки из кафедрѣ заказав
удил в том братѣ».

Причина такой реакціи заключалась в стихах «апосто-
ла», совершенно неприлично звучавших для церковнаго
уха: «Все брехня: поли й цари». Или:

. будем, брате,
З багрянниц онучи драти,
Людьки з кадил закуряти,
«Явленными» печь толити,
Кропилами будем, брате,
Нову хату вымитати.

Атеизм Тараса Григорьевича был замѣчен еще в Рос-
сіи, гдѣ на него составили, однажды, протокол по поводу
богохульных рѣчей. Максимович сам рассказывал Косто-
марову, что под Каневым Шевченко держал рѣчь в шинкѣ
про Божию Матерь, называя ее «покрыткой» и отрицая не-
порочное зачатіе. Поэма его «Марія», написанная, видимо,
под впечатлѣніем пушкинской Гавриіады, вполне под-
тверждает наличіе у него таких взглядов. Особенно возму-
тила Огоновскаго сцена с Архангелом Гавріилом, когда он
«у ярочку догнав Марію...». Едва ли, однако, не самыми
одіозными были стихи о Папѣ Римском:

На апостольском престолѣ
Чернец годованый сидить.

«Одно еще було отрадою нашою, — писал Огоновскій,
— що у нас не було до сих пор контррелегійных (антире-
лигіозных) писем в языци руським. Теперь, однако, и тии
появились, а то в роди поэзій шевченковских». Обнару-
жив в этих «поэзіях» «много такого, що віри й морально-
сти есть шкодливе» — клерикалы обрушились на общест-
во «Просвиту» главнаго виновника пражскаго изданія
«Кобзаря» и распространителя его в Галиціи. И тут воочію
стало ясно, кто хозяин народовскаго движенія. «Просви-
та» вела себя, как провинившійся школьник и робко-

оправдывалась, ссылаясь на то, что Шевченко не католик и не знает хорошо догматов. Ссылались на его душевную неуравновешенность, как результат перенесенных в ссылкѣ страданій, но «поэзій» своего пророка никто и не думал защищать. В умаленіе своей вины «Просвита» указала на то, что вредное вліяніе шевченковских стихов на юношество сведено к минимуму, благодаря раздѣленію «Кобзаря» на два тома. В первом собрано все, что народ может читать без вреда для своего умственного и нравственного здоровья, и, только во второй том попали «опасныя» произведенія. Но второй том выпущен в меньшем количествѣ экземпляров, стоит гораздо дороже и продавать его будут не всякому, а так сказать, «смотря по человѣку». Шевченко оказался подѣленным на двѣ части — одну для профанов, другую для посвященных.

Опасен он был и такими поѣмами, как «Гайдамаки», гдѣ воспѣвается рѣзня польских панов украинскими мужиками. Мотив ненависти крестьян к барам совершенно был неприемлем для Галиціи, и Шевченко стали причислять в мѣстном вкусѣ. Когда львовское народовство не опредѣлилось еще и не сформировалось, галицкія газеты вродѣ «Меты», «Вечерницы», помѣщая статьи о пѣвцѣ «казацко-украинской республики» и рисуя его пророком возстанія против Москвы, не забывали всегда прибавлять — «и Польши». Но уже к концу 60-х годов, особенно послѣ образования общества «Просвита», Польша изымается из подобных контекстов. В книжкѣ Ом. Петрицкаго «Провидни идеи в письмах Т. Шевченко», выпущенной в 1872 г., поэт представлен только, как враг Москвы. В 1877 г., в «Газетѣ Школьной», тот же Петрицкій писал: «Шевченко був отвергим противником Россіи и ни панування над Україною». Но ни о Польшѣ, ни об Австріи, владѣвшей изрядным куском территоріи, которую Петрицкій именовал тоже Україною, не сказано ни слова.

По свидѣтельству Драгоманова, на всѣх вечерах и концертах, гдѣ декламировались стихи Шевченко, на всѣх чтеніях для народа, можно было замѣтить строгій отбор: все антипольское, антиклерикальное, антипомѣщичье устранялось. Допускалось только антимосковское.

Случай с «Кобзарем» был полной неожиданностью для Драгоманова и, уже тогда раскрылись у него глаза на народство, названное им впоследствии «австро-польской побѣдоносцевщиной». Вместо свободы мысли, слова, совѣсти и всѣх демократических благ, ради которых покинул родину, он увидѣл в конституціонной странѣ такой вид нетерпимости и зажима, который хуже цензуры и административных запретов. Церковный контроль над умственной жизнью был ему особенно тягостен, он полагал, что религія и общественно-политическая жизнь — двѣ сферы, которыя не должны соприкасаться. В украинском вопросѣ он особенно стремился к исключенію каких бы то ни было религіозных тем и мотивов. Но не так думали львовскіе «дѣячи».

Церковное вліяніе им представлялось важнѣйшим политическим рычагом. Впродолженіи второй половины XIX вѣка, в Галиціи шла дѣятельная работа по перестройкѣ Уніи на латинское католичество. Возникшая в XVI вѣкѣ, как ступень к переходу от православія в католицизм, она теперь, через 300 лѣт, собиралась как бы завершить предназначенную ей миссію. Инициатива исходила, конечно, от польско-австрійских католических кругов и от Ватикана. Само собой разумѣется, что государственно-краевая польская власть всемѣрно этому содѣйствовала. Дошло до открытой передачи одного униатскаго монастыря в вѣдѣніе іезуитов. П. Кулиш выпустил, по этому поводу, брошюру в Вѣнѣ с протестом против возобновленія католическаго *Drang nach Osten* в Галиціи; энергично возстали и «москвофилы». Но среди народовцев началось броженіе. Сначала, большинство было явно против церковной реформы и посылало совмѣстно с москвофилами специальную депутацію в Вѣну для выраженія протеста, однако, под натиском реакціоннаго крыла возглавлявшагося «Моисеем львовских народовцев» Володимером Барвинским, оппозиція большинства была сломлена и к концу 80-х годов оказалась от противодѣйствія реформѣ. Только небольшая группа собравшаяся вокруг газеты «Дѣло» — «щось бормоче проти ней та не зважується на ришучу оппозицію»¹⁷⁰. Но и эта группа была яростной противницей каких бы то ни было симпатій к православію, проявлявшихся среди

москвофилов. Малѣйшее выступленіе в пользу православія вызывало у всѣх народовцев, без исключения, крики об измѣнѣ націи и государству и немедленное обращеніе за помощью к панско-польско-католической полиціи.

Не меньше, чѣм вѣротерпимость, раздражала народовцев «хлопоманія» Драгоманова, его превознесеніе мужика, простого народа, и постоянное напоминаніе о его интересах. На этой почвѣ у них и произошло первое столкновеніе с ним в 1876-1877 г.г. Защищать мужика против барина и натравливать его на барина можно и желательно в русской Украинѣ, но в польской Галиціи это означало «нигилизм», «космополитизм» и государственную измѣну.

Надднѣпрянскіе дѣятели сильно просчитались надѣясь найти в Галиціи тихую заводь, гдѣ бы они спокойно писали антимосковскія книги, прокламаціи, воспитывали кадры для работы на Украинѣ и создали бы себѣ надежную штаб-квартиру. Гостепрѣимство им было оказано с полного одобренія австрійцев и поляков, но в то же время дано понять, что тон украинскому движенію будут задавать не они, а галичане. Чтобы уяснить, что это означало для самочувствія «схидняков», надо помнить, что люди устремившіеся в Галицію, вродѣ Кулиша, Драгоманова, — по уму, по образованію, по талантам, стояли неизмѣримо выше своих галицких собратьев. Самые выдающіеся среди галичан, вродѣ Омеляна Огоновскаго, выглядѣли провинціалами в сравненіи с ними. «Для росіян галицка наука — схоластика, галицка публицистика — реакційна, галицка беллетристика, псевдоклясична мертвечина», — писал Драгоманов¹⁷¹. Тѣм не мѣнѣе, на него и на всѣх малороссов, во Львовѣ, смотрѣли сверху вниз, полагая, что оные малороссы «ни мовы ридной, ни исторіи не знали», но кичливо посягали на западную образованность, на нѣмецкую философію и науку. «До принятія мудрости немецкой пань-украинци не були еще приспособлени, а опроче культура чужа могла б таких недолюдкив зроби́ти каликами моральними». Так писала в 1873 году львовская самостійническая «Правда». По словам этой газеты «таки недоуки, полизавши дешто немецкой философіи, всяку віру в Бога мускли втратити. От и жерело ужасного нигилизму».

Им отвели роль учеников и подручников, кормило же правления осталось в руках мѣстных украинофилов — царских подданных и союзников польской шляхты. Поляки и австрійцы не для того начинали игру, чтобы довѣрить ее неизвѣстным и чужим людям. Контроль должен находиться в руках мѣстных сил. Пришельцам надлежало, выражаясь современным совѣтским языком, подвергнуться «перековкѣ»; надо было вытряхнуть из них москальский дух. А под москальским духом разумѣлись, прежде всего, революція и социализм. Вѣдь то была эпоха цареубійств, террора, хожденія в народ и самага широкаго разлива революціонныхъ страстей.

Поляки, сами прослывшіе на Руси страшными революціонерами, относились к русскому революціонному движенію брезгливо. Им очень нравилось, когда П. Лавров на банкетѣ, или Вѣра Засулич на митингѣ в Женевѣ, по случаю 50-лѣтія со дня польскаго возстанія 1830 г. произносили горячія рѣчи, причисляя это возстаніе к лику мірового освободительнаго движенія. Нравилась им постоянная защита польскаго дѣла. Газета “Dzennik Polski” в 1877 г. писала: «Московскіе революціонеры нуждаются в поляках, как поляки в московскихъ революціонерахъ». Но этотъ альянсъ с террористами и нигилистами терпимъ былъ лишь в той мѣрѣ, в какой его находили полезнымъ національнымъ видамъ Польши. Самый же нигилизмъ и социализмъ представлялся ничуть не симпатичнѣе самодержавія и считался явленіемъ одного с нимъ порядка — порожденіемъ духа варварской націи. В воспоминаніяхъ старыхъ революціонеровъ можно прочесть о непріязненномъ отношеніи польскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ в Швейцаріи, к русской революціонной молодежи — студентамъ и студенткамъ цюрихскаго университета. В томъ же Цюрихѣ, в польскомъ музеѣ основанномъ графомъ Платтеромъ, гдѣ директоромъ состоялъ Духинскій, висѣла карта Европы с надписью пояснявшею, что «туранская Московщина» всегда была отмѣчена знакомъ неволи и коммунизма, тогда какъ «арійская Польша и Русь» — свободой и индивидуальностью.

Галиційскіе поляки и выпестованные ими «народовцы» иными взглядами на москалей, разумѣется, не отличались.

«Русскій Сіонъ» — орган униатскаго духовенства писал в 1877 г.: «Соціализм и нигилизм распространены только в сѣверной Россіи, которая переполнена тайными организаціями и завалена агитаціонными листками и брошюрами». Газета полагала, что ни в Малой Руси, ни в Галиціи подобное невозможно. Это не мѣшало им в каждом «діячѣ» прибывавшем из Малороссіи видѣть возможнаго носителя революціонной бациллы. Схидняки подвергались, своего рода, карантину. И вот оказалось, что у самага крупнаго украинскаго лидера — Драгоманова — оная бацилла обнаружена. Драгоманова встрѣтили жестокиѣм огнем. В печати начали высказывать предположенія о нем, как об агентѣ царскаго правительства. Пришли к заключенію, что царизм в своих происках дошел до идеи разложенія Галиціи изнутри путем посылки туда украинских соціалистов. «Сотки рублив выдають на вигодне житє по метрополіях чужих, сотками оплачують далеки дороги, сотки выдають на публикаціи...», — писала «Правда». Драгоманова форменным образом затравили, так, что он вынужден был бѣжать в Женеву. Против друзей его возбудили судебное преслѣдованіе. В 1877-1878 г. г. во Львовѣ состоялось нѣсколько процессов «соціалистов». На процессах выяснилось, что галичанам и их хозяевам полякам страшен был не соціализм, как таковой. Поляки привыкли дѣлить соціализм и соціалистов на плохих и хороших. Хорошими были тѣ, что поддерживали помѣщичьи польскія возстанія, ратовали за возрожденіе старопанской Польши и не вели агитаціи среди крестьян. В этом смыслѣ, больше всего привлекала их нѣмецкая соціал-демократія, высказывавшаяся наиболѣе горячо за возстановленіе польскаго государства. Но стоило кому-то из нѣмцев подать идею об изданіи листка на польском языкѣ для пропаганды соціализма среди познанских поляков, как польская печать злобно очерилась на вчерашних друзей.

Так и соціализм Драгоманова не вызвал бы столь острой реакціи, если бы отличался болѣе или менѣе безразличной для поляков окраской. Но он был, как раз, антипольскій, антипомѣщичій. Драгоманову, как историку и как малоруссу, был хорошо извѣстен ложный характер

польской шумихи в Европѣ. Он много возражал Марксу и марксистам, отождествлявшим національное возрождение Польши с успѣхами мировой революціи, и столь же энергично боролся против механическаго усвоения этого взгляда русскими марксистами и революціонерами близкими к Первому Интернаціоналу. Польскія возстанія и вся національно-освободительная борьба поляков представлялись ему реакціонными старопанскими бунтами с цѣлью возродить осужденную исторіей феодальную Рѣчь Посполиту, считавшуюся всегда «адамъ для крестьян», особенно инонаціональных. Запад, по его словам, знал только обращенное к нему лицо національно угнетенной Польши, но не замѣчал ея угнетательскаго лица на Востоку, гдѣ она выступала поработителем чужих національностей. Лозунг «за нашу и вашу свободу!» останется ложью, по мнѣнію Драгоманова, до тѣх пор, пока поляки не откажутся считать «своими» литовскія, латышскія, бѣлорусскія и украинскія земли. В таком смыслѣ он и развивал свои взгляды в Галиціи. Дѣло національнаго освобождения украинцев в областях распространения польскаго землевладѣнія понималось им, как борьба украинскаго крестьянства с панями. На львовском процессѣ 1877 г. оглашено было его письмо к Павлику, найденное при обыскѣ у польскаго социалиста Котурницкаго. В нем Драгоманов писал: «Польскіе социалисты должны с перваго же раза заявить, что их цѣлю никоим образом не может быть возстановленіе польскаго государства 1772 г., даже социалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, в связи с украинскими социалистами, которые организуют свой народ на его землѣ».

Не трудно представить впечатлѣніе, произведенное такими высказываніями на галицких поляков. Никакіе самые злостные терроситы и коммунисты не могли вызвать большаго безпокойства. Народовству предстояло показать, в какой степени оно заслуживает довѣрія и способно ли выполнить возложенную на него миссію? Справилось оно со своей задачей превосходно: в статьѣ «Прояви социалистични миж украинцями и их значинье», «Правда» заявила вполнѣ опредѣленно, что если приднѣпрянская интел-

лигенція успѣла подпасть под вліяніе таких «лжепророков», то галицкіе ея друзья должны будут «з пекучим болем в сердцу... взяти розбрат» с своими закордонными коллегами, а вину за такой печальный конец возложить на самих лжепророков.

Сдѣлавшись дважды эмигрантом, Драгоманов из Женева слѣдил за львовскими дѣлами, вел через друзей «просвѣтительскую» дѣятельность, вербовал сторонников и тратил много усилій, чтобы создать свою фракцію в народо-вском лагерѣ. Под конец ему удалось образовать радикальную группу, но этот успѣх вряд ли стоил понесенных затрат. Группа так блѣдна была во всѣх своих проявленіях, состояла из такого негоднаго матеріала, что не пережила своего творца и была сведена на нѣтъ оппортунистом Грушевским. Драгоманов долго не терял надежды поладить с народо-вцами и полностью отдаться той работѣ, ради которой уѣхал из Россіи В 1889 году наступило что-то вроде амнистіи. Он снова ѣдет во Львов и принимает редак-тированіе крупнаго народо-вскаго органа «Батькивщина».

Сотрудничество и на этот раз оказывается коротким. Через нѣсколько мѣсяцев он бросает работу и уѣзжает из Галиціи, чтобы никогда в нее возвращаться. По собственному его признанію, он старался избѣгать всего, что могло бы вызвать недовольство мѣстных самостійников, но это оказалось не простым дѣлом. Ему предложили — либо отказаться от своих принципов и вести журнал так, как этого требовала народо-вская элита, либо сложить редакторскія обязанности. Он избрал послѣднее. «Мнѣ пришлось претерпѣть ужасныя муки в борьбѣ с народо-вцами», — признавался он впоследствии.

Драгоманов был не единственным, испытывавшим гали-ційское гостепріимство. Кулиш, уѣхавшій туда в началѣ 80-х годов и прожившій в Галиціи около 3-х лѣт, тоже не мог сойтись с народо-вцами. В 1882 г. вышла во Львовѣ его книга «Крашанка» — сплошной вопль отчаянія: “O ribaldi flagitiosi! Я приѣхал в вашу подгорную Украину оттого, что на днѣпровской Украинѣ не дают свободно прогово-рять чело-вѣческаго слова; а тут мнѣ пришлось толковать с телятами. Надѣюсь, что констатируя факты способом ши-

рокой исторической критики, я увижу вокруг себя аудиторию получше. С вами же, кажется, и сам Бог ничего не съѣдает, такіе уж вам забиты гвозди в голову».

Народовцы не только социализма не принимали, но ни о какой славянской федерации слышать не хотѣли. По словам Драгоманова, они не желали слѣдовать, даже «казацко-украинскому народовству и республиканству». Иными словами, на идеи и лозунги, под которыми развивалось русское украинство, в Австріи был наложен интердикт. Патриотизму кievскому противопоставлен патриотизм львовскій и он считался истинным. Народовцы объявляли себя выразителями не одних галиційских чаяній, но буковинских, карпаторосских и надгiпрянских.

Если в Киевѣ носились с идеей объединения всѣх славян, в том числѣ и русских, то во Львовѣ это означало государственное преступленіе, грозившее развалом цесарской имперіи. Въмѣсто славянской федерации, здѣсь говорили о всеукраинском объединеніи. Практически это означало соединеніе Украины с Галиціей. Мыслилось оно не на республиканской основѣ; народовцы были добрые подданные своего императора и никакой другой власти не хотѣли. Полагая, что конституція 1868 года открыла для них эру благоденствія, они хотѣли распространенія еѣ и на своих «закордонных» братьев украинцев.

Называться украинцами, а Галицію именовать Украиной, народовцы начали во утвержденіе своего права заботиться и болѣть сердцем за этих братьев стонавших под сапогом царизма, Галичан и малороссов объявили единым народом, говорящим на одном языкѣ, имѣющим общую этнографію. Стали популяризировать неизвѣстных дотоле в Галиціи малорусских поэтов и писателей — Котляревскаго, Квитку, Марко Вовчка, Шевченко. Эпизод 1876 года лишь на время поколебал треножник «Великаго Кобзаря». Как только удалось принарядить его на польскій манер и спрятать куда-то «несозвучные» с народовством

стихи, он был возстановлен в своем пророчествѣ и апостольствѣ.

Принявъ казачье имя Украины и украинцев, народовцы не могли не признать своим родным и казачьяго прошлаго. Его «республиканством» и «демократизмом» не восхищались, но его руссофобія, его пѣсни и «думы», в которых поносилась Москва, пришлись вполнѣ по душѣ. Стали создавать моду на все казачье. Как всякая мода, она выражалась во внѣшности. По львовским улицам начали, вдруг, разгуливать молодые люди одѣтые то ли кучерами, то ли гайдуками, вызывая любопытство и недоумѣніе галичан, никогда не знавших казачества. Позднѣе, в сельских мѣстностях стали возникать «Сѣчи». Так именовались добровольныя пожарныя дружины. Каждая такая Сѣчь имѣла своего «кошевого атамана», «эсаула», «писаря», «скарбника», «хорунжаго» и т. д. Тушеніе пожаров было дѣлом второстепенным; главное занятіе состояло в церемоніях, в маршировках, когда во главѣ отряда таких молодцов в синих шароварах шел «атаман» с булавою, трубил «сурмач», а «хорунжій» нес знамя. Этим достигалось воспитаніе в соборно-украинском духѣ.

Никому, однако, в голову не приходило итти в своих казачьих увлеченіях дальше костюма, особенно во всем, что касалось запорожскаго отношенія к государственной власти и к Польшѣ. По словам Драгоманова, народовская партія «не только мирилась с австро-польской правительственной системой, но сама превращалась в правительственную». Всякая тѣнь агитаціи либо выпадов против Австро-Венгрии и Польши устранилась из ея дѣятельности.

Австрійским министрам никогда не писали таких «открытых писем», как адресованное русскому министру внутренних дѣл Сипягину и напечатанное во Львовѣ в 1900 году: «Українська нація мусит добути собі свободу, хоч бы захиталась ціла Росія. Мусить добути свое визволенія з рабства національного и политичного, хоч бы полилися ріки крови»¹⁷². По всѣм высказываніям «народовцев» выходило, что Россія единственный угнетатель племен «соборной Украины». Напечатав в том же 1900 году брошюру Н. Михновскаго «Самостійна Украина», провозглашав-

шаго ее «вид гир Карпатських аж по Кавказки», они ни словом не обмолвились о том, что для образования столь пространной державы препятствием служит не одна Россия. Элементарный политический такт требовал, чтобы для той части ее, что помѣщалась возлѣ «гир Карпатських», указан был другой національный враг. Между тѣм, ни австрійцы, ни венгры, ни поляки в таких случаях не назывались.

Достоинно вниманія, что и в наши дни галиційскіе пан-украинцы, отзывающіеся с такой злобой о старой России, совершенно не упоминают Австрію в числѣ исторических врагов украинской культуры и незалежности. В популярных исторіях своего края, вродѣ «Исторіи України з иллюстраціями»¹⁷⁸, царское правительство даже превозносится за учрежденіе школ «з немецкою мовою навчення». Благодаря этим школам, просвѣщеніе в краѣ сдѣлало такіе большіе успѣхи, что «все те впливало (вляло) на культуру нашого нарсду, и так почалося наше національне видродження». И на той же страницѣ — яростная брань по адресу русских царей, которые «завели московский устрий, московски школы, та намагались завести російску мову замість української». Нѣтъ числа возмущенным возгласам по поводу указа Валуева об украинском языкѣ, но ни один галичанин не отозвался соответствующим образом о заключеніи правительственной австрійской комиссіи, высказавшейся в 1816 г. о галиційском нарѣччі, как совершенно непригодном для преподаванія на нем в школах, «гдѣ должно подготавливать людей образованных».

Получалась картина: люди боролись не за свое собственное національное освобожденіе и не с государством их угнетавшим, а с чужим государством, угнетавших «закордонных братьев». «Пропала славна Україна — клятый москаль орудуе».

Гей москалю бисыв сыну,
Чортова дытьно,
Погубивесь ты свит цилый,
Цилу Украинну.

Ничего, что стихи эти принадлежат не русину, а поляку Паулину Свенцицкому, они были «в самый раз» и задавали тон народовской прессе. Подхватывая их, журнал «Вечерница» писал: «Москали топчут на Украинѣ правду и свободу, но пусть боятся малороссов: придет Божій суд и когда нибудь малороссы от Карпат до Кавказа сотворят такія поминки, что будет памятно внукам и правнукам». Это переклад стихов Ксенофонта Климовича. Столь же агрессивен этот писатель и в прозе. «Малорусскій народ имѣет на востокѣ Европы свою особую миссію: западные славяне вмѣстѣ с малороссами начнут борьбу против сѣвернаго опекуна и отбросят его на восток... к Пекину». Владимир Шашкевич призывал «славянскую Австрію» отбросить Москву на Сѣвер, «ибо Москва — опаснѣйшій и грознѣйшій враг прочих славян: она хуже Турціи гнетет братніе славянскіе народы»¹⁷⁴.

Програмный характер таких высказываній засвидѣтельствован, в послѣдствіи, обществом «Просвита», поставившим Климовичу и Шашкевичу в заслугу, приготовленіе «грунта до дальшой, успишнѣйшой работы на народномъ полѣ».

Из всѣх ненавистников Россіи и русскаго народа, галиційскіе панукраинцы заслужили, в настоящее время, пальму первенства. Нѣтъ той брани, грязи и клеветы, которую они постѣснялись бы бросить по адресу Россіи и русских. Они точно задались цѣлью все скверное, что было сказано во всѣ времена о Россіи ея врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. Что русскіе не славяне и не арійцы, а представители монголо-финскаго племени, среди котораго составляют самую отсталую звѣроподобную группу, что они грязны, вшивы, лѣнны, трусливы и обладают самыми низменными душевными качествами — это знает каждый галиційскій самостійник с дѣтскаго возраста. Какой-то профессор Г. Ващенко, в журналѣ «Ридне Слово» (№ 9-10 за 1946 г.), размышляя о «Психологичних причинах недоли украинського народу», усмотрѣл эту «не-

долю» в сосѣдствѣ с русскими, от которых украинцы, отличавшіеся всегда «духовным аристократизмом», невольно набрались рабских плебейских замашек, потому что русскіе с их преклоненіем перед жестокой и сильной властью — прирожденные рабы». «Низкопоклонство, подхалимство, неискренность — вот свойства типичнаго русскаго». В мюнхенском журналѣ "Slowo Polskie" от 18 мая 1946 г. появилось открытое письмо в редакцію галичанина, не пожелавшаго поставить под ним своей подписи.

Письмо начинается с того, что автора чуть не хватил удар, когда он прочел в одном из предыдущих номеров того же журнала сочувственныя строки о взаимной симпатіи и пріязни между польским и русским народами. «Неужели еще в Польшѣ никто не догадался, что этот восточный имперіалист, в котором так мало славянскаго и столько много азіатскаго — враг польскій № 1? Неужели дѣйствительно существует кто либо в Польшѣ, кто еще вѣрит в дружбу или испытывает потребность дружбы с этим народом славяно-финско-монгольских бастардов?» По словам безымяннаго автора, лучше бы думать не о дружбѣ, а о том, как совмѣстно с другими народами, пострадавшими от русских, «загнать их куда нибудь за Урал и вообще в Азію, откуда эти пріятели прибыли на несчастье человѣческаго рода»... Автор совѣтует полякам дружить не с русскими, а с украинцами, потому что «можно пройти весь свѣт и не найти двух народов болѣе похожих друг на друга, чѣм польскій и украинскій». «Этнографическая граница между ними проходит — посерединѣ их брачнаго ложа». Объединяет их и общеславянская миссія, как «самых чистых и самых старших представителей древней славянской культуры». К своему высокому обществу они могли бы привлечь развѣ только чехов. Вкупѣ с чехами они составили бы ядро «той чудесной коалиціи, которая образуется между Балтійским морем, Адриатикой и Черным морем, и которая будет достаточно мощной, чтобы держать на поводу бастардов славяно-германских (пруссакон) на западѣ и бастардов славяно-финско-монгольских, пруссакон востока». Чтобы не быть превратно истолкованным и не дать повода думать об антибольшевистском крестовом

походъ, автор поясняет: «Когда говорят антибольшевистский блок угнетенных народов, то мыслят блок анти-русский. Не в большевизмъ суть, она лежит в другом, а именно — в опасном русском империализмѣ, который извѣчно угрожал обоим нашим народам. И поэтому наша борьба должна направляться не только против большевизма, но против всякой империалистической Россіи, Россіи большевистской и царской, Россіи фашистской и демократической, Россіи панрусистской и панславистской, Россіи буржуазной и пролетарской, Россіи вѣрующей и невѣрующей... Россіи Милюкова и Россіи Власова, вообще против Россіи, которая уже сама по себѣ синоним империализма».

Интересна здѣсь не злоба пышащая из каждой строчки, а причина злобы. Откуда она? Быть может, это результатъ занятія Галиціи совѣтскими войсками, или короткой оккупации ея русской арміей в 1914 году? Но если допустить такую версію, то чѣмъ объяснить что вся теперешняя руссофобія галичан — простое повтореніе того, что они писали еще в XIX вѣкѣ и до первой міровой войны, когда никакой русской власти в глаза не видѣли и, слѣдовательно, не имѣли основаній быть ею недовольными? Расовыя теоріи и яростная брань по адресу Россіи насчитываютъ добрую сотню лѣтъ своего существованія. Онѣ, безусловно, не мѣстнаго русинскаго, а иноземнаго корня. Перед нами — любопытный случай пересадки идеологій с одной національной почвы на другую. Руссофобія, в том видѣ, в какомъ ее исповѣдуютъ сейчасъ галиційскіе шовинисты, была получена в законченномъ видѣ от поляков. Насадив панукраинское движеніе в Галиціи, поляки снабдили его и готовой идеологіей. К воспріятію ея галичане подготовлены еще со временъ Уніи, когда имъ внушали, будто не они отступники отъ грекоправославной Церкви, а эта послѣдняя представляетъ собой схизму, тогда как истинными сынами православнаго греческаго вѣроисповѣданія могутъ считаться только уніаты.

Намъ приходилось уже обращать вниманіе на исключительную по энергіи пропаганду, развитую поляками в Малороссіи послѣ ея присоединенія къ Россіи и на стараніе поссорить малороссовъ съ царскимъ правительствомъ. В гор-

нилъ этой кипучей дѣятельности выработалась постепенно вся сумма воззрѣній на русских и на украинцев, которая в XIX вѣкѣ была систематизирована, получила наукообразную форму и вручена была галичанам, как евангеліе украинскаго національнаго движенія. Выработка этой теории связана с именем польскаго профессора Духинскаго.

Франциск Духинскій родился в 1817 г. и по происхожденію был малоросс, хотя уже родители его оказались захвачены польским патріотизмом и польскими устремленіями. Выросшій настоящим поляком, он с молодых лѣтъ интересовался русско-польскими отношеніями в древности и писал в концѣ 30-х годов какія-то сочиненія на эту тему. Эмигрировавъ, он поселился в Парижѣ, потом в Швейцаріи, жил в Италіи, в Константинополѣ, потом опять в Парижѣ, гдѣ стал профессором мѣстной польской школы. Извѣстность приобрѣлъ своими парижскими публичными лекціями по польской исторіи, в которых и развил знаменитую теорію о взаимных отношеніях славянских племен. Успѣх его чтеній среди французов был исключительный и объяснялся, кромѣ обычнаго для них невѣжества в вопросах славистики, также и руссофобіей, широко распространенной в тогдашней Франціи. Историческіе опусы свои Духинскій напечатал в 1847-1848 г. г. в одном из польских изданій в Парижѣ, а в 1858-1861 г. г. выпустилъ в видѣ трехтомнаго труда под заглавіем "*Zasady dziejów Polski i innych krajów Słowiańskich*".

Труд этот давно забытъ и ни одним ученым всерьез не принимается. Интересен он только, как документ общественно-политической мысли своего времени. Излагая взаимоотношенія поляков с прочими славянскими народами в прошлом, автор наибольшее вниманіе удѣляет Руси. Русь, по его словам, представляет простую отрасль, разновидность народа польскаго; у них одна душа, одна плоть, а язык русскій — только діалектъ, провинціальное нарѣчіе польскаго языка. Конечно, под Русью надлежит разумѣть не тот народ, который себя называл этим именем в XIX вѣкѣ — не московитов. Русь — это галицкіе русины и малороссы, которые только и достойны называться русским

именем, тогда как современные русскіе присвоили это имя незаконно и в старину назывались москвитями и москалями. Произошло это присвоение сравнительно недавно, с тех пор, как москвиты захватили часть «русских» (украинских) территорий с их населением.

Екатерина Вторая высочайшим повелѣніем даровала восковскому народу имя русскаго и запретила называться древним именем «москвитян». В этом сказался, как бы, стыд варвара, вступившаго в высшее культурное общество и захотѣвшаго украсить себя именем благороднаго народа, спрятав свое хамское дикое имя подалеже. В то время, как русскіе, т. е. русины — чистые славяне, москали ничего общаго со славянством не имѣют. Это народ азіатскій, принадлежащій к финско-монгольскому племени, и только слегка ослабяннвшійся под вліяніем русских (украинцев). Духинскій категорически отрицает за москалями арійское происхождение, относя их к туранской вѣтви народов. Отсюда выводятся всѣ ніакія умственные и нравственные качества москалей и все ничтожество их культуры.

Большая часть польских образованных кругов приняла теорію Духинскаго с восторгом и повторяла ее на всѣ лады. Во Львовѣ в 1882 г. вышла книга нѣкоего Бестроунаго "Przestroga Historji" (предостереженіе исторіи), гдѣ автор разсыпается изумительными варіаціями на тему Духинскаго. По его словам, из 90 милліонов жителей Россійской Имперіи, только четвертая часть говорит языком російским, и притом начала говорить им «не дальше, как сто лѣт тому назад». По словам автора, этот язык, происходящій от славянскаго языка, распространялся вмѣстѣ с религіей среди народов московскаго государства еще тогда, когда в них не было ни капли славянской крови. «Жители имперіи особой московской народности не имѣли мужества называться тѣм, чѣм они были в дѣйствительности, не имѣли мужества называться москалями, им казалось, что это оторвет их от Европы... В удивительном смѣшном ослѣпленіи они думали, что имя москаля тождественно с варваром и что названіе их россиянами защитит их от укуров в варварствѣ. Им казалось, что Европа не знает о том.

что дѣлается в этой Россіи, а хотя бы и знала — они лучше хотѣли быть варварами европейскими, чѣм достойным свободным народом московским, хотѣли лучше угнетать и быть угнетаемыми, чѣм принять названіе москалей и признать себя финско-монгольским племенем, они назвались славянами».

Произведеній подобных этому появилось множество, благодаря чему теорія Духинскаго пріобрѣла широкую извѣстность, не только в польских землях, но и за границей. Она была воспринята французским историком Анри Мартеном и по причинѣ полной неосвѣдомленности европейцев о Россіи долго процвѣтала во Франціи, как «научная». Понадобился авторитет Рамбо, чтобы вывести французскую науку из недостойнаго положенія.

Русскіе украинофилы встрѣтили ученіе Духинскаго отрицательно. В 1861 году, в отвѣтъ на появившуюся в сентябрьском выпускѣ “Revue Contemporaine” статью “La vérité sur l'esprit russe”, Костомаров напечатал в «Основѣ» отповѣдь «Правда полякам о Руси» с возраженіями на историческія разсужденія Духинскаго.

Совсѣм иначе отнеслись к духинщинѣ галиційскіе пан-украинцы. Для них она явилась той идейной манной, на которой они возросли и которой питаются до сих пор. Они пошли на выучку к польскому шовинизму. Наибольшим успѣхом он пользовался именно во Львовѣ — столицѣ Галиціи. Здѣсь собралась наиболѣе рьяно, наиболѣе горнорова настроенная часть польских націоналистов, главным образом, участников неудавшагося возстанія 1863 г.

Кичливая заносчивость при жалком положеніи, позерство, самовосхваленіе, лутчиизм, страсть к заговорам и баррикадам, непрестанный барабанный бой в рѣчах и в печатных выступленіях снискали им, даже у самих поляков, прозваніе «трумтадратов». Эта группа никогда не ломала головы над размышленіями об излеченіи вѣковых болѣзней своей страны, дабы подготовить ея организм к возрожденію. Она и слышать не хотѣла об этом, но бранила Россію на чем свѣтъ стоит, считая ее главной виновницей польских раздѣлов. Чѣм крѣпче обругать, чѣм глубже унижить ее в своих рѣчах, тѣм ближе казался день возрож-

денія Польши. Духинскій стал их кумиром, а Львов — мѣстом пышнаго цвѣтенія его теоріи. К ней присоединили и «Исторію Русов». Сам Духинскій высоко цѣнил это произведеніе. В своей книгѣ «Peuples Aryas et Tourans», вышедшей в Парижѣ в 1867 г., он назвал его «обвинительным документом против Москвы».

••

Национальная доктрина «Украинскаго Пьемонта» ясна: быть украинцем, значит быть антирусским. «Если у нас идет рѣчь об Украинѣ, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ея врагам... Возрожденіе Украины — синоним ненависти к своей женѣ московкѣ, к своим дѣтям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней».¹⁷⁵ О том, к каким страстям и настроеніям апеллировал этот лозунг в самой Украинѣ и как это отразилось на днѣпровском націонализмѣ, скажем в слѣдующей главѣ. Здѣсь же упомянем, хоть вкратцѣ, о заключительном этапѣ галицкаго народовства.

С началом первой міровой войны, оно проявило свое лицо созданием отрядов австрійских янычар, под именем Січевых Стрѣльцов, а также всевозможных шпіонско-диверсантских организацій типа «Союза Вызволенія Украины», работавших в пользу Австріи против Россіи. Но міровая война кончилась крахом Австрійской Имперіи и полным переворотом в судьбѣ Галиціи. Она оказалась, как полтора ста лѣт тому назад, в составѣ возродившейся Рѣчи Посполитой. Поляки сдѣлались теперь не краевой, а государственной властью для русин; все их поведеніе рѣзко измѣнилось. Возродились религіозныя и національныя притѣсненія в формах, напоминающих XVIII вѣк. Измѣнилось, разумѣется, и отношеніе к народовской партіи. Она им стала не нужна. Кое что в ея практикѣ допускалось, как приманка для подсовѣтских украинцев, но во всем остальном она было стѣснена и ограничена. Два былых союзника превращались постепенно во врагов.

Но тут и сказалась сила инерціи. Несмотря на то, что

Польша стала, отнынѣ, врагом номер 1 и яростным угнетателем галичан, національная идеологія «Украинскаго Пьемонта» осталась, как прежде, заостренной не против нея, а против Москвы. Переменить или преобразовать ее галичане оказались неспособны. Они пронизали ею всю свою печать, труды и учебники по украинской исторіи и подчинили ей систему воспитанія молодого поколѣнія. Дѣтям самаго нѣжнаго возраста внушали расово-ненавистническіе взгляды на москалей, цѣлыя поколѣнія оказались воспитанными в принципах духинщины и трумтадратства.

Не изменила их и вторая міровая война, уничтожившая, снова, независимую Польшу. Уйдя в эмиграцію, народовство осталось вѣрным до сего дня духовному наслѣдію 70-х и 80-х годов.

«ФОРМАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

Мы здѣсь не пишем исторіи самостійничества. Наша задача прослѣдить, как создалось его «идейное» лицо. На Украинѣ, к концу 70-х и в 80-х годах, оно совсѣм было утрачено. Перестав быть частью революціоннаго или, по крайней мѣрѣ, «прогрессивнаго» движенія, украинство не знало, чѣм ему быть дальше. Лучшая часть «Громады» продолжала заниматься учеными трудами, писала стихи и романы, но огня, оживлявшаго дѣятельность первых украинофилов от Рылѣва и кирилло-мефодіевцев до Драгоманова, не было. Зато возник угарный чад, какой исходит от тлѣющих углей послѣ того, как пламя потухнет. Начался безыдейный украинизм, не ищущій себѣ смысла и оправданія. В отличіе от своего предшественника он не задавался вопросом: зачѣм надо было внушать малоросійскому крестьянину, что он — «окрема» національность, зачѣм надо было обучать его в школѣ не на общерусском письменном языкѣ, а на разговорной мовѣ? Костомаров и Драгоманов имѣли на этот счет обоснованное сужденіе, исходившее из соображеній социальнаго и политическаго прогресса. Никаких таких соображеній у послѣдующих украинофилов не было. Их логика проста: раз нас «пробудили» и назвали украинцами, особой національностью, так надо и быть ею, надо, как всѣ порядочныя націи, обладать своей территоріей, своими государством, языком, національным флагом и своими послами при иностранных дворах.

Народился тип націоналиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом, лишь бы он был «свой» национальный. От 70-х и 80-х годов тянется нить к тому эпизоду 1919 г., когда один из членов Директории на заседании Украинской Рады заявил: «Мы готовы и на советскую владу, аби вона была українська». Никто тогда оратору «не заперечил» и, впоследствии, многие видные деятели самостоятельности, во главе с М. Грушевским, перешли к большевикам, удовлетворившись внешней национальной формой советской власти на Украине.

Проф. Корсаков рассказывает в своих воспоминаниях¹⁷⁶ о киевской молодежи, которая в 70-х годах группировалась вокруг Костомарова. Молодые люди любили и почитали его, называли «дидом», но в их обращении с ним замечна была ласковая снисходительность, какая бывает, иногда, к милым, но выжившим из ума старичкам. Чувствовалось, что его чтят за прежние заслуги, но всерьез не принимают. Он высказался против искусственного создания нового литературного языка — ему на это не возразили, но язык продолжали сочинять с удвоенной энергией. Он предостерег от увлечения распространенным в Галиции учением Духинского, насыщенным ненавистью к москалям, — ему опять ничего не возразили, но национальная доктрина все больше проникалась идеями Духинского. Он пользовался каждым случаем, чтобы заявить об отсутствии у украинского движения намерения отделить свой край от России или даже посвятить смену розни между двумя братскими ветвями русского племени — а украинское движение, в это время, делало все, чтобы заложить основу такой розни. Напрасно он уверял весь мир, будто украинфильство ничего не ищет, кроме умственного, духовного и экономического развития своего народа, — он говорил только за самого себя. Воспитанному им юношеству уже тогда грезилась возрожденная рада, гетманы, бунчуки, червонные жупаны и весь реквизит казачьей эпохи.

Драгоманов, строго, осуждавший такой образ мыслей, прозвал его «формальным национализмом». Его насаждение шло параллельно с ростом нового поколения и с превращением украинского самостоятельности в провинциальный от-

голосок галицкаго народовства. Кто не принял запрета наложеннаго на антиавстрійскую и антипольскую пропаганду, не дал ясных доказательств своей руссофобіи, кто не пощѣловал туфли львовскаго ультрамонтанства, тот как бы отчислялся от самостійничества.

Люди новаго склада, не державшіеся ни за социализм, ни за космополитизм, полуобразованные, не чувствовавшие уз, что связывали прежних украинофилов с русской культурой, начали щѣловать эту туфлю и говорить о Россіи языком Духинскаго.

Это они были тѣми «масками, размахивавшими картонными мечами», о которых писал Драгоманов. Еще в 70-х годах они развили подорзительную дѣятельность пощѣлову галиційской литературы в Малороссію. Они же поставили ложную інформацію галичанам, внушая миф о существованіи проавстрійской партіи на Украинѣ. Впослѣдствіи, к началу 900-х годов, когда эти люди вышли на передній план, в них уже трудно было распознать малороссов. Многіе отреклись от своих учителей, осудили их, назвав «поколѣніем бѣлых горлиц» — прекраснодушных, но абсолютно недѣйственных. Они преисполнялись боевого пыла, требовали рѣкъ русской крови, беспощадной борьбы с московщиной.

Вождем этого поколѣнія и наиболѣе послѣдовательным выразителем формальнаго націонализма стал Михаил Сергѣевич Грушевскій — питомец кievскаго университета, ученик проф. В. Б. Антоновича. Он сдѣлался тѣм идеологом безыдейности, котораго недоставало формальному націонализму. Он же блестяще выполнил задачу слиянія днѣпровскаго украинства с львовским народовством, будучи одинаково своим и на Украинѣ, и в Галиціи. Человѣкъ он был, безусловно, талантливый, хотя вождем самостійничества его сдѣлали не идея, не новые оригинальные лозунги, а большія тактическія и маневренныя способности. Только этими способностями и можно объяснить, что он, прошедшій кievскую громадянскую (почти драгомановскую) школу, переселившись в 1894 году в Галицію, не только был там хорошо принят, но занял руководящее положеніе, стал предсѣдателем Науковаго Товариства им. Шевченко

и в теченіе 20 лѣтъ оставался признаннымъ вождемъ панукраинскаго движенія. Выполняя программу и начертанія народовцевъ, он сумѣлъ сохранить себя чистымъ отъ налета «австро-польской Побѣдоносцевщины» и не оттолкнуть группы радикаловъ — послѣдователей Драгоманова, численно незначительныхъ, но пользовавшихся симпатіями заграницей. Он рѣшился даже на союзъ съ ними при выборахъ въ Рейхстагъ въ 1897 г., и это не отразилось на благоволеніи къ нему матерыхъ народовцевъ.

Черезъ два года он основалъ вмѣстѣ съ Романчукомъ партію, которая хоть и состояла изъ элементовъ мало чѣмъ отличавшихся отъ послѣдователей Барвинскаго, но носила названіе «Народно-Демократической». И опять это названіе прикрыло его отъ нареканій слѣва, а въ то же время практика партіи, особенно «духъ» ея, вполне удовлетворяли барвинчиковъ.

Новая партія пошла, по выраженію Грушевскаго, «равнодѣйствующей между консервативнымъ и радикальнымъ направленіями». Это была наиболѣе удобная для самого Грушевскаго позиція. Она и на Украинѣ, и среди русской революціонной интеллигенціи не создала ему репутаціи реакціонера, а въ Галиціи избавила отъ обвиненій въ нигилизмѣ и социализмѣ.

Конечно, он далъ всѣ доказательства лояльности въ отношеніи Польши и Австріи и соотвѣтствующей ненависти къ Россіи. Она ясно видна въ его статьѣ «Украинсько-руське литературне видродженне», появившейся въ 1898 г., гдѣ он мечтаетъ о «прекрасномъ днѣ, когда на украинской землѣ не будетъ врага супостата»¹⁷⁷, но особенно много клеветы и поношеній Россіи содержится въ его статьѣ «Die Kleinrussen», напечатанной въ сборникѣ «Russen über Russland», вышедшемъ во Франкфуртѣ въ 1906 г.

Если враждебныхъ выпадовъ его противъ Россіи можно насчитать сколько угодно, то трудно привести хоть одинъ направленный противъ Австро-Венгріи. Особаго вниманія заслуживаетъ отсутствіе малѣйшаго осужденія Духинщины. Прежние «поколѣніе бѣлыхъ горлицъ» не по однимъ научно-теоретическимъ, но и по моральнымъ соображеніямъ отвергло это расово-ненавистническое ученіе. Грушевскій ни разу о

нем не высказался и молчаливо принимал, тѣсно сотрудничая с людьми, взошедшими на дрожжах теоріи, которой так удачно воспользовался в наши дни Альфред Розенберг.

По отношенію к Россіи, Грушевскій был сепаратистом с самаго начала. Сам он был настолько тонок, что ни разу не произнес этого слова, благодаря чему сумѣл прослыть в Россіи федералистом типа Драгоманова. Даже лѣтом 1917 года, когда образовалась Центральная Украинская Рада и тенденція ея основателей ясна была ребенку, многие русскіе интеллигенты продолжали вѣрить в отсутствіе сепаратистских намѣреній у Грушевскаго. Кое кто и сейчас думает, что будь Временное Правительство болѣе сговорчиво и не захвати большевики власть, Грушевскій никогда бы не встал на путь отдѣленія Украины от Россіи. И это несмотря на то, что он лѣтом 1917 г. выдвинул требованіе выдѣленія в особые полки и части всѣх украинцев в дѣйствующей арміи. Еще в 1899 г., в Галиціи, при созданіи «Національно-Демократической Партіи», он включил в ея программу тезис: «Нашим идеалом должна быть независимая Русь-Украина, в которой бы всѣ части нашей націи соединились в одну современную культурную державу»¹⁷⁸. Отлично понимая невозможность немедленного воплощенія такой идеи, он обусловил его рядом послѣдовательных этапов. В статьѣ «Украинскій Пьемонт», написанной в 1906 году, он рассматривает національно-территориальную автономію, «как минимум, необходимый для обезпеченія ея свободнаго національнаго и общественнаго развитія»¹⁷⁹.

Все, что происходило на Украинѣ в годы революціи, имѣло своим источником львовскую выучку Грушевскаго. Он больше, чѣм кто либо, оказался подготовленным к руководству событіями 1917 г. в Малороссіи.

Главным дѣлом жизни этого человѣка, над которым он неустанно работал, был культурный и духовный раскол

между малоросійским и русским народами. То было выполнение завѣщаній Духинскаго и «Исторіи Русов».

Началось с «правописа». Это было еще до Грушевскаго. В течение тысячи лѣтъ, малороссы и всѣ славяне, за исключением католицизированных поляков и чехов, пользовались кириллицей. Лингвистами давно признано, что это лучшая из азбук міра, наиболѣе совершенно передающая фонетику славянской рѣчи. Ни одному малороссу в голову не приходило жаловаться на несоотвѣтствіе ея букв звукам малоросійскаго говора. Не было жалоб и на типографскій «гражданскій» шрифт, вошедшій в обиход со времени Петра Великаго. Но вот, с середины XIX вѣка начинается отказ от этой азбуки. Зачинателем был Кулиш. В період своего неистоваго украинофильства, «Кулешовка», названная его именем, представляла ту же старую русскую азбуку, из которой изгнали, только, букву «ы», замѣнив ее знаком «и», а для восполненія образовавшейся пустоты расширили функцию «і» и ввели неизвѣстный преждему алфавиту знак «ї». Это та азбука, которая узаконена сейчас в СССР. Но в старой Россіи ее запретили в 90-х годах, а для Галиціи она с самаго начала была неприемлема по причинѣ слишком робкаго отхода от русскаго алфавита.

Русское правительство и русская общественность, не понимавшія національнаго вопроса и никогда им не занимавшіяся, не вникали в такія «мелочи», как алфавит; но в болѣе искушенной Австріи давно оцѣнили политическое значеніе правописанія у подчиненных и неподчиненных ей славян. Ни одна письменная реформа на Балканах не проходила без ея внимательнаго наблюденія и участія. Считалось большим достиженіем добиться видоизмѣненія хоть одной-двух букв и сдѣлать их непохожими на буквы русскаго алфавита. Для этого прибѣгали ко всѣм видам воздѣйствія, начиная с подкупа и кончая дипломатическим давленіем. Варфоломей Колитар, дворцовый библіотекаръ в Вѣнѣ, еще в 40-х годах XIX вѣка работал над планом мирной агрессіи в отношеніи Россіи. Он ставил задачей, чтобы каждая деревня там писала посвоему. Вот почему в своей собственной Галиціи не могли довольствоваться ничтожной «кулешовкой». Возникла мысль замѣнить русскую

азбуку фонетической транскрипціей. Уже в 70-х годах ряд книг и журналов печатались таким образом.

Фонетическая транскрипция употребляется, обычно, либо в научно-исследовательской работе, либо в преподавании языков, но ни один народ в Европе не заменил ею своего исторически сложившагося алфавита.

В 1895 г., Научное Товариство им. Шевченко, при поддержке народных лидеров Гардера и Смаль-Стоцкого, ходатайствует в Вѣнѣ о введеніи фонетической орфографіи в печати и в школьном преподаваніи. Мотивировка ходатайства была такова, что заранѣе обезпечивала успѣх: Галиции «и лучше и безопаснѣе пользоваться тѣм самым правописаніем, какое принято в Россіи».

Москвофильская партія, представлявшая большинство галиційскаго населенія, подняла шумный протест, требуя сохраненія прежней орфографіи. Но вѣнское правительство знало, что ему выгодыѣ. Побѣдило народное меньшинство и с 1895 г. в Галиции и Буковинѣ министерство народнаго просвѣщенія официально ввело «фонетику». Даже поляк Воринскій (далеко не руссофил) назвал это «чудовищным покушеніем на законы лингвистики»¹⁸⁰.

В недавно появившемся очеркѣ жизни и дѣятельности доктора А. Ю. Геровскаго рассказано, какими грубыми полицейско-административными мѣрами насаждалось фонетическое правописаніе в Буковинѣ и в Закарпатской Руси¹⁸¹.

Что же до галиційской читающей публики, то она, как рассказывает И. Франко, часто возвращала газеты и журналы с надписями: «Не смійте мени присылати такой огидной макулатуры». Или: «Возвращается обратным шагом к умалишенным»¹⁸².

Правописаніе, впрочем, не главная из реформ задуманных Научным Товариством. Вопрос стоял о созданиіи заново всего языка. Он был камнем преткновенія самых пылких націоналистических страстей и устремленій. Как в Россіи, так и в Австріи самостоятельная интеллигенція воспи-

тана была на образованности русской, польской, нѣмецкой и на их языках. Единого украинскаго языка, даже разговорнаго, не существовало. Были говоры, порой, очень сильно отличавшіеся друг от друга, так что жители отдѣльных частей соборной Украины не понимали один другого.

Предметом самых неустанных забот, впрочем, был не разговорный, а литературный язык. Малороссія располагала великолѣпным разработанным языком, занявшим в семьѣ европейских языков одно из первых мѣст. Это русский язык. Самостійники злонамѣренно, а иностранцы и нѣкоторые русскіе по невѣжеству, называют его «великорусским».

Великорусскаго литературнаго языка не существует, если не считать народных пѣсен, сказок и пословиц, записанных в ХУШ-ХІХ вѣкѣ. Тот, который утвердился в канцеляріях Россійской имперіи, на котором писала наука, основывалась пресса и создавалась художественная литература, был так же далек от разговорнаго великорусскаго языка, как и от малороссійскаго. И выработан он не одними великоруссами, в его созданіи принимали не меньшее, а может быть большее участіе малороссы. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ в Москвѣ работали кіевскіе ученые монахи Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и другіе, которым вручен был жезл литературнаго правленія. Они много сдѣлали для реформы и совершенствованія русской письменности. Велики заслуги и бѣлорусса Симеона Полоцкаго. Чѣм дальше, тѣм больше юго-западные книжники принимают участіе в формированіи общерусскаго литературнаго языка — Дмитрій Ростовскій, Стефан Яворскій, Феофан Прокопович. При Петрѣ наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизаціи москалей, но никак не о руссификаціи украинцев, на что часто жаждутся самостійники.

Южно-русская письменность в ХУІІ вѣкѣ подверглась сильному вліянію Запада и восприняла много польских и латинских элементов. Все это было принесено в Москву. В свою очередь, кіевскіе книжники не мало заимствовали от приказнаго московскаго языка, послужившаго нѣкото-

рым противоядием против латинизмов и полонизмов. По-лучившееся в результатѣ языковое явление дало повод львовскому профессору Омеляну Огоновскому утверждать, будто реформаторская дѣятельность малороссійских книжников привела к тому, что уже «можно было не замѣчать никакой разницы между рутенским (украинским) и московским языками»¹⁸⁸.

Еще в 1619 г. вышла в Евью та грамматика этого языка, написанная украинским ученым Мелетіем Смотрицким, по которой свыше полутора столѣтій училось и малороссійское, и московское юношество, по которой учились Григорій Сковорода и Михайло Ломоносов. Ни тому, ни другому не приходило в голову, что они обучались не своему, а чужому литературному языку. Оба сдѣлали крупный вклад в его развитіе. В Московщинѣ и на Украинѣ, это развитіе представляло один общій процесс. Когда стала зарождаться свѣтская поэзія и проза, у писателей тут и там не существовало иной литературной традиціи, кромѣ той, что начинается с Нестора, с митрополита Иллариона, Владиміра Мономаха, Слова о Полку Игоревѣ, «житій», «посланий», той традиціи, к которой относятся Максим Грек, Курбскій и Грозный, Іоанн Вишенскій и Исаія Ковинскій, Мелетій Смотрицкій и Петр Могила, Епифаній Славинецкій и Симеон Полоцкій, Ин. Гизель с его «Синописом», Сильвестр Медвѣдев и Дмитрій Ростовскій. Когда Богданович писал «Душеньку», Капнист «Ябеду» и «Оду на рабство», когда Гнѣдич переводил Иліаду — они создавали «россійскую», но отнюдь не москальскую словесность. Ни Пушкин, ни Гоголь не считали свои произведенія достояніем «великорусской» литературы. Как до, так и послѣ Гоголя, все наиболѣе выдающееся, что было на Украинѣ, писало на общерусском литературном языкѣ. Отказ от него означает духовное ограбленіе украинскаго народа.

В самом дѣлѣ, если уже в XVII и XVIII вѣках не было разницы между украинским и московским, как утверждает О. Огоновскій, то не означает ли это существованія языковаго единства? Выбрасывая за борт московскій, можно ли было не выбросить украинскаго? Полонофильствующее

народовство готово было выбросить что угодно, лишь бы не пользоваться тѣм же языком, что Россія, а украинцы «со востока» слишком страдали комплексом національной неполноцѣнности, чтобы не поддаться этому соблазну. Их не отрезвил, даже, примѣр Германіи и Австріи, Франціи и Бельгіи, Испаніи и Южной Америки, чьи независимыя государства существовали и существуют несмотря на общность языков.

Началось лихорадочное созданиe новаго «письменства» на основѣ простонародной разговорной рѣчи, почти сплошь сельской. Введеніе ея в литературу — не новость. Оно наблюдалось еще в XVII вѣкѣ у кievскаго монаха Оксенича-Старушича, переходившаго иногда в своих устных и письменных проповѣдях на простонародную мову. Так дѣлал в XI вѣкѣ и новгородскій епископ Лука Жидята. Практиковалось это в расчетѣ на большую понятность проповедей. «Энеида» Котляревскаго написана, как литературный курьез, Квитка-Основьяненко, Гулак, Марко Вовчек — не болѣе как «опыты», не претендовавшіе на большую литературу и не отмѣнявшіе ея. Они были экзотикой и лишь в этой мѣрѣ популярны. Не для отмѣны общерусской письменности упражнялись в сочиненіях на «мовѣ» и столпы украинскаго возрожденія — Костомаров, Кулиш, Драгоманов. У первых двух это объяснялось романтизмом и к старости прошло. У Костомарова не только прошло, но превратилось в род страха перед призраком намѣренно сочиненнаго языка. Такой язык не только задержит, по его мнѣнію, культурное развитіе народа, но и души народной выразить не будет. «Наша малорусская литература есть исключительно мужицкая», — замѣчает Костомаров, имѣя ввиду Квитку, Гулака-Артемовскаго, Марко Вовчка. И «чѣм по языку ближе малороссійскіе писатели будут к простому народу, чѣм менѣе станут от него отдаляться, тѣм успѣх их в будущем будет вѣрнѣе». Когда же на язык Квитки и Шевченко начинают переводить Шекспиров, Байронов, Мицкевичей — это «гордыня» и бесполезное занятіе. Интеллигентному слою в Малороссіи такіе переводы не нужны, «потому что со всѣм этим он может познакомиться или в подлинниках или в переводах на общерусскій

язык, который ему так же хорошо знаком, как и родное малорусское нарѣчіе». Простому мужику это еще меньше нужно; он вообще не дорос до чтенія Шекспира и Байрона, а для перевода этих авторов не хватает в его языкѣ ни слов, ни оборотов рѣчи. Их нужно заново создавать. К такому же обильному сочинительству слов должны прибѣгать и тѣ авторы, что желают писать по-малороссійски для высокоразвитого образованнаго читателя. В этом случаѣ отступленіе от народнаго языка, его искаженіе и умерщвленіе неизбѣжно. «Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, — заявляет Костомаров, — мы не можем, однако, не выразить нашего несогласія со взглядом господствующим, как видно, у нѣкоторых малорусских писателей. Они думают, что при недостаточности способов для выраженія высших понятій и предметов культурнаго міра, надлежит для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣм обогащать язык и литературу. У пишущаго на простонародном нарѣчїи такой взгляд обличает гордыню, часто суетную и неумѣстную. Создавать новые слова и обороты — вовсе не бездѣлица, если только их создавать с надеждою, что народ введет их в употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достояніем великих дарованій, как это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы. Много новых слов и оборотов вошли во всеобщее употребленіе, но они почти всегда появлялись вначалѣ на страницах наших лучших писателей, которых произведенія и по своему содержанію оставили по себѣ бессмертную память. Так, много слов и оборотов созданы Ломоносовым, Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Гоголем... Но что случилось с такими на живую нитку измышленными словами, как «мокроступы», «шарокаталище», «краткоодежіе», «четвероплясіе» и т. п.? Ничего кромѣ позорнаго безсмертія, как образчика неудачных попыток бездарностей! С сожалѣніем должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этой болѣзью и это тѣм прискорбнѣе, что в прежніе годы малорусская литература была чиста от такой укоризны. По крайней мѣрѣ, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченко, Стороженко, Марко Вовчка, едва ли

найдется что нибудь такое, о чем бы можно было с первого раза сказать, что малорусс так не выразится»¹⁸⁴.

Неодобрительно относился к искусственному созданию «литерацкой мовы» и Драгоманов, несмотря на то, что был одним из самых горячих протестантов запретительного указа 1876 года. Никто кроме него же самого не представил эти протестующіе жесты в болѣе невыгодном свѣтѣ. В своих «Листах до наддніпрянской Украины», писанных в 1893 г., за два года до смерти, он дѣлает такія признанія, обойти которыя здѣсь невозможно¹⁸⁵. Он рассказывает, что еще в 1874-1875 г., в Кіевѣ, задумано было изданіе серии популярных брошюр энциклопедическаго характера, на украинском языкѣ. За дѣло принялись горячо и на квартирѣ у Драгоманова каждую недѣлю происходили совѣщанія участников предпріятія. Но тут и выяснилось, что никто, почти, не умѣет писать по-украински. На этом языкѣ печатались, до тѣх пор, только стихи и беллетристика, но ни научной, ни публицистической прозы не существовало. Первые опыты ея предприняты были лишь тремя годами позднѣе в Женевѣ, гдѣ Драгоманов, в условіях полной свободы, не стѣсняемый никакими правительственными ограниченіями, стал издавать журнал «Громаду». По его собственному признанію, он совсѣм не собирался выпускать его по-украински, и должен был сдѣлать это только под давленіем кружков «дуже горячих украинцев», среди которых была не одна зеленая молодежь, но люди солидные и ученые.

«И что ж? Как только дошло до распредѣленія статей для первых книг «Громады», сразу же послышались голоса, чтобы допустить не только украинскій, но и русскій язык». Драгоманов опять признается, что печатаніе журнала по-русски было бы самым разумным дѣлом, но он захотѣл поставить вопрос «принципіально». Одной из причин такого его упорства было, якобы, желаніе «спробувати силу щирости и енергій украинских прихильників» «Громады». И вот, как только удалось настоять на печатаніи по-украински, началось остываніе «дуже горячих». Десять из двѣнадцати главных сотрудников журнала «не написали в нем ни одного слова и даже замѣтки против мо-

его «космополитизма» были мнѣ присланы однимъ украинофиломъ по-русски. Изъ двухъ десятковъ людей, обѣщавшихъ сотрудничать въ «Громадѣ» и кричавшихъ, что надо «отомстить» правительству за запрещеніе украинской печати въ Россіи, осталось при «Громадѣ» только 4. Двумъ изъ нихъ пришлось импровизированнымъ способомъ превратиться въ украинскихъ писателей»¹⁸⁶.

Шумъ по поводу запрета украинскаго языка былъ поднятъ людьми не знавшими его и не пользовавшимися имъ. «Насъ не читали даже ближайшіе друзья, — говоритъ Драгомановъ. — За все время существованія женеваго издательства я получалъ отъ самыхъ горячихъ украинофиловъ совѣты писать по-украински только про спеціальныя краевыя дѣла (домашній обиход!), а всѣ общіе вопросы освѣщать по-русски». Эти друзья, читавшіе русскіе журналы «Впередъ» и «Набатъ», не читали въ «Громадѣ» даже такихъ статей, которыя, по мнѣнію Драгоманова, стояли значительно выше того, что печаталось въ «Набатѣ» и «Впередѣ», — статей Подолинскаго, напримѣр. «Для нихъ просто тяжело было прочесть по-украински цѣлую книжку, да еще написанную прозой, и они не печатали своихъ статей по-украински ни въ «Громадѣ», ни гдѣ бы то ни было, тогда какъ часто печатались по-русски». Такое положеніе характерно не для однихъ только 60-хъ и 70-хъ годовъ, но наблюдалось въ продолженіи всего XIX вѣка. По свидѣтельству Драгоманова, ни одинъ изъ украинскихъ ученыхъ избранныхъ въ 80-хъ, 90-хъ годахъ почетными членами галицкихъ «народовскихъ» обществъ — не писалъ ни строчки по-украински. Въ 1893 г. онъ констатируетъ, что научнаго языка на Украинѣ и до сихъ поръ не существуетъ, «украинская письменность и до сихъ поръ, какъ 30 лѣтъ назадъ, остается достояніемъ одной беллетристики и поэзіи»¹⁸⁷.

Нельзя не дополнить этихъ признаній Драгоманова, воспоминаніями другого, очень почтеннаго малоросса, профессора С. П. Тимошенко. Застрявшій случайно, въ 1918 г. въ Кіевѣ, въ короткое правленіе гетмана Скоропадскаго, онъ былъ близокъ къ только что созданной «Украинской Академіи Наукъ». «По статуту, — пишетъ онъ, — научные труды этой академіи должны были печататься на украинскомъ

языкъ. Но на этом языкѣ не существует ни науки, ни научной терминологии. Чтобы помочь дѣлу, при академіи была образована терминологическая комиссія и были выписаны из Галиции спеціалисты украинскаго языка, которые и занялись изготовленіем научной терминологии. Брались термины из любого языка, кромѣ родственнаго русскаго, имѣвшаго значительную научную литературу»¹⁸⁸.

Положеніе, описанное Драгомановым для 90-х годов, продолжало существовать и в 1918 году.

Эти высказыванія великолѣпный комментарий к указу 1863 г. «Малороссійскаго языка», на котором можно было бы строить школьное преподаваніе, дѣйствительно не существовало и Валуев не выдумал «большинства малороссов», которые протестовали против его легализации. Гегемонія русскаго литературнаго языка меньше всего объясняется поддержкой царской полиціи. Истинную ея причину Драгоманов усматривает в том, что «для украинской интеллигенціи, так же как и для украинофилов, русскій языкъ еще и теперь является родным и природным». Он благодарит за это судьбу, потому что «українська публика, як бы зисталась без письменства російскаго, то була б глуха и сліпа». Общій его вывод таков: «Россійская письменность, какова бы она ни была, является до сих пор своей, родной для всѣх просвѣщенных украинцев, тогда как украинская существует у них для узкаго круга, для «домашняго обихода», как сказали Ив. Аксаков и Костомаров»¹⁸⁹.

Вмѣстѣ с вопросом о языкѣ поднимался вопрос о литературѣ. Раздѣлить их невозможно. Раздѣльность существовала лишь в точках зрѣнія на этот предмет между малороссійским украинофильством и галицким народовством. У перваго, назначеніе книг на «родной мовѣ» заключалось в просвѣщеніи простаго народа, либо в революціонной пропагандѣ среди крестьян. Поколѣніе же, выпестованное народовцами, усматривает его не в плоскости культуры, а в затрудненіи общенія между русскими и малороссами.

Костомаров и Драгоманов требовали предоставить язык и литературу самим себѣ; найдутся писатели и читатели на «мовѣ» — она сама завоеует себѣ мѣсто, но никакая регламентация и давление извне не допустимы. Драгоманов часто говорил, что пока украинская литература будет представлена бездарными Конисскими или Левицкими, она неспособна будет вырвать из рук малороссійскаго читателя не только Тургенева и Достоевскаго, но даже Боборыкина и Михайлова. Культурное отмежеваніе от Россіи, как самоцѣль, представлялось ему варварством.

Но уже в началѣ 90-х годов появляются публицисты типа Вартоваго, который, обозвав русскую литературу «шма-том гнилой ковбасы», требовал полной изоляціи Украины от русской культуры. Всѣх, считавших Пушкина, Гоголя, Достоевскаго «своими» писателями, он объявил врагами. «Кождый хто принесе хочь крихту обмоскаленья у наш нарид (чи словом з уст, чи книжкою) —робит йому шкоду, бо видбиває його вид національного ґрунту»¹⁹⁰.

Уже тогда обнаружился один из приѣмов огражденія національнаго ґрунта, приобрѣтшій впоследствии широкое распространеніе. Проф. С. П. Тимошенко¹⁹¹, отчувтившись в эмиграціи, захотѣл в 1922 г. навѣстить двух своих братьев проживавших в Чехіи, в Пади-Брадах. Пади-Брады были в то время крупным центром украинской самостоятельной эмиграціи. Там он встрѣтил немало старых знакомых по Киеву. И вот оказалось, что «люди, которых я давно знал и с которыми прежде общался по-русски, теперь отказывались понимать русскій язык». Школа Вартоваго принесла несомнѣнные плоды.

Напрасно думать, будто этот бандеровец того времени выражал одни свои личныя чувства. То же самое, только гладко и благовоспитанно, выражено Грушевским в провозглашенном им лозунгѣ «полноты украинской культуры», что означало политику культурной автаркіи и наступленіе литературной эры представленной Конисским и Левицким-Нечуем. Именно этим двум писателям, пользовавшимся у своих товарищей-громадян репутацией самых бездарных, приписывается идея «окремой» литературы. Писать по-украински, с тѣх пор значило — не просто преда-

ваться творчеству, а выполнять національную миссию. Человѣку нашего времени не нужно объяснять, какой вред наносится, таким путем, истинному творчеству. Всюду, гдѣ литературѣ помимо ея прямой задачи навязывается какая-то посторонняя, она чахнет и гибнет. Этим, повидимому, и объясняется, почему послѣ Шевченко не наблюдаем в украинской письменности ни одного значительнаго явления. Под опекой галичан, она стала, по выраженію Драгоманова, «украинофильской, а не украинской», т. е. — литературой не народа, не нации, а только самостійническаго движенія. Поощреніе оказывалось не подлинным талантам, а литературных дѣл мастерам, наиболѣе успѣшно выполнявшим «миссію». Писательская слава Нечуя, Конисскаго, Чайченко — создается галичанами; без них этим авторам никогда бы не завоевать тѣх лавров, что совершенно незаслуженно выпали на их долю. Про Конисскаго сами современники говорили, что его извѣстность — «плод непоразуминня в галицо-украинских видносинах».

Но именно, галицкая наука возвѣстила о существованіи многовѣковой украинской литературы. В концѣ 80-х годов появился двухтомный труд посвященный этому предмету¹⁹². Автор его, Омелян Огоновскій, может считаться создателем схемы исторіи украинской литературы. Ею до сих пор руководствуются самостійническіе литературовѣды, по ней строятся курсы, учебники, хрестоматіи.

Затрудненіе Огоновскаго, как и всѣх прочих ученых его типа, заключается в полном разрывѣ между новой украинской литературой, и литературой кievских времен, объявленной самостійниками тоже украинской. Эти двѣ разныя письменности ни по духу, ни по мотивам, ни по традиціям ничего общаго между собою не имют. Объединить их, установить между ними преемственность, провести какую нибудь нить от «Слова о Подку Игоревѣ» к Квиткѣ Основьяненку, к Марко Вовчку или от Игумена Даниїла, от Митрополита Иларіона и Кирилла Туровскаго к Тарасу Шевченко — совершенно невозможно. Нельзя, в то же время, не замѣтить доступную даже неученому глазу прямую генетическую связь между письменностью кievскаго государства и позднѣйшей общерусской литературой. Как ула-

дять эти двѣ крупныя непріятности? Отказаться совѣм от древнекіевскаго литературнаго наслѣдства значит отдать его окончательно москалям. Это значило бы отказаться и от пышной родословной, от великодержавія, Владиміра, Ярослава, Мономаха пришлось бы вычеркнуть из числа своих предков и остаться с одними Подковами, Кошками и Наливайками. Но принять кіевское наслѣдство и превознести его — тоже опасно. Тогда непременно возник бы вопрос — откуда взялся украинскій литературный язык XIX вѣка и почему он находится в таком противрѣчїи с эволюціей древняго языка?

Огоновскій разрѣшил эти трудности таким образом, что от древняго наслѣдія не отказался, признал кіевскую литературу «украинской», но объявил ее неполноцѣнной, «мертвой», ненародной и потому ненужной украинскому народу. Он так и говорит: «До Ивана Котляревскаго письменная литература не была народною, потому что развитію ея препятствовали три элемента: во-первых церковно-славянская византійщина, затѣм польская культура с средневѣковой схоластической наукой и, наконец, образовательное иго московскаго царства».

Мы уже имѣли случай указывать на нелюбовь Огоновскаго к православному византійскому вліянію на Руси, ко всей древнерусской культурѣ, развившейся на его основѣ. От нея, «вѣяло только холодом на молодой ум родного народа». Цѣнит он в кіевском наслѣдствѣ лишь народную поэзію — былины, пѣсни, сказанія; что же касается письменности, то всю ее, за исключеніем развѣ «Слова о Полку Игоревѣ», считает ненужным хламом. Она развивалась, как он выразился, «наперекор культурным стремленіям неграмотнаго люда». «Не оживляясь тою живою рѣчью, которою говорила вся живая Русь», древняя литература, по его словам, не выражала духовной сущности народа. Здѣсь добираемся до истинной причины непріязни к ней самостійническаго профессора: она была основана не на простонародном разговорном языкѣ. Допустить, чтобы Огоновскій не знал элементарной научной истины о нетождественности всѣх міровых литературных языков с языками разговорными и о значительном различїи между ними

— невозможно. Перед нами, несомненно, риторическій трюк, с помощью котораго стремятся наукообразно совершить подмѣну одного понятія другим, в политически спекулятивных цѣлях. Душа народа, будто бы, жила в одной только устной словесности. «Книжники писали «Сборники», «Слова», «Послания» и иныя вещи князьям, іерархам и панам на потѣху, а неграмотный народ пѣл себѣ колядки, пѣсни и думы и рассказывал старыя сказки». Совершенно ясно, под народом здѣсь разумѣется лишь просто-народье, крестьяне. Такое мужиковство человѣка взошедшаго на старопанских дрожжах, никого в наше время обмануть не может; оно вызвано не симпатіями к простому народу, а исключительно необходимостью оправдать возведеніе простонародной «мовы» в ранг литературнаго языка. Так он и говорит: письменная литература снова сдѣлалась «душою народной жизни только в новѣйшем періодѣ, когда писатели стали дѣйствительно пользоваться языком и міровоззрѣніем народа».

Таким путем удалось объявить недостойной, не выражающей украинскаго духа литературу не одного только кievскаго, но также и литовско-русскаго и польско-литовскаго, періодов и наконец — литературу XVII-XVIII вѣков. Оказалось, что 900 лѣтъ письменность южно-русская шла ложным путем и только с появленіем И. Котляревскаго вступила на истинную дорогу.

Но все же она не объявлена чужим достояніем; О. Огоновскій сохраняет за Украиной всѣ права на нее и когда доходит до ея подробнаго разбора — проявляет исключительную придирчивость в смыслѣ отнесенія того или иного произведенія к украинской литературѣ. Он, сколько нам извѣстно, первый примѣнил тот оригинальный метод для составленія портфеля украинской письменности, который поразил даже его благожелателей, вродѣ Пыпина¹⁸⁸. Он, попросту, начал механически перебирать произведенія древней словесности и изымать оттуда все «украинское». Критеріем служил, преимущественно, географическій признак: гдѣ написано произведеніе? Остромирово Евангеліе, предназначавшееся для новгородскаго посадника, отнесено к памятникам украинским потому, что выполнено в Кіевѣ.

«Хождение Игумена Даниїла» признано украинским потому, что в авторѣ можно предполагать челоуѣка из черниговской земли. Даже Даниїл Заточник — «был типом украинца». Современники не мало приложили стараній для согласованія этого утверждєнія с послѣдующими словами Огоновскаго: «Жаль только, что о жизни этого мужа мы ничего почти не знаем — неизвѣстно нам кто был Даниїл, гдѣ родился, гдѣ и когда жил и т. д.»

Огоновскаго нисколько не смущало ни то обстоятельство, что «Слово о Полку Игоревѣ» сохранилось в псковском спискѣ XIV вѣка, ни то, что «Повѣсть Временныхъ Лѣтъ» дошла до нас в суздальской редакціи (Лаврентьевская Лѣтопись), ни происхождение «Патерика Печерскаго», возникшаго из переписки между суздальским и кievским иноками, слѣдовательно, могущаго разсматриваться как порождение обѣих частей Руси.

Продѣлав хирургическую операцію по отдѣленію украинской части от москальской, Огоновскій принимается за прямо противоположное дѣло, как только доходит до XIX вѣка с его чисто уже «народной» литературой. Тут его задача не менѣ тонка и отвѣтственна. Надо было показать, что галицкая и украинская литературы, возникшія и развившіяся независимо одна от другой, — не двѣ, а одна. И опять, как в первом случаѣ, выступает механический мегол, на этот раз не раздѣленія, а складыванія.

Собрав в кучу всѣхъ украинских и галицких писателей, Огоновскій располагает их в хронологическом порядкѣ, так что послѣ какого нибудь Шашкевича и Устиновича идут Метелинскій, Шевченко, Афанасьев-Чужбинскій, а потом опять Гушалевиц, Климовиц и т. д.

Историко-литературный метод Огоновскаго имѣл большой успѣх и перенесен был на изученіе всѣхъ другихъ отраслей украинской культуры. Начались поиски сколько нибудь выдающихся живописцев, граверов, музыкантов среди поляков, нѣмцев или русских малороссійскаго происхождения. Всѣхъ их, даже тѣх, что родились и выросли въ Вѣнѣ, Краковѣ или Москвѣ, заносили в реестр дѣятелей украинской культуры. Дѣлалось это на том основаніи, что, как недавно выразилась одна самостійническая газета в

Канадѣ, — «други народи выдбили, видперли, перекуплювали, перемовляли, а то по их смерти крали украинских великих людей для збагачення своей культуры». Теперь этих «видбитых» и «видпертых» стали возвращать в украинское лоно. У русских довольно устѣшно отобрали Левицкого, Боровиковскаго, Бортнянскаго, Богдановича, Гнѣдича, и существует опасность, что отберут Гоголя.

Таким же образом возникли украинскія математика, физика, естествознаніе. Ставши во главѣ Науковаго Товариства им. Шевченко и реорганизовавъ его с 1898 г. по образцу академіи, Грушевскій поставил задачей создать украинскую науку. Через нѣсколько лѣтъ он заявил на весь мір, что она создана. Товариство разыскало труды написанные в разное время по-польски, по-русски, по-нѣмецки людьми, у которых предполагали украинское или галиційское происхожденіе, все это переведено было на украинскій язык, напечатано в «Записках» Товариства и объявлено украинским національным достояніем. Одновременно с этим, Товариство поощряло всевозможныя измѣренія черепов с цѣлью открытія антропологическаго «типа украинца».

Появилась, наконец, «Коротка географія Украины» — труд львовскаго профессора С. Рудницкаго¹⁹⁴, благодаря которому мір познакомился с землями и водами соборной Украины. Книга произвела фурор очертаніями границ новаго государства. Оказалось, что оно обширнѣе всѣх европейских стран, за исключеніем развѣ Россіи; в нее вошли, кромѣ русской Украины, Галиціи, Карпатской Руси и Буковины, также Крым, Кубань, часть Кавказа. Черное и Азовское моря объявлены «украинскими» и такое же названіе распространено на добрый кусок западнаго побережья Каспія. На иллюстраціях изображающих «украинскіе» пейзажи можно видѣть Аю-Даг, Ай-Петри в Крыму. Военно-Грузинскую дорогу и Эльбрус на Кавказѣ. Автору удалось установить даже отличительныя особенности украинскаго климата, независимаго и самостоятельнаго. Судя по тому, что редактором книги был сам Грушевскій, она шла в руслѣ проводимой им политики созданія украинской науки.

Большая забота проявлена в создании и закрѣпленіи національной терминологіи. Земли соборной Украины дотолѣ именовались то Русью, то Малороссіей, то Украиной. Были еще Новороссія, Буковина, Карпатская Русь, Холмщина. Все это надлежало унифицировать и подвести под одно имя. Раньше из этого не дѣлали большой политики и всѣ перечисленные термины были в ходу. Но примѣрно с 1900 года, термины «Русь» и «Малороссія» подверглись явному гоненію; их еще трудно было вытравить окончательно, но всѣ усилія направляются на то, чтобы замѣнить их «Украиной». Выпустив первый том «Исторіи Украины-Руси», Грушевскій вынужден был сохранять это названіе, и для послѣдующих томов, но во всѣх новых работах имя Руси опускалось и фигурировала одна «Украина».

Измѣнили календарную терминологію. Римскія названія мѣсяцев «январь», «февраль» и т. д., которыя сейчас употребляет весь культурный мір, пришли в Кіев вмѣстѣ с христіанством. Впродолженіи 900 лѣт их употребляла кievская, литовско-русская, московская и петербургская письменность. Они вошли в быт всего православнаго востока Европы. Самостійникам понадобилось замѣнить их доморощенными «грудень» «серпень», «жовтень», отдалив себя, на этот раз, не только от Россіи, но и от Европы.

То, что в 80-х годах сдѣлано Огоновским в области литературовѣдѣнія, то позднѣе, в началѣ XX вѣка, выполненными «грудень» «серпень», «жовтень», отдѣлив современному самостійничеству схему исторіи Украины.

Излагать ее здѣсь скольконибудь подробно мы не можем; она достаточно широко извѣстна. Скажем только, что если ее охватить общим взглядом, то получим, приблизительно, схему «Исторіи Русов», развернутую в видѣ большого историческаго полотна, приобрѣтшую вид современнаго научнаго труда, отмѣченную знаком эрудиціи, смѣлаго привлеченія первоисточников, но преслѣдующаго все ту же цѣль — под легенды подвести научный фундамент

У Грушевскаго не было, подобно Костомарову, заблуждений относительно «Лѣтописи Конисскаго». Поддѣльный и злонамѣренный ея характер выяснен был к тому времени в полной мѣрѣ, но у него мы видим ту же изначальную

обособленность Малороссіи от прочих русских земель — не только территориальную, но этнографическую. Уже среди племен упомянутых Геродотом в VI вѣкѣ до нашей эры, он готов отличать волянн от черниговцев. Никто до сих пор не рѣшался говорить об украинцах, бѣлоруссах и великоруссах в эпоху так называемаго расселенія славян, всѣ считали эти дѣленія позднѣйшими, возникшими через тысячу лѣт послѣ «расселенія», но Грушевскій всѣх славян живших по Днѣстру, по Днѣпру и дальше на восток до Азовскаго моря, прозванных Антами, — именует «украинцами». Надо сказать, что такая смѣлость появилась у него не сразу. Еще в 1906 году он признавался: «Конечно, в IX-X вѣках не существовало украинской народности в ея вполнѣ сформировавшемся видѣ, как не существовало и в XII-XIV вв. великоросской или украинской народности в том видѣ, как мы ее теперь себѣ представляем»¹⁹⁵. Но уже в 1913 г. в «Иллюстрированной Исторіи Украины» он широко пользуется терминами «Украина» и «украинскій» для самых отдаленных эпох. Кіевское Государство X-XIII вв. для него, конечно, государство украинское. В полном согласіи со схемой «Исторіи Русов» и ученіем Духинскаго, он рѣзко отдѣляет и кіевскія земли, и сидящій на них «украинскій» народ от сѣверной и сѣверо-восточной Руси. Хотя власть кіевских князей распространялась на теперешнія бѣлорусскія и великорусскія земли, говорившія и писавшія одним языком, исповѣдывавшія одну общую с кіевлянами религію, а слѣдовательно подверженныя и общему культурному вліянію, он не относит их к кіевскому государству, а рассматривает, скорѣй, как колоніи этого государства. Он рѣшительно ополчается против разсказа Начальной Лѣтописи о призваніи князей и о перенесеніи княжеской резиденціи из Новгорода в Кіев. Все это объявляется выдумкой. И Аскольд, и Дир, и Олег были природными кіевскими князьями, а легенда о зарожденіи государственности на новгородском сѣверѣ — позднѣйшая вставка в лѣтопись.

Непрестанно подчеркивается болѣе низкая в сравненіи с Кіевом культура сѣверных и сѣверо-восточных земель, но объясняется это не провинціальным их положеніем в отно-

шеніи Кіева, а какими-то гораздо большими отличіями. Из всей суммы высказываній видно, что эти отличія — расовыя. В полном согласіи с точкой зрѣнія Духинскаго, будущія великорусскія области считались заселенными не славянами, а только славянизированными инородцами, главным образом, финно-угорскими племенами — низшими в расовом отношеніи. Ни циклопических сдвигов в судьбах народов под вліяніем нашествій, вродѣ гуннскаго или татарскаго, ни перемѣны имен, ни смѣшенія кровей и культур, ни переселеній естественных и насильственных, ни культурной эволюціи, ни новых этнических образованій не существует для него. Украинская нація прошла через всѣ бури и потопы не замочив ног, сохранив свою расовую дѣятельность, чуть не от каменнаго вѣка. Как извѣстно, татарское нашествіе было особенно опустошительным для русскаго юга. Плато Карпини, лѣтъ через пять проѣзжавшій по территоріи теперешней Украины, живой души там не видѣлъ, однѣ кости. Грушевскій посвятил обширный том, около 600 страниц, в доказательство неправильности версіи о запусѣніи Украины при Батыѣ. Историческая наука не высоко цѣнит это изслѣдованіе, но в данном случаѣ интересуется не его правота или неправота, а породившая его тенденція, продиктованная сепаратистскими схемами и теоріями. Грушевскій не может считаться их творцом, онѣ создались до него в казачьей Украинѣ и в пораздѣльной Польшѣ.

Потратив столько усилій, чтобы объявить Кіевское Государство украинским, Грушевскій оставляет его ничѣм почти не связанным с послѣдующей исторіей Украины. В этом смыслѣ он уступает даже «Исторіи Русов». Там, хоть, литовско-русская знать и уряд выводятся из кіевских времен, даже гетманы казацкіе и старшина связываются генеалогически с древней аристократіей. У Грушевскаго нѣтъ и этого. Он не пріемлет версіи шляхетскаго происхожденія казачества, оно у него — мужицкая сила; он взял в этом вопросѣ сторону Костомарова и Драгоманова.

Дойдя до казачьей «добы» (эпохи), забывает и про Кіев, и про князей, и про древнюю культуру. Все это остается ненужным привѣском к той исторіи, что наиболѣе

мила его сердцу; взор его приковывается теперь к Запорожью — подлинной духовной и культурной родинѣ «самостійной Украины».

Подобно О. Огоновскому, он ненавидит язык кіевской эпохи, дошедшій до нас в памятниках письменности и в церковно-славянской грамотности, но подобно Огоновскому же, записывает их в депозит Украины, единственно ради помпезности и пышной генеалогіи. Он поддѣлал культурную и государственную родословную казачества на тот же манер, на который в ХУІІІ вѣкѣ казаки поддѣлывали свои фамильные гербы.

О том, как излагается у Грушевскаго исторія Малороссіи в казачьи времена, тоже говорить много не приходится. Это — задолго до него сложившаяся точка зрѣнія: переяславское присоединеніе к Москвѣ не подданство, а «протекторат», Хмельницкій и старшина обмануты москалями, царскіе воеводы и чиновники всячески помыкали украинцами и угнетали их как только могли, а глупый украинскій народ, не в силах будучи разобраться, кто его угнетает, винил во всем своих неповинных гетманов и старшину. И непосильные поборы, и введеніе крѣпостного права — все дѣло рук москалей.

Единственно новое, что внес Грушевскій в казачью «исторіографію» — это дух самостійнической программы ХХ вѣка, в свѣтѣ которой он интерпретирует переяславское присоединеніе. «Московское правительство не хотѣло предоставить полнаго самоуправленія украинскому населенію, не хотѣло позволить, чтобы воеводы и прочія должностныя лица избирались самим населеніем, чтобы всѣ доходы с Украины собирались ея выборными чиновниками, поступали в мѣстную казну и выдавались на мѣстныя нужды»¹⁹⁶.

Нам извѣстно, что просьба Хмельницкаго об избраніи самими малороссами сборщиков податей была удовлетворена правительством; извѣстно, что ни копейки из малороссійских сборов не шло в Москву, но если и на «мѣстныя нужды» тоже ничего не шло, то причиной тому казацкое хищничество. Что же касается «непозволенія» выбирать воевод и прочих должностных лиц, то этот упрек осо-

бенно странен. Мы не знаем таких «должностных лиц» на Украинѣ, которыя не выбирались бы самим населением. Воеводы же, особенно в той роли простых начальников гарнизонов, которая за ними сохранилась на практикѣ, были представителями царя и никѣм другим не могли избираться. Их невмѣшательство в украинскія дѣла никакого ущерба мѣстному сословному самоуправленію не наносило. Да и не было ни одной просьбы ни в 1654 году, ни позднѣе, об избраніи воевод мѣстным населеніем, так же как ни в одной челобитной не видим просьбы о «полном самоуправленіи».

Курьезнѣе всего, что сам Грушевскій, попенявши, вдоволь на москалей, заявляет вдруг: «Правда, у самого Украинскаго общества мысли о послѣдовательном проведеніи принципа автономіи только лишь нарастали и опредѣлялись, и рѣзко ставить их оно не рѣшалось»¹⁹⁷. На самом дѣлѣ, эти мысли не «нарастали» и не «опредѣлялись», а их просто не было. Появились онѣ через 250 лѣтъ в головѣ предсѣдателя Науковаго Товариства им. Шевченко.

Грушевскій, как историк, отвѣтствен не только за свои собственныя писанія, но и за высказыванія своих приспѣшников и единомышленников, в частности, за появленіе легенды о «перяславской конституціи». В брошюрѣ Н. Михновскаго «Самостійна Украина» о ней не только сообщается как о фактѣ, но приводятся статьи «перяславскаго контракта». Оказывается: «1. Власть законодательная и административная принадлежит гетманскому правительству без участія и вмѣшательства царскаго правительства. 2. Украинская держава имѣет свое отдѣльное независимое войско. 4. Лица неукраинской національности не могут занимать должностей в украинском государствѣ. Исключеніе представляют контролеры, слѣдящіе за правильностью сборов дани в опись царя московскаго. 6. Украинская держава имѣет право выбирать главу государства по собственному усмотрѣнію и только ставить царское правительство в извѣстность об этом избраніи. 13. Нерушимость стародавних прав свѣтских и духовных лиц и невмѣшательство царскаго правительства во внутреннюю жизнь украинской республики. 14. Право гетманскаго пра-

вительства свободных международных сношеній с иностранными державами»¹⁹⁸.

Трудно допустить, чтобы эта фантастика была сочинена внѣ какого бы то ни было вліянія автора «Исторіи Украины-Руси», бывшего в то время первым авторитетом в области исторіи. Но если он дѣйствительно тут не при чем, то как мог человек в званіи профессора равнодушно пройти мимо столь грубой фальсификаціи? Ученая совесть Костомарова всегда толкала его на протестующія выступления, в подобных случаях. Эрудиція же и талант Грушевского поставлены были на службу не наукѣ, а политикѣ. Он и созданная им «школа» отличались от прежних историков-украинофилов тѣм, что фальсифицировали исторію не в силу заблужденій, а вполне сознательно, всѣчески усугубляя «вредное», по выраженію Костомарова, вліяніе «Исторіи Русов», пользуясь ея анекдотами, цитируя ея фальшивые документы и описывая в ея духѣ цѣлыя эпохи.

Каждый пастух, по словам Ницше, должен имѣть в стадѣ еще и передового барана, чтобы самому, при случаѣ, не сдѣлаться бараном. В движеніи возглавлявшемся Грушевским, таким «передовым» был Н. Михновскій. Он громко высказывал то, о чем сам Грушевскій предпочитал молчать, но что полезно было высказать. То был экстремист «формального націонализма». Когда вбиваніе клинѣев в культурное и общественное единство русско-малороссійскаго народа приняло характер настоящей мани, Н. Михновскій оказался самым неистовым украинофилом, доходившим в своей страсти до диких проявленій. Созданная им в 1897 г. «Студентська Громада» в Харьковѣ имѣла главной задачей борьбу с увлеченіями студентов русской культурой. Он питал лютую ненависть к украинцам, вродѣ Короленко, глухим и равнодушным к самостійническому движенію и столь же безучастным к «украинской культурѣ». Весьма возможно, что это его приспѣшники занимались в Киевѣ нападеніями на «общероссов» и избіеніями

их в переулках и темных углах. Старые киевляне до сих пор это помнят.

Любопытнее всего, что этот нашист девятисотых годов стал отцом украинской социал-демократии. Та «Українська Революційна Партія» (РУП), что образовалась в начале 1900 года и на III съезде в 1905 году сменила свое название на «Українську Соціал-Демократичну Робітничю Партію», — вдохновлена была Михновским. Его брошюра «Самостійна Україна» явилась своего рода манифестом партии. Появилась она с эпиграфом: «Україна для українцев».

Сам Михновский, впрочем, членом этой партии не состоял, ограничившись ролью идейного руководителя. В его лице мы имеем редкий образец социал-демократа не только чуждаго, но прямо враждебнаго известному лозунгу: «Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!». Он противопоставил ему другой: «Пролетаріат господствующей и поращенной наций — два класса с противоположными интересами». Украинскому пролетариату он ставит две задачи — бороться с капиталом и одновременно с русским рабочим классом, который в поисках «липшого життя» лезет на Украину и здесь отбивает работу у местного рабочего.

Как известно, большая часть Украинской Революционной Партии (РУП) выдѣлилась в так называемую «Спильку» руководимую О. Скоропис-Юлтуховским, и в 1905 г. слилась с РСДРП, полагая, что нет необходимости проявлять особенную заботу об украинском характере партии в стране, где подавляющая масса пролетариата состоит из украинцев: она никакой другой, кроме украинской, и быть не может; главное внимание надлежит сосредоточить не на этом, а на политическом и социальном развитии масс, к чему стремится вся российская социал-демократия. Но другая часть, переименовавшая себя в «Українську Соціал-Демократическую Робітничю Партію» (УСДРП) осталась на позициях Н. Михновскаго. Она исходила из его тезиса, согласно которому никакая борьба труда с капиталом и освобождение рабочего класса невозможны, пока не будет достигнуто революционным порядком, посредством вооруженной борьбы, государственное отделение Украины от

России. Существует любопытное признание одного из членов УСДРП, В. Садовского, написавшего в эмиграции свои воспоминания об этой партии. Он называет не мало людей, таких как В. Степаньковский, М. Троцкий, М. Порш, Д. Дорошенко, Д. Донцов, которые, будучи, в свое время, членами и РУП и УСДРП, оказались потом стоящими весьма далеко и от социализма, и от рабочего движения. Никакими социалистами, по мнению Садовского, они никогда не были, да не далеко ушли от них, в изображении автора, и все остальные члены УСДРП. Он откровенно заявляет, что «в тогдашнем нашем подчинении лозунгам марксистской ортодоксии заключался, в значительной мере, момент исповедования политической конъюнктуры!»¹⁰⁹.

Это чрезвычайно ценно. РУП и УСДРП возникли, как политической маскарад. Только в свете таких признаний можно ясно себя представить, каким малозаметным и непопулярным растением был украинский сепаратизм, если ему для уловления душ приходилось рядиться в социал-демократическую тогу. Массы украинского народа шли в русле общероссийского политического движения, и все искусство Михновского сводилось к тому, чтобы поддѣлаться под этот «шаг миллионов» и незаметно отвести народ от всероссийских страстей и устремлений на путь сепаратизма. Только для этой единственной цели он и пошел в социал-демократию. Увлекаться социализмом всерьез членам РУПа не полагалось. Если для Драгоманова социальные и политические свободы, поднятие экономического и культурного уровня жизни масс превышали, по значению, национальные соображения, если борьбу за них он мыслил, одновременно, как путь разрешения национальной проблемы, то у Михновского все перевернуто наизуоборот: путь к политическим преобразованиям и экономическим реформам лежит через достижение национальной «независимости». Вот почему, когда члены РУП ввали в драгомановский «уклон», начали всерьез заниматься социализмом и даже потянулись на слияние с Российской СДРП, Михновский порвал с ними и организовал новую «Украинську Народну Партію» (УНП), которая выпустила в 1905 г. несколько сугубо самостоятельных документов, вроде 10 заповѣдей

и проекта украинской конституции. Несмотря на то, что проект предусматривал широкие социальные реформы, списанные с программ русских эс-эров и социал-демократов, вплоть до социализации земли, его движущие мотивы ничего общего с социализмом не имели. По словам украинского социал-демократа Бориса Мартоса, Михновский занят был одновременно мыслью «творить украинскую буржуазию» и распространять национальную идею среди богатых малороссов²⁰⁰. У богатых успех его был такой же, как у бедных. Группа Михновского и порожденных им «социал-демократов» продолжала оставаться столь ничтожным и малозаметным явлением, что ни имя вождя, ни имена организованных им партий не известны подавляющему большинству самостоятельных. Их знают только историки, да небольшая кучка оставшихся в живых членов этих организаций. Уделили мы им внимание с единственной целью обрисовать метод самостоятельности — диссимуляцию и «использование политической конъюнктуры». После европейского опыта последних трех десятилетий, мы знаем, что это метод реакции и тоталитаризма, но в первой четверти XX столетия русские революционеры и социалисты охотно видели в членах РУП и УСДРП «своих» людей. А ведь из РУП-а вышли едва ли не все столпы эфемерной украинской государственности 1917-1919 г. г. — Симон Петлюра, Андрей Левицкий, председатель Директории Винниченко, министр иностранных дел при гетмане Дм. Дорошенко и многие другие. Ослепленные их «демократизмом» и социалистической фразеологией, многие и сейчас склонны отрицать какую бы то ни было генетическую связь их с реакционным галицким народоством.

Возникновение РУП и вся деятельность Михновского без инспирации, по крайней мере без одобрения львовского ареопага — немыслимы. На тесные связи РУП с народцами указывает не только печатание в Галиции его брошюр и статей, не только львовский «трумтадратский» стиль поведения и высказываний, но также то обстоятельство, что в войне 1914-1918 г. г. украинские социал-демократы выступили на стороне Австро-Венгрии, основав там «Союз Вызволения Украины». В 1917 г. они переиздали в

Вѣнѣ главное произведение своего вождя, «Самостійну Украину», подчеркнув в предисловіи преемственную связь между своим «Союзом» и прежней РУП. Они писали: «Нужны ли кому болѣе ясныя доказательства того, что самостійная Украина есть наш старый лозунг, чѣм тот факт, что всѣ четыре члена президіума «Союза Вызволненія Украины» были дѣятельными членами «Революціонной Украинской Партіи» (РУП), первая брошюра которой носит названіе «Самостійна Украина».

Невозможно не сказать здѣсь, хоть в двух словах, еще об одном проявленіи «формального націонализма». Относится оно к области педагогики и связано с именем народнаго учителя Бориса Гринченко. В 1912 году, послѣ его смерти, Х. Д. Алчевская, извѣстная школьная дѣятельница Харьковской губерніи, разсказала на страницах «Украинской Жизни» о любопытном случаѣ из его практики. Он работал когда то сельским учителем в имѣніи Алчевской. Возвратясь, однажды, из за границы, Алчевская не увидѣла в школѣ ни одной дѣвочки, тогда как раньше их было много. Оказалось, что Гринченко, попросту, разогнал их и не принимал новых. Доискиваясь причины, Алчевская установила сугубо «національный» ея характер: «не слѣдует калѣчить украинскую женщину обученіем на чуждом ей великорусском языкѣ».

На бѣднаго учителя произвело впечатлѣніе распространявшееся в тѣ дни ученіе о женщинѣ, как хранительницѣ національнаго типа. Вычитал он это, конечно из галиційской литературы, которую пріобрѣтал всѣми способами. Был и сам сотрудником львовской «Правды». Он внимательно слѣдил за появленіем новых неологизмов, вводя их сразу же в лексикон своих учеников.

Школу свою он разсматривал, как разсадник будущих педагогов-самостійников. Наболѣе способных ея питомцев, всячески продвигал в учительскую семинарію.

Ему принадлежит изобрѣтеніе конспиративной системы преподаванія сразу на двух языках. Официально оно ве-

лось по-русски, а тайно — по-украински. Введено было правило, по которому ученики обязаны отвѣчать на том языкѣ, на котором их спрашивали. Благодаря этому, инструкторскіе посѣщенія класса не были страшны. Из учебников Гринченко вырѣзал неудобныя ему страницы и вклеивал вмѣсто них текст собственнаго сочиненія, писанный печатными буквами. Такую же работу продѣлывал над хрестоматіями. Заводил при каждой школѣ отдѣльную малорусскую бібліотеку. Найдя секрет успѣха в дѣлѣ культурнаго раскола русскаго племени, он стяжал лавры Михновскаго в самостійнической педагогикѣ²⁰¹.

Украинизація языка, науки, быта, всѣх сторон жизни, неизбѣжно должна была привести к мысли и об украинизаціи Церкви. Это и было сдѣлано, хотя с большим запозданіем, как едва ли не послѣдній по времени акт національнаго творчества сепаратистов. Причина тому, надо думать, — в большой внутренней трудности реформы.

Церковь и без того была «украинской» от рожденія. Она возникла в Кіевѣ, учреждена кіевскими князьями, служила 900 лѣтъ на языкѣ введенном тѣми же князьями и всѣм кіевским обществом X-го столѣтія. То был живой осколок Кіевскаго Государства. Объявив это государство «украинским», самостійники автоматически переносили новое имя на православную Церковь. Теперь приходилось украинизировать украинское.

Кромѣ того, Грушевскому, как историку, лучше всѣх было извѣстно, какую самоотверженную борьбу с католичеством выдержал южно-руссій народ, защищая церковно-славянскій язык. Достаточно почитать Іоанна Вишенскаго, чтобы видѣть, какой поход учинен был против него и какой мощный отпор дан малороссійским народом в XVI-XVII в. в. Язык этот был буквально выстрадан и овящен кровью народа. Очевидно, по этой причинѣ, а также в цѣлях единенія всѣх славян, Кирилло-Мефодіевское Братство удѣлило в своем уставѣ особое вниманіе церковно-славянскому языку. Провозглашая свободу всякаго вѣ-

роученія, оно требовало «единого славянскаго языка в публичных богослуженіях всѣх существующихъ церквей». Но вот Грушевскій, провозгласивъ «долой славянщину», воздвиг на него гоненіе. Объяснил он свою ненависть, подобно Огоновскому, «демократическими» соображеніями: язык-де мертвый, непонятный народу и полный архаизмов. Но истинная причина заключалась, конечно, не в этом. Церковно-славянскій языкъ служилъ основой общерусскаго литературнаго языка и общерусской литературной традиціи, и пока украинскій народъ чтитъ его, он не отстѣпает и от общерусской литературной рѣчи. Идея самостійнической Церкви, гдѣ бы богослуженіе производилось на «мовѣ», предопредѣлена львовской политикой Грушевскаго. Но она, какъ всѣ начинанія сепаратистов, отмѣчена знакомъ ничтожнаго количества послѣдователей.

Лѣтомъ 1918 г. созванъ былъ Всеукраинскій Церковный Соборъ, на которомъ о. Вас. Липковскій поднялъ вопросъ о богослужебномъ языкѣ. Поставленный на голосованіе вопросъ этотъ рѣшенъ былъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ в пользу церковно-славянскаго. Тогда попы-самостійники, безъ всякаго согласія своихъ прихожанъ, учинили Всеукраинську Церковну Раду и объявили прежнее православіе «панскимъ», солидаризировавшись съ точкой зрѣнія униатскаго катехита Омеляна Огоновскаго на языкъ своей Церкви, какъ «реакціонный». «Пора намъ, народу украинскій, и свою рідну мову принести в даръ Богови и цимъ найкраще имъ и себѣ самихъ освятити и пиднести и свою рідну Церкву збудувати». Самостійники, видимо, не замѣчали, какой ударъ наносили своему движенію, объявляя 900-лѣтнее церковное прошлое Малороссіи не своимъ, не «ріднымъ».

Никакихъ чисто конфессіональныхъ реформъ Церковна Рада не произвела, если не считать включенія в число церковныхъ праздниковъ «шевченковскихъ дней» 25 и 26 февраля по старому стилю, — причислявшаго поэта-атеиста, какъ бы, къ лику святыхъ угодниковъ. Затѣмъ послѣдовала украинизація святцевъ. Передъ нами «Молитовникъ для вжитку украинской православной людности», выпущенный вторымъ изданіемъ в Маннгеймѣ в 1945 г. Тамъ, греко-римскія и библейскія имена святыхъ, ставшія за тысячу лѣтъ своими на

Руси, замѣнены обыденными простонародными кличками — Тимошь, Василь, Гнат, Горпина, Наталка, Полинарка. В послѣднем имени лишь с трудом можно опознать св. Аполлинарію. Женскія имена в «молитовникѣ» звучат особенно жутко для православнаго уха, тѣм болѣе, когда перед ними значится «мученица» или «преподобная»: «Святая мученица Параська, Тодоська, Явдоха». Не успѣвает православный человек подавить содроганіе вызванное такой украинизаціей, как его сражают «святыми Яриной и Гапкой». Потом идут «мученицы Палажка и Юлька» и так до... «преподобной Хиври».

Не подлежит сомнѣнію, что в нормальных условиях, при свободной, ничѣм не стѣсняемой волѣ народа, всѣ самостоятельные ухищренія и выдумки остались бы цирковыми трюками. Ни среди интеллигенціи, ни среди простонародья не было почвы для их воплощенія. Это превосходно знали сепаратисты. Один из них, Сриблянскій писал в 1911 году: «Украинское движеніе не может основываться на соотношеніи общественных сил, а лишь на своем моральном правѣ: если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, — **большинство против него**»²⁰².

Формальный украинскій націонализм побѣдил при поддержкѣ внѣшних сил и обстоятельств, лежавших за предѣлами самостоятельнаго движенія и за предѣлами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революція — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въѣхать в исторію. Всѣ самыя смѣлыя желанія сблылись, как в сказкѣ: національно-государственная территория, національное правительство, національные школы, университеты, академіи, своя печать, а тот литературный язык, против котораго было столько возраженій на Украинѣ, сдѣлан не только книжным и школьным, но государственным.

Вторая мировая война завершила зданіе соборной Украины. Галиція, Буковина, Карпатская Русь, неприсое-

диненныя дотолѣ, оказались включенными в ея состав. При Хрущевѣ ей отдан Крым. Если при Брежневѣ отдадут Кавказ, то географическій сон Рудницкаго сбудется наяву.

Все сдѣлано путем сплошнаго насилія и интриг. Жителей огромныхъ территорій даже не спрашивали об ихъ желаніи или нежеланіи пребывать в соборной Украинѣ. Участь карпатороссов, напримѣр, просто трагична. Этотъ народ, вѣками томившійся под мадыарскимъ игомъ, выдержавшій героическую борьбу за сохраненіе своей русскости и ни о чем, кромѣ воссоединенія с Россіей и возвращенія в лоно русской культуры не мечтавшій, лишен, даже, прав національнаго меньшинства в украинской республикѣ — онъ объявленъ народомъ украинскимъ. Русская и мировая демократія, поднимающая шумъ в случаѣ малѣйшаго ущемленія какого нибудь людоѣдскаго племени в Африкѣ, обошла полнымъ молчаніемъ фактъ насильственной украинизаціи карпатороссовъ.

Впрочемъ, не при такомъ же ли молчанія прошла лѣтъ срокъ пять тому назадъ принудительная украинизація малороссійскаго народа? Этотъ фактъ затертъ и замолчанъ в публицистикѣ и в исторіи. Ни простой народъ, ни интеллигенція не были спрошены, на какомъ языкѣ они желаютъ учиться и писать. Онъ былъ предписанъ верховной властью.

Интеллигенція, привыкшая говорить, писать и думать по-русски и вынужденная в короткій срокъ переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый языкъ, — испытала немало мученій. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить «державну мову».

Оправдались ли ожиданія марксистскихъ теоретиковъ насчетъ бурнаго культурнаго роста малороссійскаго населенія, покажутъ будущія спеціальныя изслѣдованія. Пока что, никакого переворота в этой области не наблюдаемъ. Образованность послѣ введенія «ридной мовы» повысилась ничуть не больше, чѣмъ была при господствѣ общерусскаго языка. Но самостійническіе главари об этомъ меньше всего заботились. Предметомъ ихъ вождельній была національная форма и какъ только большевики имъ предоставили ея, они сочли себя вполне удовлетворенными. Гру-

шевский, Винниченко и другие столпы самостийничества прекратили борьбу с советской властью и вернулись в СССР. Формальнейший из формальных украинцев — Н. Михновский, скрывавшийся до 1923 г. где-то на Кавказе, вернулся на Украину, как только услышал, что там начинается «украинизация по настоящему». Но тут и открылась, видимо, цѣна формализма; Михновский вскорѣ повѣсился.

Большевики могли не производить ни украинизаций, ни бѣлоруссизаций. Предоставление формы національного самоуправления грузинам, армянам, узбекам и др. имѣло смысл по причинѣ подлинно національного обличья этих народов. Там национальная политика могла пробудить симпатии к большевизму. Но на Украинѣ, гдѣ национализм высасывался из пальца, гдѣ он составлял всегда мажорантное явление — австромарксистская реформа явилась сущим подарком маньякам и фанатикам. Апелляция к русской Украинѣ дала бы больше выгод.

Впрочем украинская политика большевиков до падения Германской Империи опредѣлялась не одной только австромарксистской программой, но и указаниями из Берлина. В Берлинѣ же, кромѣ большевицких заслуг, цѣнили, также, заслуги самостийников. Теперь, когда факт субсидирования большевиков нѣмцами в 1917 г. не подлежит сомнѣнію, умѣстно напомнить и об украинских сепаратистах.

Во время войны, они сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина — германскаго генеральнаго штаба.

Когда началось это сотрудничество, точно не знаем, но весьма возможно, что уже в 1913 году они дѣлали одно дѣло. В Австріи, в это время, дѣйствовал «Союз Вызвoленія Украины», представленный Д. Донцовым, В. Дорошенко, А. Жуком, Мельневским, А. Соропис-Юлтуховским. И для этого же времени отмѣчен факт получения Лениным денег от австрийцев.

По словам П. Н. Милюкова, в 1913 г. «Ленин в Краковѣ получил на издание своих сочиненій австрийскія деньги». Узнал об этом Милюков «от одного представителя отдѣлившихся национальностей, получившаго там же и в то же время предложеніе австрийских субсидій»²⁰⁸.

Быть может уже тогда самостійники объединены были совмѣстной работой с Лениным. По крайней мѣрѣ, в листовкѣ «Союза Вызволєнія Украинны», выпущенной в 1914 г., в Константинополѣ, Парвус и Ленин превозносятся как «найкращи марксистськи головы»²⁰⁴. Повидимому, уже тогда Парвус был общим хозяином для тѣх и других, а в ходѣ войны он оокнчательно связал их через свое копенгагенское вѣдомство.

Австрійское правительство, кажется, охладѣло к своим агентам и они очутились в сферѣ германской диверсионной акціи. Архивы до сих пор хранят тайну подробностей этого сотрудничества, но уже в 1917 г. из разсказа прапорщика Ермоленко, заброшеннаго нѣмцами в русскій тыл, и секретаря швейцарскаго украинскаго бюро Степаньковскаго, арестованнаго контрразвѣдкой Временнаго Правительства при переходѣ границы, выяснен факт одновременнаго сотрудничества большевиков и украинскаго Союза Вызволєнія с Парвусом и его копенгагенским и стокгольмским центрами. Степаньковскій указал Меленевскаго и Скоропись-Юлтуховскаго, находившихся в тѣсной связи с Ганецким — большевицким агентом, осуществлявшим посредничество между Лениным и Парвусом²⁰⁵. Можно ли было с приходом к власти забыть таких союзников?

Русское «общество» никогда не осуждало, а власть не карала самостійников за сотрудничество с внѣшними врагами. Грушевскій, уѣхавшій во Львов и впродолженіи двадцати лѣт ковавшій там заговор против Россіи, ведшій открытую пропаганду ея разрушенія, — спокойно пріѣзжал, когда ему надо было, и в Киев, и в Петербург, печатал там свои книги и пользовался необыкновенным фавором во всѣх общественных кругах. В тѣ самые годы, когда он на весь мір поносил Россію за зажим «украинскаго слова», статьи его, писанныя по-украински, печатались в святая святых русской славистики — во втором отдѣленіи Императорской Академіи Наук, да еще не как нибудь, а в фонетической транскрипціи²⁰⁶.

Когда он, наконец, в 1914 году, попал на австрийской территории в руки русских военных властей и, как явный изменник, должен был быть сослан в Сибирь, — в Москву и в Петербургъ начались усиленные хлопоты по облегчению его участи. Устроили так, что Сибирь замѣнена была Нижним-Новгородом, а потом нашли и это слишком «жестоким» — добились ссылки его в Москву.

Оказывать украинофильству поддержку и покровительство считалось прямым общественным долгом с давних пор.

И это несмотря на вопиющее невѣжество русской интеллигенции в украинском вопросе. Образцом может считаться Н. Г. Чернышевский. Ничего не знавший о Малороссии, кроме того, что можно вычитать у Шевченко, а о Галиции ровно ничего не знавший, он выносит безапелляционные и очень рѣзкія сужденія по поводу галицѣйских дѣл. Статьи его «Национальная безтактность» и «Народная безтолковость», появившіяся в «Современникѣ» за 1861 г.²⁰⁷, обнаруживают полное его незнакомство с мѣстной обстановкой. Упрекая галичан за подмѣну социального вопроса национальным, он, видимо и в мыслях не держал, что оба эти вопроса в Галиции слиты воедино, что никаких других крестьян там, кроме русинов, нѣтъ, так же как никаких других помѣщиков, кроме польских, за единичными исключениями, тоже нѣтъ.

Призыв его, бороться не с поляками, а с австрийским правительством, сдѣланный в то время, когда австрийцы отдали край во власть гр. Голуховскаго, яростнаго полонизатора — смѣшон и выдает явственно голос польских друзей — его информаторов в галицѣйских дѣлах. Этими информаторами, надо думать, инспирированы указанная выше статья Николая Гавриловича. Нападая на газету «Слово», он даже не разобрался в ея направленіи, считая его проавстрийским, тогда как газета была органом «москвофилов». Зато тѣ, что подбивали его на выступленіе, отлично знали на кого натравливали.

Получив в 1861 г. первые номера львовскаго «Слова», он пришел в ярость при видѣ языка, которым оно напечатано. «Развѣ это малорусскій язык? Это язык, которым

говорят в Москвѣ и Нижнем-Новгородѣ, а не в Кіевѣ или Львовѣ». По его мнѣнію, днѣпровскіе малороссы уже выработали себѣ литературный язык и галичанам незачѣм от них отдѣляться. Стремленіе большинства галиційской интеллигенціи овладѣть, как раз, тѣм языком, «которым говорят в Москвѣ и Нижнем-Новгородѣ» было сущей «реакціей» в глазах автора «Что дѣлать». Русская революція, таким образом, больше ста лѣтъ тому назад, взяла сторону народовцев и больше чѣм за полсотни лѣтъ до учрежденія украинскаго государства рѣшила, каким языком оно должно писать и говорить. Либералы, такіе как Мордовцев в СПБургских Вѣдомостях, Пыпин в Вѣстникѣ Европы, защищали этот язык, и все самостійничество, больше, чѣм сами сепаратисты. «Вѣстник Европы», выглядѣлъ украинофильским журналом.

Господствующим тоном, как в этом, так и в других подобных ему изданіях, были иронія и возмущеніе по поводу мнимой опасности для цѣлости государства, которую выдумывают враги украинофильства. Упорно внѣдрялась мысль о необоснованности таких страхов. По мнѣнію Пыпина, если бы украинофильство заключало какую нибудь угрозу отечеству, то неизбѣжно были бы тому фактическія доказательства, а так как таковых не существует то всѣ выпадъ против него — плод не в мѣру усердствующих защитников правительственнаго режима. Украинофильство представлялось не только совершенно невинным, но и почтенным явленіем, помышлявшим единственно о культурном и экономическом развитіи южно-русскаго народа. Если же допускали какое-то разрушительное начало, то полагали его опасным исключительно для самодержавія, а не для Россіи.

Когда открылась Государственная Дума, все ея лѣвое крыло сдѣлалось горячим заступником и предстателем за самостійническіе интересы. Посредством связей с думскими депутатами и фракціями, украинскіе націоналисты имѣли возможность выносить с пропагандными цѣлями обсужденіе своих вопросов на думскую трибуну. Члены петербургскаго «Товариства Украинских Прогрессистов» проложили дорогу к Милюкову, к Керенскому, к Кокошкину.

Александр Шульгин в своей книге "L'Ukraine contre Moscou" пишет, что только февральский переворот помешал внесению запроса в Думу относительно высылки из Галиции в Сибирь прелата униатской Церкви графа Андрея Шептицкого — заклятого врага России. Генерал Брусилов, во время занятия русскими войсками Галиции, арестовал его за антирусские интриги, но выпустил, взяв обещание прекратить агитационную деятельность. Однако, стоило Шептицкому очутиться на свободе, как он снова с церковной кафедры начал проповеди против русских. После этого он был удален из Галиции. За этого-то человека думцы обещали заступиться в самый разгар ожесточенной войны. Заслуги левых думских кругов перед украинскими самостийниками таковы, что тот же А. Шульгин считает нужным выразить на страницах своей книги благодарность П. Н. Милюкову. «Мы ему всегда будем признательны за его выступления в Думе».

Говорить о личных связях между самостийниками и членами русских революционных и либеральных партий вряд ли нужно, по причине их широкой известности. В эмиграции до сих пор живут москвичи, тепло вспоминающие «Симона Васильевича» (Петлюру), издававшего в Москве, перед первой мировой войной, самостийническую газету. Главными ее читателями и почитателями были русские интеллигенты. Особыми симпатиями украинофилы пользовались у партии Народников-Социалистов. Когда, в мае 1917 г., украинская делегация в составе Стебницкого, Лотацкого, Волкова, Шульгина и других приехала в Петроград, она прежде всего вошла в контакт с Мякотиным и Пшехоновым — лидерами Народных Социалистов. Делегация предъявила своим друзьям, сделавшимся столпами февральского режима, политический вексель, подписанный ими до революции, потребовав немедленного предоставления автономии Украинѣ. Когда же те попросили потерпеть до Учредительного Собрания, самостийники поставили их на одну доску с реакционерами, напомнив слова Столыпина: «Сперва успокоение, потом реформы».

Академический мир, тоже относился к украинской пропагандѣ абсолютно терпимо. Он дѣлал вид, что не замѣ-

част ея. В обѣих столицах, под боком у академій и университетов, издавались книги, развивавшія фантастическія казачьи теоріи, не встрѣчая возраженій со стороны ученых мужей. Одного слова таких, на примѣр, гигантов, как М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевскій достаточно было, чтобы обратить в прах всѣ хитросплетенія Грушевскаго. Въмѣсто этого, Грушевскій спокойно печатал в Петербургѣ свои политическіе памфлеты под именем исторій Украины. Критика такого знатока казачьей Украины, как В. А. Мякотин, могла бы до гола обнажить фальсификацію, лежавшую в их основѣ, но Мякотин поднял голос только послѣ російской катастрофы, попав в эмиграцію. До тѣх пор, он был лучший друг самостійников.

Допустить, чтобы ученые не замѣчали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому за самостійниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, дѣлом «реакціоннымъ», за которое человек рисковал получить званіе «ученаго жандарма» или «генерала от исторіи». Такого званія удостоился, на примѣр, крупнѣйшій славист, профессор кievскаго университета, природный украинец Т. Д. Флоринскій. Повидимому, он и жизнью заплатил за свои анти-самостійническія высказыванія. В самом началѣ революціи он был убит, по одной версіи большевиками, по другой — самостійниками.

Но если были терроризованные и запуганные, то не было недостатка и в убѣжденных украинофилах. По словам Драгоманова, Скабичевскій хзалил Шевченко и всю новѣйшую украинофильскую литературу, не читавши ее²⁰⁸.

К столь же «убѣжденнымъ» принадлежал академик А. А. Шахматов. Александр Шульгин восторженно о нем отзывается, как о большом другѣ сепаратистов. Это он устроил самостійнической делегации, в 1917 году, встрѣчу с лидерами групп и партій близких к Временному Правительству. Он же, надо думать, играл главную роль в 1906 г. при составленіи академической «Записки» в пользу украинскаго языка.

Появилась в 1909 г. в Прагѣ работа знаменитаго слависта проф. Нидерле «Обозрѣніе современнаго славянст-

ва» и сразу же переведена на русский язык, а через два года вышла в Парижѣ по-французски. В ней удѣлено соотвѣтствующее вниманіе малороссам и великороссам, у которых, по словам Нидерле, «столь много общих черт в исторіи, традиціи, вѣрѣ, языкѣ и культурѣ, не говоря уже об общем происхожденіи, что с точки зрѣнія сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя это — только двѣ части одного великаго русскаго народа»²⁰⁹.

Приводим эту выдержку не столько ради нея самой, сколько по причинѣ отсутствія ея в русском изданіи. Ее можно найти во французском переводе Леже, но в русском, вышедшем под маркой Академія Наук, она выпущена вмѣстѣ с изрядной частью других разсужденій Нидерле.

Украинскій націонализм — порожденіе не одних ꙗмосійников, большевиков, поляков и нѣмцев, но в такой же степени, русских. Чего стоила полонофильская политика имп. Александра I, намѣревавагося вернуть Польшѣ малороссійскія и бѣлорусскія губерніи, взятыя Екатериной и Павлом при польских раздѣлах! Когда это не удалось вслѣдствіе недовольства правящих кругов, заявивших устами Карамзина: «Мы охладѣли бы душой к отечеству, видя оное игралищем самовластнаго произвола», царь отдал этот край в полное распоряженіе польскому помѣщичьему замлевладѣнію и старопанской полонизаторской политикѣ. Николай Павлович не имѣл склонности дарить русскія земли, но не очень в них и разбирался. Во время польскаго мятежа 1830-1831 г., он с легким сердцем отнес жителей западных губерній, т. е. малороссов и бѣлороссов, к «соотечественникам» возставших. В учебникѣ географіи Арсеньева, принятом в школах с 1820 по 1850 г., населеніе этих губерній именуется «поляками». Какія еще нужны доказательства полной безпризорности Малороссіи? Она, впродолженіи всего XIX столѣтія, отдана была на растлѣніе самостійничеству и только чудом сохранила свою общность с Россіей.

Едва ли не единственный случай подлинной тревоги и подлиннаго пониманія смысла украинскаго націонализма видим в статьях П. Б. Струве в «Русской Мысли»²¹⁰. Это первый призыв, исходящій из «прогрессивнаго» лагеря к

русскому общественному мѣнію «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек вступить в идейную борьбу с «украинством» как с тенденціей ослабить и даже упразднить великое приобрѣтеніе нашей исторіи — общерусскую культуру».

Струве усмотрѣл в нем величайшаго врага этой культуры — ему представляется вражеским, злонамѣренным самое перенесеніе разговоров об украинизмѣ в этнографическую плоскость как один из способов подмѣны понятія «русскій» понятіем «великорусскій». Такая подмѣна — плод политической тенденціи скрыть «огромный историческій факт: существованіе русской націи и русской культуры», «именно русской, а не великорусской». «Русскій», по его словам, «не есть какая-то отвлеченная «средняя» из всѣх трех терминов (с прибавками «велико», «мало», «бѣло»), а живая культурная сила, великая развивающаяся и растущая національная стихія, творимая нація (nation in the making, как говорят о себѣ американцы)».

Только послѣ большевицкаго эксперимента, сдѣланшаго так много для превращенія русской культуры в «великорусскую», можно в полной мѣрѣ оцѣнить такую постановку вопроса. Русская культура — «неразрывно связана с государством и его исторіей, но она есть факт в настоящее время даже болѣе важный и основной, чѣм самое государство».

Низведеніе ея до мѣстной, «великорусской», дает основаніе ставить рядом с нею, как равныя — малорусскую и бѣлорусскую. Но ни одна из этих «культур» — еще не культура. «Их еще нѣтъ, — заявляет Струве, — об этом можно жалѣть, этому можно радоваться, но во всяком случаѣ, это факт». Недаром евреи з чертѣ осѣдлости, жившіе, по большей части, среди бѣлоруссов и малоруссов, приобщались не к малорусской и бѣлорусской, а к русской культурѣ²¹¹. На всем пространствѣ Россійской Имперіи, за исключеніем Польши и Финляндіи, Струве не видит ни одной другой культуры, возвышающейся над всѣми мѣстными, всѣх объединяющей. «Гегемонія русской культуры в Россіи есть плод всего историческаго развитія нашей страны и факт совершенно естественный». Работа по ея раз-

рушению и постановка в один ряд с нею других, как равноцѣнных, представляется ему колоссальной растратой исторической энергии населенія, которая могла бы пойти на дальнѣйшій рост культуры вообще.

Сколь ни были статьи П. Б. Струве необычными для русскаго «прогрессивнаго» лагеря, онѣ не указали на самую «интимную» тайну украинскаго сепаратизма, отличающую его от всѣх других подобных явленій, — на его искусственность, выдуманность.

Гораздо лучше это было видно людям «со стороны», вроде чехов. Крамарж называл его «противоестественным»²¹², а Parlamentar, орган чешских націоналистов писал об «искусственном взращиваніи» украинскаго націонализма²¹³. До прихода к власти большевиков, он только драпировался в національную тогу, а на самом дѣлѣ был авантюрой, заговором кучки маниаков. Не имѣя за собой и одного процента населенія и интеллигенціи страны, он выдвигал программу отмежеванія от русской культуры, вразрѣз со всеобщим желаніем. Не будучи народен, шел не на гребнѣ волны массоваго движенія, а путем интриг и союза со всѣми антидемократическими силами, будь то русскій большевизм или австро-польскій либо германскій нацизмы. Радикальная русская интеллигенція никогда не желала замѣчать этой его реакціонности. Она автоматически подводила его под категорію «прогрессивных» явленій, позволив красоваться в числѣ «національно-освободительных» движеній.

Сейчас он держится исключительно, благодаря утопической политикѣ большевиков и тѣх стран, которые видят в нем средство для расчлененія Россіи.

ПРИМЪЧАНІЯ

¹ Ю. Шербаківскій — «Форматія української нації» Прага 1942; тоже Нью-Йорк 1958.

² Д. А. Одинец — «Из исторіи украинскаго сепаратизма». «Современныя Записки» № 68.

² Jap Potocki — «Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase». 1829, Paris. Merlin.

³ Такое толкованіе принято было М. С. Грушевским. Но чувствуя его неудобство для украинфильства и для всей своей исторической стемы, он, тѣм не менѣе, ни к какому другому ясному объясненію не пришел. Уже в 1919 г. в «Короткой Исторіи Украины», на стр. 3 он пообщал: «А звѣтки назва Украини пришли — се потім побачимо». Но ни в этой, ни в других книгах не посвятил нас в результаты «побачення». Один из его послѣдователей и, кажется, учеников, Сергій Шелухин, считает все его сужденія по этому поводу — «хаосом догадок». См. Сергій Шелухин — «Украина — назва нашої землі в найдавніших часив». Прага 1936.

⁴ Thadeush Szacki — «O nazwiku Ukrajni i pocztku kozakow» Собр. соч. Варшава, 1843-1845.

⁵ См. об этом: Кн. А. М. Волконскій — «Историческая правда и украинфильская пропаганда». Турин, 1920. — А. Царинный — «Украинское движеніе; краткій историческій очерк». Берлин, 1925.

⁵ A. Tarnowsky. Ks. W. Kalinka. Krakow 1887, с. 167-170.

⁶ А. А. Корнилов — «Общественное движеніе при Александрѣ II». М. 1909, стр. 132.

⁷ Особенно склонен к этому С. Н. Щеголев, собравшій обильный матеріал в польской публицистикѣ XIX-XXвв. См. его «Современное украинство», 1914, а также, ранѣе вышедшее «Украинское движеніе, как современный этап южнорусскаго сепаратизма», Киев 1912.

⁸ А. Ю. З. Р. т. III, № 369.

⁹ Н. И. Костомаров — «Богдан Хмельницкій, даники оттоманской порты». «Вѣстник Европы». Том VI. 1878.

¹⁰ Д. Н. Эварницкій — «Исторія Запорожскихъ казаков», Том II, стр. 248. СПб, 1895.

¹¹ А. Ю. З. Р. т. III № 369; Д. Н. Балтыш-Каменскій, «Исторія Малой Россіи», т. II, стр. 8.

¹² «Do Polaków». Перепечатано П. Кузишем в приложеніи ко II т. его «Исторія воссоединенія Руси», с рѣдкаго изданія, вышедшаго в Краковѣ в 1575 г.

¹³ См. Н. И. Костомаров — «Гетман Иван Свирговскій», Историческіе монографіи т. 2. СПб, 1863.

¹⁴ «Путешествіе попа Лукьянова». Цитируется по П. Кузишу — «Польская колонизація юго-западной Руси». «Вѣстн. Европы», том II. 1874 г.

¹⁵ Киев, 1957.

¹⁶ M. Kostomarow — «Knyhy bytija ukrains'koho narodu», texte publié par E. Borschak avec une introduction et des notes, Paris, 1947.

Второе из изданіе с переводом на французскій языкъ: «Le livre de la genèse du peuple ukrainien». par Georges Luciani. Paris, 1956.

- 16а М. Драгоманов — «Белгородский интервенция и польско-украинский вопрос». Казань 1907. стр. 33.
- 17 Стр. 21.
- 18 См. Костомаров — «Богдан Хмельницкий». т. I, стр. 320-330. СПб 1859.
- 19 С. М. Соловьев — «История России». Том XII, стр. 424. М. 1961 г.
- 20 П. Голубовский — «Печенги, торки, половцы». Киев, 1884.
- 21 См. об этом у П. Кулиша в его «История воссоединения Руси» Том 1 и в «Польской колонизации юго-западной Руси». А также: А. А. Новосельский — «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века». М.-Л. 1948; Günter Stökl. «Die Entstehung des Kosaken tums». Isar-Verlag. München, 1953.
- 22 Творя Пантелеймона Кулиша, т. VI, стр. 578 у Львова 1910.
- 23 С. М. Соловьев — «История России». Том X, стр. 438. М. 1961.
- 24 Г. Ф. Миллер. «Разсуждение о запорожцах». Чт. Моск. О-ва Ист. и Др. Росс. 1846 № 5 стр. 58.
- 25 П. Кулиш — «Польская колонизация юго-западной Руси». —
- 26 С. М. Соловьев — Том XV, стр. 180. М. 1962.
- 27 Голубев «П. Могила», т. I, стр. 403-407; М. Грушевский «История Украины-Руси», т. 8, ч. I, стр. 143-144.
- 28 «Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ad bibliothecis extraneis». Petropoli, 1848, 185-187.
- Н. И. Костомаров — Богдан Хмельницкий, т. 1, СПб, 1859, стр. 289.
- 29 Там же, т. II, стр. 9.
- 30 «Воссоединение Украины с Россией. Документы и Материалы», т. III. М. 1954. № 82.
- 31 Там же, № 166.
- 32 Статейный список посольства В. В. Бутурлина. См. «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы», т. III. М. 1954, № 205.
- 33 Там же.
- 34 Сюжет этот исчерпывающе освещен в работе В. А. Мякотина «Переяславский договор 1654 года». Прага, 1930.
- 35 «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 82.
- 36 Там же. № 205, № 243.
- 37 Эта цитата, приведенная В. А. Мякотным, в его труды «Очерки соп. истории Украины», взята по видимому из неопубликованной еще работы Д. М. Одынца.
- 38 Акты Южн. и Западн. России, III № 369.
- 39 С. М. Соловьев — «История России», т. XI. М. 1961, кн. VI, стр. 116.
- 40 Н. И. Костомаров — «Руина». «Вѣстн. Европы», т. IV, август 1879 г.
- 41 С. М. Соловьев — «История России», т. XII. М. 1961, кн. VI, стр. 487.
- 42 С. М. Соловьев — «История России», т. XI. М. 1961, кн. VI, стр. 21
- 43 Русский Биографич. Словарь, т. 23, стр. 145. СПб, 1911.
- 44 Г. Карпов. — «Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся». М. 1870, стр. 25.
- 45 С. М. Соловьев — «История России», т. XI, М. 1961, кн. VI, стр. 16
- 46 Там же, стр. 14.
- 47 Н. И. Костомаров — «Гетманство Выговского». Историч. монографий и исследований, т. II, СПб. 1863, стр. 186.
- 48 Там же, стр. 142.
- 49 С. М. Соловьев — «История России», т. XI. М. 1961, кн. VI, стр. 51.
- 50 С. М. Соловьев — «История России», т. XI. М. 1961, кн. VI, стр. 54.
- 51 Там же, стр. 384.

⁵² Н. И. Костомаров — Гетман И. С. Мазепа, Русск. История в жизнеописаниях. Вып. VI. СПб. 1876.

⁵³ С. М. Соловьев — «История России», т. XIV. М. 1962, кн. VII, стр. 597-598.

⁵⁴ Н. И. Костомаров — «Руина». «Вѣсти Европы», т. III, июнь 1789, стр. 449.

⁵⁵ С. М. Соловьев, т. XII, М. 1961, стр. 366.

⁵⁶ Там же, стр. 368.

⁵⁷ С. М. Соловьев, т. XII, стр. 374.

⁵⁸ А. Ефименко — «Малорусское дворянство». «Вѣстник Европы», т. IV, август 1891.

Александра Яковлевна Ефименко создала себе крупное имя в науке и неоднократно чествовалась на ученых съездах. Она открыла на севере России древнюю форму крестьянского хозяйства, так наз. «дворянше», а некоторое время спустя, это же явление обнаружила в Белоруссии («печище»). Ей перу принадлежат ряд ценных работ по русской и по украинской истории. В 1919 г., она была разстреляна петлюровцами за то, что дала у себя приют преследуемому жми человеку. См. ее некролог, написанный С. Ф. Платоновым, в журнале «Дѣла и Дни», № 1, 1920.

⁵⁹ С. М. Соловьев — т. XII, стр. 389.

⁶⁰ «Бумаги Императрицы Екатерины II», СПб. 1871, т. I, стр. 389.

⁶¹ Соловьев — т. XII, стр. 384.

⁶² Н. И. Костомаров — «Гетман Ив. Степ. Мазепа», Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. VI. СПб. 1876.

⁶³ С. М. Соловьев. — История России, т. XII, М. 1961, кн. VI, стр. 388.

⁶⁴ С. М. Соловьев, т. XI, М. 1961, кн. VI, стр. 16.

⁶⁵ Там же, т. XII, стр. 371.

⁶⁶ Голицын И. И. — Дополнение к дѣяниям Петра Великого, т. XV. М. 1795, стр. 216-218.

⁶⁷ Соловьев, т. XII, стр. 370.

⁶⁸ Н. И. Костомаров — «Гетманство Выговского», Истор. монография и исследование, т. II, СПб. 1863, стр. 142.

⁶⁹ «История о невнимном заточении боярина Матвѣева». М. 1785, стр. 61.

⁷⁰ «История Русов» — Чтения в Моск. Общ-вѣ Истор. и Древностей Российских. № 4. 1846, стр. 98.

⁷¹ Костомаров — «Гетманство Выговского», стр. 142.

⁷² Александр Орлобин — "Annales de la Petite Russie". Шерера и «История Русов». Науковий Збірник Українського Вільного Університету. т. У, Мюнхен, 1948.

⁷³ Соловьев — т. XIV, стр. 499. М. 1962, кн. VII.

⁷⁴ Том II, стр. 469.

⁷⁵ М. 1951. Учпедгиз, стр. 402.

⁷⁶ Полное Собр. Законов Российской Империи, т. XXI, № 15.724, стр. 907.

⁷⁷ А. М. Лазаревский. Описание Старой Малороссии, 3 тома. — Его же — Малороссійск. послѣднее крѣстьяне. — Его же — Историч. очерки полтавской Лубенщины. — Его же — На истории сел и сѣлек Лѣвобережной Малороссии. — А. Я. Ефименко «Малорусское дворянство». Вѣстник Европы, т. IV, авг. 1891. — А. Романович-Словатинский — «Дворянство в России». Киев 1912 г. — В. А. Мясотин. «Очерки Соціальной Истории Украины в ХУП-ХУІІІ в.». Прага, 1924-1926. III выпуска. Фрагменты ее печатались в «Русском Богатствѣ» в 1912 г. №№ 8, 10, 11.

⁷⁸ А. Я. Ефименко — Малорусское дворянство. (Вѣстник Европы, т. IV, авг. 1891, стр. 533).

79 А. М. Лазаревский. Очерки малороссийских фамилий. Русский Архив, 1875, кн. 9.

80 Ефименко, стр. 532.

81 Лазаревский. Русский Архив, 1875, кн. 8, стр. 408.

82 А. Я. Ефименко, стр. 543.

83 С. М. Соловьев. — Ист. Россія, М. 1961, т. XII, стр. 356 (кн. VI).

84 Проф. Мих. Грушевский. — Иллюстрированная История Украины. СПб 1913, стр. 486.

85 «Велика История Украины». Львов — Виннипег. Стр. 553.

86 «Велика История Украины», Львов — 1948 — Виннипег. Стр. 527.

87 Газета «Америка», 12 жовтня 1946 г. Филадельфія.

88 Киевская старина 1893, 1, 41-76.

89 Собр. Госуд. Грамот и Договоров, т. III, № 137.

90 Г. Карпов — Кратк. обзор разработк главных русских источников до истории Малороссія относящихся. Москва, 1870 г.

91 Письмо в редакцію «Вѣстник Европы», т. IV, авг. 1882 г. §

Там же Костомаров предостерегает от неосторожного пользования казачьими літописями, составленными силою людми, занимавшими видные казачьи чины. «Во всѣх наших літописях, — замѣчает он, — необходимо пройти руку безпристрастного и добросовѣстного критика». Это замѣщание до сих пор не выполнено украинофильской историографіей.

92 Современному читателю не трудно замѣтить сходство этого мотива с пропагандой наших дней, утверждающей, будто Гитлер не утвердился на Волгѣ и не завладелъ всѣмъ міромъ исключительно по винѣ самостійническихъ партизан Бандеры и Бульбы.

93 С. М. Соловьев — т. XV, стр. 271. М. 1962.

94 Василь Шимко — «Полтавська трагедія» — «Наш Вік» (Our Age). Торонто, 3 вересня (сент.) 1949 г.

95 Соловьев — т. XV, стр. 215.

96 Соловьев — т. XVI, стр. 592.

97 См. Соловьев — т. XV, глава IV.

98 К. Мавейнъ пришел в шведскій лагерь только січевики-запорожцы в количествѣ от 1,500 до 2,000 человекъ.

99 Н. И. Костомаров — «Мазепа». Историч. монографія. М. 1883, стр. 446.

100 Соловьев — т. XVI, стр. 592.

101 Александр Оглобин — “Les Annales de la Petite Russie” Шерера и «Исторія Русов». Наукowy Збірник Українського Вільного Університету, т. V. München, 1948.

102 С. М. Соловьев — т. XVIII, глава III.

Н. И. Костомаров — «Русская История в жизнеописаниях ея главнѣйшихъ дѣятелей». Вып. VI, «Петр Великій».

А. М. Лазаревскій — Павел Полуботок. Русск. Архив 1880.

103 Киевская Старина, 1893, 1, стр. 54.

104 А. М. Лазаревскій — Отрывки из семейнаго архива Полетих, Киевская Старина, 1891, № 4.

105 Киевская Старина, 1882, II; 1888, III.

106 М. Грушевскій — Иллюстрированная История Украины. СПб, 1913, стр. 430.

107 Там же, стр. 431.

108 А. Н. Пыпин — История русской этнографіи, т. III, стр. 20. СПб. 1891.

109 М. Н. Катков Передовицы за 1863 г., вып. 1 стр. 276-279, М. 1887.

110 «Листы на Наддніпрянскую Украину».

111 Листы

- 112 «Русская Старина», 1868, декабрь, стр. 599.
- 113 Н. Беккер — Декабристы и польский вопрос. (Вопросы Истории 1948, № 3).
- 114 Восстание декабристов. Материалы т. IX, стр. 73, 1950.
- 115 Там же, стр. 72.
- 116 В. И. Семеновский Политическая и общественная идея декабристов СПб, 1909, стр. 300.
- 117 М. В. Нечкина — Общество Соединенных Славян. ГИЗ 1927.
- Georges Luciani — La Société des Slaves Unis. Université de Bordeaux 1963. На стр. 34 здесь можно прочесть: “Pas un mot, pas une allusion dans leurs déclarations, pas un geste de leur comportement de supposer qu'ils aient le moins sympathisé avec une forme quelconque de l'ukrainisme”
- 118 В. И. Семеновский — Политич. и общ. идеи декабристов. стр. 303.
- 119 Восстание декабристов. Материалы т. IX, стр. 41.
- 120 Там же.
- 121 Киевская Старина, 1903, № 12, стр. 137; Семеновский, стр. 302.
- 122 Восстание декабристов. Материалы т. IX, стр. 189.
- 123 Там же, стр. 40, 62.
- 124 Центральные — Восстание Декабристов. Материалы, т. I, стр. 180.
- 125 С. Н. Щеголев — Украинское движение, как современный этап южно-русского сепаратизма, Киев, 1912, стр. 27.
- 126 «Былое», 1919 г., XIV, стр. 94.
- 127 «Власть и общественность на закате старой России», т. I, стр. 222. Париж, 1936 г.
- 128 М. Драгоманов — «Шевченко, Українофіли і соціалізм», «Громада», № 4, 1879 г.
- 129 «Основа», 1861 г., IV, стр. 53.
- 130 М. Драгоманов — «Громада» № 4, 1879 г.
- 131 П. Кулиш — История воссоединения Руси, т. II, стр. 25.
- 132 М. Kostomarov — “Knyhu bytija ukrainskoho narodu”, Paris, 1947.
- 133 Воспоминания о двух малярах. «Основа», 1861 г., IV, стр. 53.
- 134 «Громада» № 4, 1879.
- 135 Сборник памяти Тараса Шевченко. Киев, 1915. Аналогичная высказывания можно найти в незаконченном романе Костомарова «Паньч Наталеч». См. Georges Luciani: “Le livre de la genèse du peuple ukrainien”. Paris. 1956, p. 46.
- 136 А. Н. Пыпин — «История Русской Этнографии». т. III, стр. 156-157.
- 137 Автобиография — «Литературное Наследие», СПб, 1890, стр. 28.
- 138 Книги бытия украинского народа.
- 139 А. Пыпин — Некролог Костомарова. Вѣсти. Европы, май 1885.
- 140 «Два русские народности», Историч. Монографии и исследования, т. I, стр. 229. СПб, 1863.
- 141 Книги бытия.
- 142 «По поводу князя М. О. Карловича». В. Е., т. II, апрель 1885.
- 143 «Вѣст. Европы», т. I, февраль 1882.
- 144 Записки о жизни Гоголя. 185, стр. 6.
- 145 «Основа», 1861. Обзор литературы.
- 146 П. Кулиш — «Крашанка».
- 147 Костомаров — «Историческая поэзия», Вѣсти. Европы, т. VI, декабрь 1874.
- 148 Словарь Брокгауза-Эфрона, т. 41, стр. 314.
- 149 «Опыт украинской политико-социальной программы», Женева, 1884.

- 150 См. его Психолог М. А. Максимовича — «Вісти. Європы», 1874, март.
- 151 Опыт Укр. полит.-соц. программы, стр. 31-32.
- 152 «La littérature oukrainienne proscrite par le Gouvernement Russe. Rapport présenté au Congrès littéraire de Paris (1878) par Michel Dragomanow. Genève, 1878.
- 153 М. Лемке — «Эпоха Цензурных реформ 1859-1865 годов». СПб 1904, стр. 302-304.
- Хрестоматія по історії СССР, т. III, 1952, стр. 157-158.
- 154 М. Драгоманов — Листи на надніпрянську Україну, Київ, 1917, стр. 47.
- 155 Новое Русское Слово, 25, июня 1953. New York.
- 156 М. Грушевский — Иллюстрированная История Украины, стр. 512, СПб. 1913.
- 157 М. П. Драгоманов — «Великорусский Интернационал и польско-украинский вопрос». Казань, 1907, стр. 55.
- 158 Великорусский интернационал, стр. 82-83.
- 159 В. Яновский — «Спогади волонтьора». Літерат.-Науковий Вістник. 1911, VII-VIII, стр. 92-93.
- 160 «Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос», стр. 61
- 161 «Світло», 1912, 111 стр. 71; «Последние Новости», 1912, № 174
- С. Н. Щеголев — Украинское движение, 1912, стр. 483-84.
- 162 С. Н. Щеголев, — стр. 477.
- 163 Игорь Буненко — «Что должен знать каждый об украинцах», Мюнхен, 1948 г. стр. 14.
- 164 Там же, стр. 15.
- 165 А. Н. Пыпин — «Малорусско-польские отношения», Вісти. Європы. т. I, февраль 1886 г.
- М. П. Драгоманов — «Шевченко, Українофіли і соціалізм», Громада. № 4, 1879 г.
- 166 «Историчне значіння Унії». «Українські Вісти», 15 февр. 1946 г.
- 167 «Литературный сборник» Дедицького. II-III, стр. 121.
- 168 Иллюстрированная история Украины, СПб, 1913, стр. 507.
- 169 Потрясающую картину австрийских австрь, не уступающих по жестокости гитлеровским, дают 4 выпуска «Талергофского Альманаха», вышедших во Львові между 1924 и 1934 гг. В 1964 г. они переизданы П. С. Гардым под заглавием «Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг. Галицкая Голгофа». Trumbull, Conn. U. S. A.
- 170 Драгоманов — «Листи на Надніпрянську Україну».
- 171 Там же, стр. 72.
- 172 Журнал «Молодая Украина». См. предисловіе Юрия Колмарда к новому изданию «Самостійной Украины» Михновского, стр. 8 Видавництво «Український Патріот» 1948.
- 173 Львов, 1944 г.
- 174 Твори Л. Габцова, К. Климковича и В. Шашкевича. Львів, 1911.
- 175 «Українська Хата» 1912, VI, стр. 350.
- 176 Д. Корсаков — Констант Дмитріевич Кавелин. «Вісти. Евр.», авг. 1887.
- 177 Літер. Науковий Вістник, 1898.
- 178 «Ліхо», 1899, № 288.
- 179 «Укр. Вістник» № 2. Перепечатана в сборнике «Освобождение России и украинский вопрос». СПб, 1907.
- 180 С. Н. Щеголев — Украинское движение. Киев 1912, стр. 106.
- 181 Свободное слово Карпатской Руси. № 9-10, 1965. U. S. A.
- 182 И Франко — «Молода Україна», стр. 37.

- 183 О. Огоновский — История литературы русской. ч. I. Львов. 1887.
- 184 Н. Костомаров — Задачи украинифильства. Вѣстн. Европы. т. I, февраль 1882.
- 185 В частности, от многого что писал раньше, он отказывается, и многое из прежних высказываний не разделяет.
- 186 М. Драгоманов Листы на наддніпрянску Украину, стр. 63-64.
- 187 Там же.
- 188 С. Тимошенко — Воспоминанія, стр. 283-84. Париж 1963.
- 189 Драгоманов — Листы, стр. 62; 67.
- 190 Листы на наддніпрянску Украину, стр. 43.
- 191 Воспоминанія, стр. 283-84.
- 192 История литературы русской. Написав Омелян Огоновский, ч. I-II, Львів, 1887-1889.
- 193 А. Пылин — «Особая история русской литературы», Вѣстн. Европы. т. V, сент. 1890.
- 194 Киев, 1910 г.
- 195 Проф. Михаил Грушевский — Очерк истории украинского народа. Изд. второе, СПб, 1906.
- 196 Иллюстрированная История Украины. СПб, 1913, стр. 312.
- 197 Иллюстр. История Украины, стр. 312.
- 198 Микола Михновский — «Самостійна Україна», стр. 20. Видавництво «Українськ. Патріот», 1948 г. Перепечатано с издания 1900 г.
- 199 В. Садовский — Студентське життя у Києві у 1904-1904 роках. Сборник «З минулого», т. II, 1939, Варшава, стр. 10.
- 200 См. предисловіе Ю. Колларда к изданію «Самостійной Украины», 1948 г.
- 201 С. Щеголев Современное украинство. Киев 1914, стр. 78.
- 202 Украинська Хата, 1911. Цитується по С. Н. Щеголеву — Украинское Движение, Киев, 1912, стр. 152.
- 203 П. Н. Милунов — Россия на перехожді, т. I, стр. 217.
- 204 С. П. Мельгунов — Золотой німецький ключ большевиков. Париж. 1940, стр. 18.
- 205 Там же, стр. 90-91.
- 206 Сборник статей по славновіднію, 1904.
- 207 См. также «Литературное Наслѣдство», вып. 3, 1932 г.
- 208 «Листы», стр. 80.
- 209 Niederle, L.: «La race Slave». Trad. du chèque. Paris, 1911.
- р. 58.
- 210 «На разные темы». — Русская Мысль, январь 1911 г.
«Общественная культура и украинский партикуляризм». — Русская Мысль, январь 1912 г.
- 211 Одна еврейская газета на русском языкѣ, издававшаяся в Киевѣ, писала, что она отнюдь не противница и не ненавистница малороссов, «но когда Шекспира и Ибсена переводят на мертвое, для оживленія замѣненное профессором Грушевским до неузнаваемости и непонимаемости нарѣчіе — это противно. Таких явленій мы, конечно, противники и будем с ними бороться и будем их высмѣивать». («Южная Конейка» 1911, № 309. Цитируем по С. Н. Щеголеву, стр. 472).
- 212 См. интервью д-ра Крамаржа, данное сотруднику «Нового Времени». «Новое время», октябрь 1911. № 12804.
- 213 С. Н. Щеголев — Украинское движение 1912, стр. 479.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Запорожское Казачество	9
Захват Малороссии казаками	29
Борьба казачества против установления государственной администрации в Малороссии	49
Начало «идеологии»	76
Установление крепостного права в Малороссии.	88
Катехизис	102
«Возрождение»	140
Первые организации	171
Галицкая школа	203
Формальный национализм	236

Того же автора:

Исторический опыт России. Нью Йорк 1962

Съверный Тальма. Вашингтон 1964.